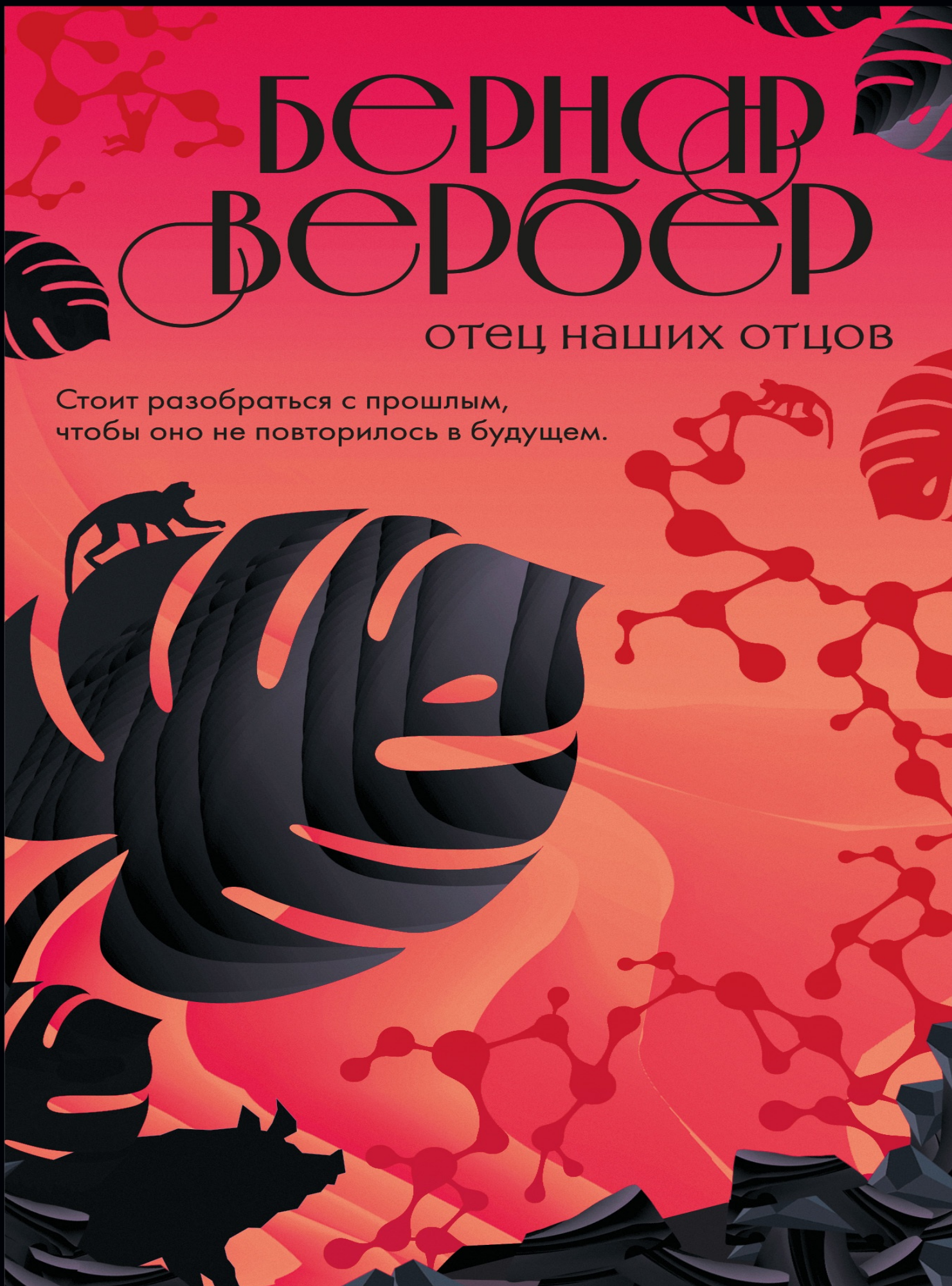

БЕРНСА ВЕРБОЕР

отец наших отцов

Стоит разобраться с прошлым,
чтобы оно не повторилось в будущем.

Annotation

Жестоко и беспощадно убит уважаемый профессор палеонтологии. Он открыл нечто такое, за что и поплатился жизнью. А именно – недостающее звено в эволюции человека. Неужели правда о нашем происхождении так страшна? Но это только слухи. Или нет? Два отважных журналиста не побоятся выяснить правду, даже если им придется спастись от пуль, отправиться в колыбель человечества и отбиваться от теорий самых безумных ученых современности.

- [Бернар Вербер](#)
 -
 -
 - [Недостающее звено](#)
 - [1. Три вопроса](#)
 - [2. Бутылка в море](#)
 - [3. Спасайся кто может](#)
 - [4. В ванне](#)
 - [5. Животный страх](#)
 - [6. Рубрика «общество»](#)
 - [7. Запретные заботы](#)
 - [8. Затворник замка](#)
 - [9. Зверю конец](#)
 - [10. Ночной визит](#)
 - [11. Его стая](#)
 - [12. Исидор Каценберг](#)
 - [13. Пиршество](#)
 - [14. Мышь и слон](#)
 - [15. Собирательство](#)
 - [16. Плохие четверть часа](#)
 - [17. Гроза](#)
 - [18. Прекрасный принц](#)
 - [19. Пещера](#)
 - [20. Древо будущего](#)
 - [21. В глубине пещеры](#)
 - [22. Место преступления](#)
 - [23. Дальше в глубь пещеры](#)

- [24. Дым и пар](#)
- [25. В глубине пещеры](#)
- [26. Теория астронома Сандерсона](#)
- [27. Змея](#)
- [28. Теория профессора Конрада](#)
- [29. Прожорливая ночь](#)
- [30. В клетке](#)
- [31. Влажное пробуждение](#)
- [32. Теория доктора Ван Лисбет](#)
- [33. С ветки на ветку](#)
- [34. Мясная империя](#)
- [35. Валуны](#)
- [36. Теория инженера Элюана](#)
- [Над колыбелью человечества](#)
 - [1. За пределы известного](#)
 - [2. Паря в вышине](#)
 - [3. Полувывсохшее озеро](#)
 - [4. Вдогонку за обезьяной](#)
 - [5. Личное время](#)
 - [6. Следы стоп](#)
 - [7. Бабуины](#)
 - [8. В Олдувай](#)
 - [9. Изящество и проворство](#)
 - [10. Игра в три камешка](#)
 - [11. Наставник молодежи](#)
 - [12. У масаи](#)
 - [13. Вожак](#)
 - [14. Рифт](#)
 - [15. Землетрясение](#)
 - [16. Падение](#)
 - [17. Ущелье](#)
 - [18. Над пропастью](#)
 - [19. В ногах](#)
 - [20. Долина Олдувай](#)
 - [21. Люди, как они](#)
 - [22. Софи Элюан](#)
 - [23. После разгрома](#)
 - [24. Еще одна теория](#)
 - [25. Ах, женщины!](#)

- [26. Стражники святилища](#)
- [27. Она](#)
- [28. Дипломатия](#)
- [29. ЕЕ гибель](#)
- [30. На дне дыры](#)
- [31. Рифт](#)
- [32. Рукопись профессора](#)
- [33. Оно](#)
- [34. Другой зверь](#)
- [35. Это существо](#)
- [36. Встреча](#)
- [37. Другой](#)
- [38. Негаданный партнер](#)
- [39. Его подруга](#)
- [40. Вот оно что?..](#)
- [41. НОВАЯ ОНА](#)
- [42. Вот оно что!](#)
- [43. Ева](#)
- [44. ...](#)
- [45. Они](#)
- [46. Без обиняков!](#)
- [47. Каин](#)
- [48. Полный крах](#)
- [49. Авель](#)
- [50. Каменная тюрьма](#)
- [51. Каин и Авель](#)
- [52. Неожиданные союзники](#)
- [53. Прощай, яма](#)
- [Неудобный предок](#)
 - [1. Блестящий сюжет](#)
 - [2. С высоты](#)
 - [3. Один](#)
 - [4. Клиника](#)
 - [5. Вместе со стервятниками](#)
 - [6. Звездный полет](#)
 - [7. Освоение одиночества](#)
 - [8. Погоня](#)
 - [9. Маски сорваны](#)
 - [10. Более сложная теория](#)

- [11. Время учиться](#)
 - [12. Еще более сложная теория](#)
 - [13. Подобны ли мы крысам?](#)
 - [14. В воронке](#)
 - [15. ...или мы, как муравьи?](#)
 - [16. Теория непонятого друга](#)
 - [17. Смерть богини-матери](#)
 - [18. Тайна профессора Аджемьяна](#)
 - [19. Передача эстафеты](#)
 - [20. Последняя теория](#)
 - [Благодарность](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
-

Бернар Вербер

Отец наших отцов

Bernard Werber
LE PÈRE DE NOS PÈRES

© Кабалкин А., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Посвящается Барнабе

*«То, что я думаю,
То, что хочу сказать,
То, что вроде бы говорю,
То, что говорю,
То, что вам хочется услышать,
То, что вы вроде бы слышите,
То, что вы слышите,
То, что вам хочется понять,
То, что вы понимаете, –
все это варианты трудностей
с коммуникацией.
И тем не менее попытаемся...»*

*Энциклопедия относительного и абсолютного
знания Эдмонд Уэллс*

Недостающее звено

1. Три вопроса

Кто мы?

Куда идем?

Откуда взялись?

2. Бутылка в море

Париж.

Наши дни.

Профессор Аджемьян вышел из кухни.

Сев за письменный стол, он взял черную ручку и записал в блокноте: «Готово. Наконец-то нашел. Я знаю, как ответить на один из трех фундаментальных вопросов, которыми обязан задаваться любой человек: «Откуда мы взялись?»»

Он немного помедлил, раздумывая, как лучше продолжить, и быстро застрочил: «Я знаю, в какой момент появился первый человек. Знаю, почему животное в один прекрасный день превратилось в существо с настолько сложным разумом, что теперь оно способно заниматься любовью, обернув половой член латексом, по четыре часа в день смотреть телевизор и по собственной воле забиваться в душные вагоны метро вместе с сотнями себе подобных».

Он растянул губы в безрадостной улыбке, набрал в легкие побольше воздуха и продолжил: «Я знаю, почему и как родилось человечество. Мне известна личность того, кого, за неимением лучшего обозначения, привычно именуют «недостающим звеном».

Щеку профессора свело нервным тиком.

«Это страшный секрет. Мир вздрогнет от удивления, когда я его разглашу. Потому мне и требуется помощь от тебя – того, кто меня читает. Ты ни в коем случае не должен подвести».

Ручка перестала писать. Он порылся в ящике стола и нашел другую. «Ничуть не сомневаюсь в своем открытии, но ты знаешь людей. Большинство ничего не слышит. Те немногие, кто слышит, не слушают. Редкие слушающие не понимают. Что же до тех, кто мог бы понять... Этим все равно. Что проку раскрывать тайну человечества, если она никому не нужна? Мало подарить, надо подготовить людей к приему подарка. Информация о том, что Земля круглая, распространялась очень и очень постепенно. Вот и секрет недостающего звена надо распространять постепенно. Никого не задевая. Сначала просто возвращаясь к давно позабытой старой диковине и лишь потом наполняя ее смыслом».

Профессор Аджемьян перечитал написанный абзац и продолжил: «Этот секрет приводит в замешательство. До того как начались мои исследования на Африканском континенте, я не мог и помыслить о том, что

я там открою. Но я молю тебя верить мне. Я обнаружил истину, самую истинную истину. И я располагаю доказательствами этого».

Он утер со лба пот.

«Без тебя, без твоего доверия, без твоей поддержки все мои труды ни к чему не приведут. Прошу тебя, помоги. Пришло время дать ответ на великий вопрос: откуда мы взялись».

3. Спасайся кто может

Где-то в Восточной Африке.

3,7 миллиона лет тому назад.

ОН только что выскочил из расселины.

ОН бежит, задыхаясь на бегу.

Рядом с ним раздается хриплое дыхание его брата.

Ответственный момент.

Они с братом приблизились к стае гиен и раздражили их звуками и жестами. Животные бросились за ними в погоню. Это обычный способ заманить добычу в ловушку. Задача братьев – завлечь гиену и подманить ее к большому дереву. С его низких ветвей на животное прыгают их притаившиеся среди листвы соплеменники и, пользуясь тем, что их целая орава, душат хищника.

Но сегодня все гораздо сложнее. Во-первых, гиен целых три, причем крупных, и они сами устроили погоню. Во-вторых, в панике отчаянного бегства оба беглеца потеряли ориентиры и совершенно заплутали.

Куда подевалось большое дерево, на котором засели их соплеменники?

Они мчатся что есть силы, галопом. Впереди большая лужа грязи. Они без раздумий прыгают в грязь: она сильно замедляет скорость бега гиен. ОН и его брат способны бегать и на двух, и на четырех конечностях, гиены же этого выбора лишены.

Они выпрямляются и бесстрашно форсируют лужу на двух ногах. Грязь хоть и липнет к ним, но не замедляет бега, тогда как четвероногие вязнут в грязи. Они с братом уверены, что гиены откажутся от преследования, но те, с трудом преодолев лужу, кидаются следом за ними с утроенной свирепостью.

ЕМУ и его брату снова приходится улепетывать.

Самая быстроногая из гиен почти настигает их, ОН уже чувствует на своих икрах ее горячее зловонное дыхание. Основное правило погони – никогда не оглядываться. Что бы ни происходило – ни за что! Но любопытство – страшная сила. ОН не может побороть желание выяснить, догоняет ли его гиена. Он чуть поворачивает голову и видит разинутую пасть и готовый впиться в него острый клык.

4. В ванне

Глубокая рана ниже пупка походила на растянутый в злобной усмешке рот. Профессор Аджемьян получил удар в живот чем-то острым и перестал двигаться.

Он остался сидеть, окаменевший, как от изумления, в собственной крови.

Распахнутая входная дверь поскрипывала на петлях.

Первой на него наткнулась горничная. Бормоча португальскую детскую считалку, она приступила было к уборке квартиры, как вдруг обнаружила в ванне окоченевшее тело профессора. Издав пронзительный крик, она быстро перекрестилась и помчалась на первый этаж, за мужем, работавшим охранником. Тот поднялся в профессорскую квартиру, длинно выругался на тему невыясненных особенностей половой жизни неких португальских святых и позвонил в полицию.

Сначала на площадке перед квартирой собрались соседи, привлеченные шумом, но на всякий случай не дерзавшие переступить через порог. Потом: троица полицейских, официально взявшая под контроль место преступления. Потом: молодой инспектор изнуренно-скептического облика. Потом: журналист из агентства новостей, перехвативший на рации в своей машине вызов полиции. Потом: два журналиста ежедневных изданий, еще не отошедшие после вчерашней полицейской облавы, затянувшейся допоздна. Потом: очередная порция любопытных соседей, интересующихся у остальных, что произошло. Потом: журналистка из еженедельника, по случайности проживающая этажом выше, спокойно спускавшаяся по лестнице и заинтригованная суматохой. Стороживший дверь полицейский пропустил ее, проверив журналистское удостоверение. Потом: мухи. Потом: клещи-трупоеды. Последние, впрочем, ввиду необходимости преодолеть большое относительно их размера расстояние, настигли труп позже всех остальных.

Молодой инспектор внимательно осмотрел место преступления, пересек его взад-вперед во всех направлениях и поделился с присутствующими журналистами своими умозаключениями. У него выходило, что преступление совершил, скорее всего, жадный до крови серийный убийца. В квартале у него было уже несколько жертв. Каждый раз обстоятельства были примерно одинаковыми. Убийца слонялся по коридорам жилых домов в поисках двери, которую жилец по оплошности

оставил незапертой. Набредя на такую дверь, он входил в квартиру, хватал первый подвернувшийся под руку предмет, годный на роль оружия, и наносил им смертельный удар.

– С начала месяца это уже пятое преступление такого рода. Все одно и то же. Ни следов, ни признаков незаконного проникновения, дверь не взломана. Орудием убийства послужил предмет, подобранный здесь же, – один из палеонтологических молотков, их в кабинете полно. Наверное, убийца унес его с собой, чтобы выбросить в мусорный бак. Если бак еще не увезли, то, скорее всего, изучение местного мусора позволит найти молоток.

Расследование, едва начавшись, уже завершилось. Молодой полицейский попросил журналистов непременно напомнить читателям о необходимости тщательно запираить за собой двери. Особенно в больших городах, где лучше ко всем вокруг относиться с недоверием.

Журналисты не изъявили намерения запомнить эту гражданственную рекомендацию. Они увлеченно орудовали фотоаппаратами, подбирая выигрышные ракурсы.

Инспектор поглядывал издали на журналистку еженедельника. Она казалась в этом тусклом антураже феерическим видением. Длинная шевелюра рыжих, мелко вьющихся волос, перехваченная черной бархатной лентой, изумрудно-зеленые глаза, китайская куртка-безрукавка, тонкие плечики напоказ, хотя воротник в стиле «Мао» скрывает шею, изящная манера передвигаться в манере юркой мышки... Перехватив ее заинтересованный взгляд, он изобразил суровость.

– В какой газете вы работаете и как ваше имя, мадемуазель?

– Лукреция Немрод, «Геттёр Модерн». Только не волочитесь за мной, не тратьте время зря. Я никогда не смешиваю удовольствие и работу, – ответила она, увлеченно чавкая жвачкой.

Молодой человек покраснел и отправился к караульным у двери, чтобы нещадно отчитать их за то, что они до сих пор не разогнали стайку соседей, все еще топтавшихся на пороге.

Своей отповедью журналистка добилась желаемого – осталась одна. Теперь она могла разглядеть папки на столе убитого. Одна была озаглавлена Curriculum vitae. Открыв ее, она обнаружила, что профессор Аджемьян был, скорее всего, светилом науки: об этом свидетельствовали его дипломы палеонтолога, выданные французскими, английскими и американскими университетами.

Следующей она полистала папку «Пресса», где случайно наткнулась на свежую вырезку. Профессор сообщал, что скоро займется раскопками в

Танзании, в ущелье Олдувай, где постарается выявить «истинную природу недостающего звена» человечества.

Вдоль стен стояли виселицы-кронштейны, на которых болтались в петлях из скрученной проволоки обезьяньи скелеты. Справа под стеклом поблескивали сотни лакированных костей с аккуратными этикетками. Слева красовались фотографии гримасничающих шимпанзе, здесь же экспонировался всевозможный инвентарь для раскопок: заступы, лопаты, щетки, скребки, увеличительные стекла, ассортимент ледорубов.

Она заглянула в ванную. Под вспышками ее коллег-журналистов голое белое тело профессора Аджемьяна, сидевшее в ванне, выглядело как восковой манекен, замоченный в сливовом соке. Трупное окоченение сделало свое дело. Глаза мертвого ученого были широко распахнуты, рот разинут, брови залезли на лоб.

А вот положение тела вызывало любопытство. Левая рука была опущена в воду смертельной ванны, тогда как правая рука вцепилась в фаянсовый борт, причем указательный палец указывал на зеркало.

Можно было подумать, что перед смертью профессор хотел указать на что-то или на кого-то, отражавшегося в нем.

5. Животный страх

За его спиной беснуется дикий зверь.

ОН едва увертывается от челюстей гиены.

Чтобы выйти из положения, грозящего верной гибелью, нужно поменять траекторию.

Эта мысль повторяется у него в голове снова и снова:

ЧТОБЫ ВЫЙТИ ИЗ ПОЛОЖЕНИЯ, ГРОЗЯЩЕГО ВЕРНОЙ ГИБЕЛЬЮ, НУЖНО ПОМЕНЯТЬ ТРАЕКТОРИЮ.

ОН столько ее мусолит, что в конце концов до него доходит смысл, и ОН резко сворачивает вправо.

Смена курса.

Другим, если они хотят и дальше бежать за ним, тоже надо изменить траекторию. Быстрее всего реагирует его брат. Но и три гиены поступают так же и продолжают преследование. Проблема с гиенами – их упорство. Они способны преследовать добычу на большие расстояния, бывает, что по несколько дней кряду.

Он удлиняет скачки. Брат выбился из сил, его дыхание становится все более хриплым. Что поделать, если не имеешь длинных острых клыков, надо иметь объемные легкие и мускулистые лапы.

Брату так не терпится достичь большого дерева, что он смотрит только вперед. Но в поле зрения ничего нельзя различить. Жара привела к засухе, деревья чахнут, слонам все легче их ломать, что приводит к расширению безлесного пространства. Все обширнее делаются степи с высокой травой, саванны с редкими акациями и баобабами, а больших густых деревьев становится все меньше. Из-за этого ОН и его соплеменники превращаются в легкие жертвы для плотоядных хищников.

Гиены все ближе. Одна выбрасывает вперед лапу, и сбитый с ног брат оказывается на земле, катится кубарем. Проблема двуногих в том, что им грозит гибелью любая подножка. В него уже вцепились две гиены. Одна выгрызает ему нос, чтобы не двигался, другая уже погрузила клыки ему в живот.

Прощай, братец, на соболезнования нет времени.

Третья гиена, самая жирная, не прекращает преследование. ОН бежит зигзагами в надежде ее утомить. Но все напрасно. ОН уже знает, что если прямо сейчас не найдет соплеменников, то ему не выжить.

Куда же подевалась родная стая?

6. Рубрика «общество»

Малый конференц-зал на первом этаже был полон, там собрались сотрудники редакции «Общество» журнала «Геттёр Модерн». Лукреция Немрод впервые участвовала в этом ритуале, и Фрэнк Готье, ее коллега, предложил ей сесть рядом с ним.

Курьер принес пачку экземпляров номера, который появится в киосках завтра. Журналисты все расхватили, чтобы проверить, не сократили ли в последний момент их статьи и не забыли ли подписать их именами авторов.

Председательствовала на летучке Кристиана Тенардье, заведующая рубрикой, защищенная массивным столом из холодного мрамора. Поприветствовав сотрудников, она сразу их поторопила, предупредив, что в час дня у нее важная встреча за ланчем.

– Работаем, – продолжила она, – как обычно, предложения вносим по очереди, по часовой стрелке: каждый предлагает для следующего номера свою тему.

Максим Вожирар, журналист, под юмористическим углом обзоревавший социологическую тематику, взял слово первым. Он собирался написать статью об исчезающей профессии – торговцах субпродуктами.

– Ввиду недавно открытых опасных свойств некоторых белков, присутствующих в организмах крупного рогатого скота, а также из-за неуместной людской сверхчувствительности, – объяснил он, – потребитель все чаще отказывается употреблять в пищу внутренности, печень, почки, головной и костный мозг. В результате в ресторанных меню все реже появляются такие традиционные блюда, как требуха по-кански, мозги с каперсами, почки под соусом из мадеры.

Заведующая рубрикой согласилась, что речь идет о благородной борьбе за выживание, и поспешила зажечь зеленый свет реабилитации блюд из внутренностей.

Флоран Пеллегрини, криминальный репортер, пожелал разобраться с историей бабушки, долго жившей взаперти в своей парижской квартире и потом найденной обглоданной собственными кошками.

– Блестящая детективная чернуха, – похвалила заведующая рубрикой, – но только если сдобрить ее юмором.

Клотильда Планкаоз, специализировавшаяся в экологии, напомнила о

Чернобыльской атомной электростанции: даже если о ней больше не говорят, она неуклонно погружается в землю и скоро, достигнув горизонта грунтовых вод, отравит всю питьевую воду в округе.

Заведующая рубрикой скорчила гримасу: с ее точки зрения, эта тема вышла из моды.

Тогда Клотильда Планкаоэ вызвалась написать статью о массовых самоубийствах китов на берегах Калифорнии.

– Известно, что киты издают инфразвуковые сигналы, преодолевающие огромные расстояния. Но их прохождению препятствует шум корабельных винтов. Киты лишаются возможности переговариваться и из-за дефицита общения кончают с собой.

Кристиана Тенардье махнула рукой.

– Неинтересно. Моя бедная Клотильда, если воображение ничего вам не подсказывает, кроме затасканных тем и жвачки из англо-саксонской прессы, то впредь вам, наверное, лучше не утруждать себя посещением наших совещаний.

Клотильда Планкаоэ побледнела, вскочила и бросилась к двери, чтобы не доставлять начальнице удовольствие своими слезами. Начальница пожала плечами и закурила сигару.

– Клотильда слишком ранима, – фыркнула она. – В этом ремесле баба должна быть с яйцами.

Флоран Пеллегрини двинулся было к выходу, чтобы попробовать утешить молодую журналистку-эколога, но хозяйка совещания своим окриком заставила его замереть на месте.

– Бросьте! Кончится приступ уязвленного самолюбия – сама вернется. У нее все равно нет выбора. Следующий!

Гислен Бержерон поднял тему обстановки страха в лицах. Многие преподаватели запуганы учениками, все чаще приносящими на занятия холодное оружие и даже купленное из-под полы огнестрельное.

– Учителя знают: за плохую отметку они могут поплатиться проколотыми шинами, а то и расстаться с жизнью. У многих не выдерживают нервы, только что открыт девятый по счету центр отдыха для преподавателей с профессиональным неврозом.

– Превосходный сюжет! Среди наших подписчиков большой процент работников образования.

Дождавшись своей очереди, Кевин Абитболь, журналист, умевший писать сразу обо всем, предложил составить перечень ста богатейших французов.

Эта тема уже поднималась, конечно, всего месяц назад, но людям

нравится знать, кому завидовать, поэтому лучшую гарантию успешных продаж трудно было придумать.

На тот момент в списке не связанных с риском, стопроцентно продаваемых тем фигурировали следующие: «новые холостяки», «вольные каменщики», «кризис недвижимости» и, ясное дело, «сто самых богатых французов». Дальше следовали в порядке убывания «новые диеты для похудения», «Бог и Наука», «боли в спине» и «сексуальность французов».

При любом снижении продаж журнала можно было прибегнуть к этим верным средствам. Но наступили времена, когда стадо шло на зов уже не так покорно, как раньше. Официальной причиной этого объявлялось всемогущество телевидения. В неофициальном порядке высказывались претензии к конкурирующим органам печати, выкладывавшим на прилавки продукцию в более лакомых обложках, с беспроигрышными заголовками: «Масоны-холостяки», «Бог и сексуальность французов...» Медлить было нельзя, приходилось выкатывать тяжелую артиллерию. «Сто богатейших французов» – снаряд самого верного калибра.

Довольная заведующая рубрикой продолжила опрос и повернулась к Фрэнку Готье, научному обозревателю. Тот предложил сюжет «гомосексуальность – наследуемый ген?» По его словам, серьезные научные изыскания американской лаборатории позволяли ответить на этот вопрос утвердительно. «Научные», «серьезные», «американская лаборатория» – три позиции, обязанные придать достоверности любому утверждению.

Тем не менее Флоран Пеллегрини поднял руку.

– Прошу прощения... Наследуемый ген? Я, конечно, не ученый, Фрэнк, и все же мне сдается, что гомосексуалы не размножаются.

Все двадцать журналистов в зале от смущения захихикали. Это неуместное веселье рассердило заведующую рубрикой.

– Прекрасный сюжет! – постановила она. – У нас много читателей-гомосексуалов, обожающих статьи такого рода. Им важно, правда это или нет.

Ободренный Фрэнк Готье решил представить свою новую стажерку. Он объяснил, что Лукреция Немрод постигала секреты журналистики в еженедельнике на севере страны, чей главный редактор горячо ее рекомендовал.

Кристиана Тенардье оглядела новенькую с головы до ног, уделив особенно пристальное внимание рельефу упругой груди. Задержался ее взгляд и на длинной мелко завитой рыжей шевелюре. Сама она носила короткие волосы цвета платины. Зрелая самка человека за считанные

секунды разглядела в молодой самке соперницу. Это первое впечатление подтверждалось сигналами от органов обоняния. От Лукреции Немрод тянуло гормонами свежести, не то что от Кристианы Тенардье, вынужденной обильно орошать себя дорогостоящими духами.

В довершение зол Лукреция Немрод обладала природным изяществом. И главное – главное! – дерзким взором, выдававшим уверенность, которую та не теряла даже на чужой территории.

Кристиана Тенардье взяла себя в руки. Она вспомнила статью Пеллегрини, где говорилось, что в женских тюрьмах старые заключенные набрасываются на слишком миловидных новеньких и уголками кусков сахара уродуют им личики. Почему сахар? Потому что шрамы от этого жесткого лакомства ничем не вывести.

– Региональные ежедневники – блестящая школа, – наставительно молвила она. – Какую тему она предлагает?

Лукреция Немрод встала.

– Сегодня утром, выйдя из дома, я застала столпотворение у дверей квартиры, расположенной под моей. Там совершено убийство. Полиция уже прибыла. Моего соседа, принимавшего ванну, убили ударом ледоруба в живот.

Заведующая рубрикой еще раз подожгла сигару, грозившую потухнуть, и стала выпускать дым во все стороны, как будто напоминая о своем намерении отравить легкие всем вокруг, кто посмеет ей противоречить.

– Преступление – епархия Флорана Пеллегрини.

– Жертва – известная личность. Это профессор Пьер Аджемьян, один из крупнейших в мире специалистов в области палеонтологии. Он ставил цель обнаружить недостающее звено.

– Что-что?

– Недостающее звено. Первородная загадка. В один прекрасный день обезьяна обернулась человеком. Но не обошлось без промежуточного этапа. Этот этап ученые и окрестили «недостающим звеном». Профессор Аджемьян посвятил всю жизнь поиску недостающего звена, и я уверена, что его убийство – дело рук не случайного человека, как полагает полиция. Его убили именно потому, что он проник в эту тайну и готовился рассказать о ней миру. Ему решили заткнуть рот. Поэтому я предлагаю статью о самых последних научных открытиях, проливающих свет на наше происхождение, и одновременно – расследование гибели профессора Аджемьяна. Получится нечто вроде палеонтологического детектива.

Ответ заведующей рубрикой прозвучал не сразу. Она взяла со стола миниатюрную гильотину, отрубила жеваный кончик сигары, еще раз

посмотрела на стажерку и решила, что та слишком хороша собой.

– Нет.

– В каком смысле?

– Нет. Ваш сюжет мне не интересен.

– Это почему же? – заупрямилась Лукреция.

– Причина, без сомнения, – ваш чересчур юный возраст и сугубо провинциальный опыт, из-за чего вы для нашей профессии слишком наивны. В еженедельнике нельзя разрабатывать слишком горячую новость, как эта ваша смерть ученого. Мы неизбежно отставали бы от ежедневных изданий. К тому же я ничуть не сомневаюсь, что это дело уже получило исчерпывающее освещение в прессе.

Фрэнк Готье подтвердил: да, он уже читал в нескольких ежедневных газетах некрологи на смерть профессора Аджемьяна.

– Так или иначе, – заключила с ученым видом заведующая рубрикой, – этот ваш профессор не годится для разработки в прессе. Был бы он актером, певцом, топ-моделью, тогда другое дело: широкую публику волнуют только эти люди. А смерть ученого – это из раздела «Разное».

Лукреция Немрод вонзила взгляд изумрудных глаз в начальственные карие.

– Именно поэтому я и предлагаю расширить сюжет до целого расследования и покопаться в наших корнях. Это ведь один из трех фундаментальных вопросов, которыми задается любой на этом свете. Кто мы? Куда идем? И – откуда мы взялись?

Заведующая рубрикой была довольна тем, что принудила рыжую милашку показать зубки. Нежась в обитом буйволовой кожей начальственном кресле, она готовилась к решающему выпад.

– Не дерзите, моя маленькая. Я и не таких упрямых укрощала. Нас должны сверлить не эти ваши три вопроса, а один-единственный, зато какой! Слушайте и запоминайте: «Как раздобыть сюжет, который приглянется моей заведующей рубрикой».

Присутствующие приснули. Чувствуя усиление напряжения, они таким способом демонстрировали полную поддержку существующего порядка.

– Вот так! – пробормотал Максим Вожирар достаточно громко, что все его услышали.

– Но... – еще трепыхалась Лукреция.

Фрэнк Готье нашарил каблуком башмака носок туфли своей стажерки и наступил так сильно, чтобы заставить ее замолчать. Боль была как от удара током, девушка задохнулась, судорожно разинула рот и не смогла

договорить.

– Следующее предложение! – бросила заведующая, закрывая дебаты.

После редакционных летучек у журналистов рубрики «Общество» было заведено встречаться в закуской «Брассери Альзасьен», расположенной в нижнем этаже здания редакции. Каждый взял по кружке пива, потом еще и еще, пока у всех не стали подкашиваться ноги. Центром внимания стала Лукреция Немрод, которая тоже была не прочь выпить.

– Будь настороже! – советовал ей Фрэнк Готье. – Напрасно ты так ей отвечала. Наша Тенардьё – крепкий орешек. Если она на тебя взъестся, мало не покажется.

– Она думает, что если ее не боятся, то не уважают. В прошлом году она систематически унижала молодую сотрудницу на всех совещаниях и принудила ее уволиться, – поддал жару Кевин Абитболь.

– Да, любит она проявить суровость. Беспочинная жестокость – привилегия высокого начальства, – напомнил всем Максим Вожиар.

Несмотря на сатирические статьи, в которых он высмеивал все мыслимые людские низости, этот журналист парадоксальным образом являл собой образец ревностного коллаборационизма с любой властью.

– За это их и уважают, – подытожил Гислен Бержерон, завидовавший Вожиару, слывшему любимчиком заведующей.

– Раз так, мне в этой редакции не удержаться, – понуро молвила Лукреция Немрод.

– Брось, если не будешь упираться, все пойдет как по маслу, – возразил Фрэнк Готье. – Что бы ты ни предложила, она все равно зарезала бы твоё предложение, потому что ее хлебом не корми, дай обломать новенького. Особенно охотно она третирует женщин. Не жалуется она вашу сестру, что поделаться! Но я хорошо изучил Тенардьё: она легко взрывается и так же легко остывает. Так что побереги свой сюжет о недостающем звене и найди пока что что-нибудь другое. Типа «надо ли удалять подошвенные бородавки». Такую тему она пропустит. Более того, это именно то, что ее вдохновляет.

Лукреция Немрод обвела сочувственным взглядом всех присутствующих.

– Бедненькие, неужели она так вас запугала? Нет, я вас совершенно не понимаю! Неужели вам неинтересно узнать правду о происхождении человечества?

– Нет, – признался Гислен Бержерон.

– Мне тоже, – подхватил Флоран Пеллегрини. – Мой папаша был пьяницей. Вернется из кафе на карачках – и давай отвечать мне тумак.

Лучше не знать его родословную: его предки наверняка были еще хуже.

Лукреция Немрод хлопнула ладонью по столу.

– Внимание, ребята! Я серьезно! Происхождение человечества – ключевая проблема. Откуда мы взялись? Почему и как появился на земле человек? Почему ты, Фрэнк, ты, Максим, ты, Гислен, все вы сидите здесь одетые и кропаете статейки, а не скачете голышом по веткам и не лакомитесь спелыми фруктами? Так откуда же мы взялись? Нет темы более захватывающей, чем эта. Мне нет дела до бородавок. На наследственную гомосексуальность мне тоже плевать, как и на сотню богатейших французов. Да уж, угораздило меня влезть в берлогу к самым отсталым на свете людям! И удивительно, что они мнят себя журналистами! Я всегда считала, что это ремесло любознательных и склонных к новизне. Что же я наблюдаю здесь? Вы чужды малейшей любознательности, все, что вас волнует, – это кто кого одолеет в вашей редакции.

Фрэнк Готье большими глотками допил пиво и решил пожурить молодую стажерку:

– Ну-ну, малышка, где твое уважение к старшим? Кто ты такая, чтобы нас осуждать? Ты – пустое место, ты здесь никто. Если хочешь принадлежать к журналистскому кругу – первым делом смири свою гордыню и научись не высовываться.

Она сделала вид, что уходит.

– Что ж, мне все ясно. Я пошла! Предложу мой сюжет другому еженедельнику.

Флоран Пеллегрини удержал ее за локоть.

– Подожди, что за неуместная обидчивость! Если все принимать так близко к сердцу, то долго в нашей профессии не продержаться. Давай разберемся, может, и найдется способ тебе помочь.

Лукреция Немрод поспешила высвободиться, тем более что Флоран Пеллегрини, хватая ее за локоть, не преминул проверить заодно упругость ее груди.

– Ты что-то придумал?

Коллега ограничился именем и фамилией:

– Исидор Каценберг.

Остальные стали рыться в памяти, припоминая, кто это такой.

– Неужели никто не помнит Исидора Каценберга?

– Каценберг? – переспросил, хмурясь, Гислен Бержерон. – Не его ли прозвали «Шерлоком Холмсом от науки»?

– Его самого!

– Он уже минимум десяток лет ничего не пишет, – напомнил Максим

Вождар. – Болтают, что он заделался отшельником и засел в каком-то замке.

– Может быть. Раньше он был мастером щелкать научные загадки, как орехи, в манере полицейского расследования. Не этим ли намерен заняться теперь ты?

– Каценберг? Он вне игры, – презрительно заверил всех Фрэнк Готье.

Флоран Пеллегрини глотнул еще пивка, поежился, почмокал губами и возложил на девичье плечо отеческую длань, которую начинающая журналистка на сей раз не стала сбрасывать.

– А вот я уверен, что если наша малышка добьется его внимания и заразит его своим энтузиазмом по части этого самого недостающего звена, то он сумеет ей помочь. Не каждый же день убийцы гасят звезды палеонтологии! Каценберг непременно захочет в этом разобраться. Если он вмешается, то его участие наверняка перевесит нашу Тенардье.

Изумрудные глаза заискрились. Их обладательница вооружилась блокнотом и карандашом.

– Так в каком таком замке проживает ваш Шерлок Холмс от науки?

7. Запретные заботы

Прямо у него за спиной.

Гиена настигает его.

ОН знает, что она не прекратит погоню.

В этой игре будет выигравший и проигравший.

Гиена бежит все быстрее, с рыси переходит на галоп, с галопа на карьер. ОН поступает так же. Втягивая горящими ноздрями воздух, ОН, задыхаясь, выплевывает его остатки. Разгоряченные мышцы едва не горят.

Гиена бежит все быстрее. Ясно, что она решила его сцапать и использует для этого всю энергию. ОН вытягивает из собственных молекул глюкозу, чтобы добавить сил для бега. Но гормоны страха препятствуют сжиганию углеводов. ОН чувствует, как паника, этот древний враг, добирается по сосудам до мозга, ощущает в жилах горечь чистого адреналина.

Соплеменников не видать, помочь ему некому, гиена все ближе. ОН не справляется с паникой. И тут происходит нечто странное... Когда его уже захлестывает отчаяние, раздается щелчок...

Небывалое чувство: в душе словно распахивается дверь. Ему кажется, что ОН покинул свою телесную оболочку и видит себя снаружи. Все это творится как будто с кем-то другим, а ОН наблюдает происходящее издали.

Приступ паники – и уход в отрыв. Кожа стала ему ни к чему, и ОН ее сбросил. Собственное выживание перестает быть главным, единственным интересом. Свое существование начинает казаться всего лишь явлением в ряду многих тысяч. Не менее интересным, чем другие, но и не более.

Страх перед гиеной полностью преодолен. ОН говорит себе, что в конечном счете ничего против нее не имеет. У гиены понятная забота – накормить детенышей. Она, наверное, тоже выбилась из сил, нервы и у нее на пределе. ОН даже видит ее страх – упустить добычу. ОН чувствует панический страх гиены вернуться ни с чем, не принести еды голодному потомству.

Обычно гиены питаются разложившейся падалью. То, что эта особь посягнула на живое подвижное мясо, свидетельствует о ее амбициозности. ОН вспоминает, как следил издали за стаями гиен. ОН видел, как они кормят своих детенышей – отрывая мясо, и сейчас вспоминает чудовищную вонь, сопровождающую пиршество этих тварей. Питаясь разложившимся трупом, поневоле пропитываешься его запахом.

Может, его преследовательница потому так упорна, что жаждет покончить со зловонием, всегда сопровождающим ее соплеменниц, угостив их свежим мясом?

Ему бы гордиться участием в таком достойном замысле! Если разобраться, говорит ОН себе, у них с гиеной общее стремление: продвинуть эволюцию своего вида. Сделать так, чтобы их дети жили лучше, чем родители.

Гиена надеется совершить охотничий подвиг. ОН тоже стремится к подвигу, надеясь заманить хищника в западню.

«Продвинуть эволюцию своего вида»... Это побуждение настолько интереснее заботы о том, чтобы любой ценой прожить хотя бы еще денек! ОН даже задумывается, не лучше ли было бы позволить себя сожрать. Это было бы новое, невиданное поведение. Самоотречение добычи в целях улучшения качества жизни хищника. От этой мысли ОН даже сбавляет скорость бега.

Ну? Скорее! Он тормозит еще заметнее. Но в этот самый момент ОН различает вверху какое-то движение. Птицы на ветке машут крыльями... или руками?

ОН достиг большого дерева! И странные птицы – это его соплеменники, показывающие жестами, что готовы.

ОН бросается к ним.

8. Затворник замка

Лукреция Немрод мчится вперед, наклонившись к рулю своего мотоцикла с коляской «Гуччи». В авиаторах, с кожаным шлемом и развевающимися на ветру рыжими волосами она походит на первых летчиц, отважных завоевательниц небес.

Взревев клапанами, она обгоняет надоевший грузовик, потом резко виляет право, подрезая его, показывает водителю средний палец и уносится вперед.

В коляске мотоцикла чего только нет: веревки, шпагаты, одеяла, матрасные пружины, карнизы, куски картона, дребезжащий на виражах железный лом. Может показаться, что она везет неведомо куда бытовой или строительный мусор.

На бензобаке красуется Ганди, курящий «косяк». На номерном знаке приписка: «В аду не хватило места, я вернулась сюда».

На парижской кольцевой «периферик» она до отказа нажала на газ и врубила на полную мощь колонки, разразившиеся варварскими звуками, чем-то первобытным – творением снова вошедшей в моду рок-группы AC/DC под названием «Гром». Закинув в рот жевательную резинку, она зачавкала в ритме барабанов. На развязке Порт-де-Лиля она свернула в сторону от Парижа.

Дорога привела ее туда, где как будто проживал Исидор Каценберг. Но по записанному в ее блокноте адресу простирался пустырь. Она выключила музыку и зажигание, осмотрелась при помощи бинокля – реликта Первой мировой войны, и сообразила, в чем дело. Жилищем Исидора Каценберга был никакой не замок, а водокачка^[1]. Огромное бетонное сооружение смахивало формой на песочные часы: конус острием вверх вниз, опрокинутый конус вверх.

Глядясь в зеркальце на руле, она накрасила губы темной помадой. Рефлекс, привычка. Она знала, что при первом контакте красота дает десятиминутный выигрыш. Довольная собой, она запрыгнула на сиденье и покатила по полю.

Чем внимательнее она разглядывала водокачку, тем лучше понимала, каким хитрым планом было здесь обосноваться. Водокачки, неотъемлемая часть пейзажа, давно не привлекают внимания. Никому не пришло бы в голову, что в них можно жить.

Она слезла с мотоцикла и зашагала, приминая сорняки и огибая кусты

чертополоха и ржавые холодильники. Здесь же гнили брошенные автомобили – прибежище несметных полчищ крыс.

Исидор Каценберг не имел телефона, поэтому девушке пришлось нагрянуть к нему без предупреждения. Водокачка выглядела заброшенной. Внизу вся она была густо заклеена политическими плакатами и рекламой клубов интернет-знакомств. Все это превратилось в толстый разноцветный слой высотой чуть ниже двух человеческих ростов: расклейщик не ленился забираться напарнику на плечи. Нанесенные из баллончиков граффити свидетельствовали об упорстве подростковых банд, стремившихся пометить свою территорию.

Обогнув водокачку, Лукреция Немрод набрела на проеденную ржавчиной дверцу, тоже отягощенную толстым слоем афиш. Рядом не было ни таблички, ни молоточка, ни звонка – ничего, что указывало бы на то, что внутри кто-то проживает.

Она постучала. Ответа не было. Мяться было не в характере Лукреции. Вынув из бюстгальтера складной нож, она раскрыла набор отмычек. Нужно было дойти до конца, разобраться, прячется ли кто-то внутри или коллеги ее разыграли. Замок оказался прочным и грозил долгой возней.

– Есть кто внутри?

Повозившись, она вскрыла замок и смело толкнула дверь. За ней оказалось просторное помещение с коническим потолком, нечто вроде индейского вигвама из железобетона. Она сделала несколько шагов. Возможно, сказала она себе, профессора Аджемьяна и вправду прикончил серийный убийца, проникший к нему, как она, методом взлома? Неужели молодой инспектор полиции не ошибся?

– Есть кто живой? – крикнула она, осторожно продвигаясь внутрь помещения.

Еще шаг – и она споткнулась и чуть не шлепнулась. Весь пол был усеян книгами, несчетными томами всех размеров и форм. Свисавшие с потолка лампы на длинных шнурах кое-где рассеивали тьму желтым светом, чередовавшимся с потемками.

Лукреция Немрод стала поднимать книги одну за другой. Была художественная литература. Ей попались: Эдгар Алан По, Франсуа Рабле, Джонатан Свифт, Филип К. Дик. Она наступила на Виктора Гюго, поскользнулась на Флобере, чуть не потеряла равновесие на Александре Дюма, выпрямилась на Ежи Косинском.

В центре зала она оперлась о колонну, уходящую в потолок.

– Есть кто живой? – повторила она.

Ответом ей послужил шум воды в унитазе, потом скрип открываемой и закрываемой двери, плеск воды из крана, льющейся на подставленные ладони. По потолку скользнула огромная тень.

– Исидор Каценберг?

Она подошла ближе. В кресле напротив стола, сложенного из толстых томов, появился сферический силуэт. Здесь властвовала темень, поэтому хозяина кресла невозможно было разглядеть. Сейчас он казался ей яйцом в подставке.

Не обращая никакого внимания на вторжение, сферический силуэт завладел пультом и включил «Симфонию Нового Света» Дворжака. Потом открыл ноутбук и защелкал по клавиатуре.

– Исидор Каценберг? – повысила голос молодая журналистка, перекивая музыку.

Ответа не последовало, обитатель водокачки только ускорил ритм стука по клавиатуре. Лукреция решила не отступать, к тому же она не сомневалась, что до его слуха доносится каждое ее слово.

– Меня зовут Лукреция. Лукреция Немрод. Я научный журналист «Геттёр Модерн». Мне сказали, что вы можете помочь мне со статьей о палеонтологии.

Человек перестал печатать. По-прежнему не видя его лица, она была уверена, что он ее слушает.

– Я задумала написать большую статью о происхождении человека и об убийстве профессора Пьера Аджемьяна. Этот человек занялся поиском отца наших отцов. Он утверждал, что нашел его... Я уверена, что его убили именно за это.

Она приблизилась к силуэту, тихо дышавшему в своем кресле.

– ...Могла бы получиться сенсационная статья. Сочетание детектива и научного изыскания. Тайну профессора Аджемьяна необходимо раскрыть. Тогда мы получим ответ на вопрос «откуда мы взялись?».

Наконец-то живая сфера издала звук:

– Нет.

– Почему нет?

– Нет, сюжет нехорош.

Голос звучал слабо, но приятно для слуха. Детский голосок. Как этакая масса жира умудрялась издавать такой голос? Пока девушка мучилась вопросом, «Симфония Нового Света» зазвучала громче.

– Это почему? – спросила она.

Человек не отвечал и не двигался, хотя она чувствовала на себе его взгляд. Желая сломать лед, она протянула в сторону стола из книг свою

визитную карточку.

– Если вы решите мне помочь, то здесь мои координаты: адрес, телефон, электронная почта. Свяжитесь со мной, когда захотите, по домашнему или по сотовому телефону. Он всегда при мне.

– Сотовый телефон? Гадость, звенящая в кинотеатрах, барах, во всех тихих прежде местах?

– Мой стоит на виброзвонке и никого не тревожит. Зато благодаря ему я больше не чувствую себя собачонкой без поводка. Вы сможете до меня дозвониться, где бы я ни оказалась. Не бросайте меня!

Появившаяся из тени толстая рука схватила визитную карточку.

– Значит, вы согласны? – спросила Лукреция Немрод, загораясь надеждой.

Гора снова застыла в кресле.

– Ни в коем случае.

– Не объясните причину?

– Раз вы здесь, значит, уже предложили свой сюжет Тенардые и получили отказ. Не люблю Тенардые, она бескультурна и вульгарна. Заняла свое кресло благодаря интригам. Но в вашем случае она поступила правильно. Палеонтология – неважный сюжет. Никому нет дела до недостающего звена, что логично: прошлое больше никого не волнует. Люди платят за последние новости и слушают прогнозы погоды на следующую неделю. Будущее – вот что их занимает. Прошлое вышло из моды. Антиквары дружно банкротятся. Специалисты по родословным закрывают лавочку. Подержанные автомобили больше не продаются. Стариков, едва начавших покрываться морщинами, спешно прячут в хосписах. Ну, скажите, кому еще может быть интересно прошлое?

Под его взглядом ей становилось все более неуютно.

– Я скажу кому. Например, тем, кто испытывает проблемы с собственным прошлым. Кажется, я знаю, почему вы принимаете эту тему так близко к сердцу, мадемуазель.

Лукреция Немрод невольно отшатнулась.

– Вы ничего обо мне не знаете, – напомнила она ему.

Он продолжил по-прежнему тихо:

– Представьте, знаю. Достаточно за вами понаблюдать, послушать вас – и все становится понятно. Вы – сирота!

Она застыла на месте.

– Об этом свидетельствует уже ваш выбор выражений: «не бросайте меня», «собачонка без поводка». И завершающее свидетельство: возможно ли более нагруженное смыслом словосочетание при разговоре о

недостающем звене, чем «отец наших отцов»?

Он чуть высунул голову из тени, и она увидела лысую макушку.

– Все дело в том, что вы вообразили, что, вычленив отца наших отцов, отца «всех» отцов, вы обретете по крайней мере одного определенного предка.

Она окаменела. Как можно произносить таким сладким голосом такие жестокие слова?

– Не люблю сироток. Они приставучие.

В этот раз он перегнул палку. Она больше не могла сдерживаться и занесла руку для пощечины, но он схватил ее за запястье и с силой оттолкнул ее узкую руку. От толчка она откинулась назад и опрокинулась на спину. Книжки смягчили падение. Вскочив, она пригладила свою рыжую копну волос и выстрелила в темноту изумрудными глазами.

– Вы просто идиот, безмозглый дурак, жалкий м...к! – Задышавшись, она продолжила: – Отвечу вам от имени всех оскорбленных сирот: вы сдохнете в вашей берлоге, вас не спасут свалка из книг и бесполезные хлесткие фразы!

И она выбежала на свет, со всей силы хлопнув железной дверью водокачки.

9. Зверю конец

Когда гиена оказывается под низкой веткой большого дерева, на нее прыгает вся стая.

Теперь, когда у нее столько врагов, роли меняются. Охотник превращается в добычу. Но даже очутившись во враждебном кольце, гиена не спешит мириться с поражением. Она скалит клыки, пугая врагов.

Вожак стаи подает сигнал. Все доминантные самцы стаи хватают зверя за лапы и валят его на землю. Самцы низшего уровня подбегают, наносят удары и быстро отпрыгивают. Самки истошно кричат, чтобы оглушить зверя.

ОН держится в стороне, наблюдает за происходящим издали, восстанавливая дыхание. У каждого своя роль, своя очередь. ОН сделал дело и теперь вправе отдыхать, восхищаясь отвагой врага.

Гиена не признает поражение. У нее еще остались силы, чтобы искалечить молодого самца, который, вздумав схватить ее за морду, поплатился прокушенной рукой. Она впивается зубами в ляжки, до которых успевает дотянуться, брыкается и валит с ног доминантных самцов, схвативших ее за лапы. Но преследование добычи почти исчерпало ее силы, на нее навалилось слишком много врагов, и поэтому у нее подгибаются лапы. Под градом ударов она опрокидывается, как будто предпочитает уснуть, а не продолжать неравный бой.

Видя, что она перестала двигаться, молодые самцы со всей силы бьют ее по голове, поощряемые воплями самок, ускоряющими ее гибель.

В какое-то мгновение ОН даже близок к тому, чтобы броситься к гиене на выручку, но быстро одумывается. Есть другие, гораздо более важные мысли. ОН поднимает голову и изучает облака. Даже в разгар всей этой суматохи небо остается бесстрастным. ОН наблюдает за золотистобагровыми облаками, незаметно и изящно меняющими форму.

В лицо ему ударяет струя крови, и ОН решает убрать подальше от расправы. ОН залезает на ветку, чтобы спокойно созерцать облака. Они на прежнем месте, почти не движутся, как будто никогда не торопятся, никогда не тревожатся, никогда не бегут от опасности. ОН поднимает руку, чтобы их поймать, но не достигает цели. Тогда ОН подпрыгивает – снова тщетно. Залезает на самую верхнюю ветку дерева и там, опасно балансируя, пробует все же дотянуться до облаков. Но нет, слишком высоко.

Жаль.

Внизу стая прикончила гиену. Среди нападавших есть раненые, но в целом потери невелики. Пострадавшие зализывают раны. ОН глядит сверху на труп зверя, вселявшего в него такой страх. Странное чувство – видеть врага, превратившегося в грудку мяса, от которого поднимается пар. Странное чувство – видеть передового представителя вида, так несправедливо покаранного за дерзость.

Но таково одно из величайших правил природы: пионеры обязаны пасть жертвами, чтобы очертить для следующих поколений пределы, нарушить которые можно будет только со временем.

Отдышавшись, ОН решает спуститься вниз, к соплеменникам. Схватившись за лиану, ОН скользит в направлении нижних ветвей.

10. Ночной визит

Лукреция Немрод спускалась вниз по веревке, привязанной к чугунной ограде балкона. Этот трюк был у нее давно освоен.

В сиротском приюте ее прозвали «мышкой». Она была обязана прозвищем не маленькому росту, позволявшему пролезть где угодно, а умению так подточить нервы окружающих, чтобы они уступили ее капризу.

Вися между этажами, девушка твердо сказала себе, что ни Кристиана Тенардье, ни Фрэнк Готье, ни даже Исидор Каценберг не помешают ей расследовать происхождение человечества. Она разоблачит убийцу или убийц профессора Аджемьяна и проникнет в его тайну.

Отец наших отцов.

Отец всех отцов.

Она спрыгнула на балкон. Окно квартиры палеонтолога было закрыто. Она достала складной нож, открыла плоское лезвие и просунула его между створками, приподнимая щеколду. Щелчок – и путь открыт.

Готовясь к акробатическому номеру, она натянула черный комбинезон, завязала длинные рыжие волосы в хвост, обулась в мокасины на натуральной каучуковой подошве. Аккуратно влезла в окно, спрыгнула с подоконника на ковер, зажгла фонарь.

Она попала в кабинет убитого, где, как ей показалось, ее встречала целая толпа. Она испуганно повела лучом фонарика и разглядела подвешенные обезьяньи скелеты. Луч фонаря заставлял черепа улыбаться еще шире, как будто они были счастливы видеть ее у себя в гостях.

– Привет, обезьянки!

Дырявые тени громоздились до самого потолка.

– Вы-то знаете, кто уколошил профессора?

Вместо ответа горилла выплюнула заночевавшую у нее в нижней челюсти ночную бабочку, не понявшую, откуда это среди ночи появилось столько яркого света, и в отчаянии запорхавшую по комнате.

Лукреция Немрод посветила фонарем сначала на одну стену, потом на другую. В атмосфере ощущалось что-то неосязаемое, но притом тягучее – нерешенная загадка. Так черная туча жаждет, чтобы ее проткнули, – тогда она разразится грозой.

Тут в небе как раз сверкнула молния, загрохотал гром. Гроза не заставила себя ждать. Комнату стали озарять частые белые молнии.

Лазутчица открыла папку «Пресса» и полистала страницы. Профессор

Аджемьян писал о раскопках в Танзании с целью обнаружения недостающего звена и упоминал новую площадку в ущелье Олдувай. «Скоро я сорву покров тайны с величайшего из секретов – истинного происхождения человека», – грозился он в одном из интервью. «Stupete gentes», как говорили римляне. «Люди, приготовьтесь изумиться».

В других газетных и журнальных вырезках другие палеонтологи расписывались в полнейшем отсутствии у них интереса к этой теме и даже в презрении к работам профессора Аджемьяна: «Пока что он не предъявил ни одной достойной внимания ископаемой косточки».

Внимание девушки привлек негромкий звук. Она поспешно погасила фонарь и напряженно прислушалась.

Звук прекратился, потом появился снова. В комнате был кто-то еще. Поколебавшись, Лукреция опять включила фонарь и направила луч туда, где кто-то шуршал ковром. В луче света возникла мордочка, усики, розовые лапки. Мышь жевала сворованный из мусорной корзины клочок бумаги. Застигнутый врасплох зверек сбежал, бросив добычу.

Журналистка села на пол, зажала фонарик зубами и осторожно развернула смятую бумажку. Там было записано послание следующего будоражащего содержания:

«Теперь я знаю, что дни мои сочтены. Мне будут пытаться заткнуть рот, ибо моя тайна слишком обременительна.

Нет сомнения, что мои открытия смутят все научное сообщество, все убеждения которого будут опрокинуты с ног на голову. Тем не менее истина есть истина, с ней ничего нельзя сделать, она неопровержима. Сколько ни старайся ее утопить, она рано или поздно все равно всплывет. Поэтому я умоляю тебя – того, кто меня читает, – помочь мне. Если меня убьют, распространяй мою тайну, дабы она не погибла вместе со мной».

Лукреция продолжила шарить лучом фонаря по комнате. Над креслом обнаружился смешной рисунок: рыбешка спорила с большой рыбиной. «Мне кажется, мама, – говорила она, – что некоторые из нас вылезли из воды и ходят по суше. Кто они?» – «По большей части это недовольные», – был ответ матери.

Чья-то рука решительно перечеркнула эпитет «недовольные» и заменила его «беспокойными».

Называлась карикатура «Секрет эволюции».

Журналистка приготовилась продолжить осмотр помещения, как вдруг снова услышала негромкий звук. Но в этот раз дело было не в мыши: кто-то возился с замком входной двери. Лукреция резко выключила фонарь и спряталась за кухонной дверью. Неизвестный справился с замком и проник

в квартиру.

Новая молния за окном позволила Лукреции, прильнувшей глазом к замочной скважине, разглядеть мужчину среднего роста, в мокром плаще. Он достал из своего тяжелого с виду мешка обезьянью маску, надел ее и тоже включил карманный фонарь.

Грабитель? Маловероятно. Опрокинув вверх дном большую канистру, он стал расхаживать по комнате и поливать бензином ковер, потом письменный стол – его особенно обильно. Потом отошел к двери и достал коробок спичек. Чиркнув, он загляделся на огонек, не торопясь устроить пожар.

Поклонение огню. Секунды промедления хватило Лукреции, чтобы наброситься на незнакомца. Первым делом она задула его спичку, потом, пользуясь эффектом неожиданности, врезала ему коленом в промежность. Мужчина взвыл. В прорезях маски она увидела глаза, полные удивления и боли. Прежде чем он понял, что происходит, она нанесла ему удар кулаком в живот, потом ребром ладони – по кадыку. Осталось заломить ему руку за спину и повалить на пол.

Молния снова распоролла сиреневое небо, в следующее мгновение все предметы в комнате содрогнулись от раската грома. По обоям потекли тени от дождевых капель на оконном стекле.

– Вы кто? Что вам здесь понадобилось?

Она больнее вывернула ему руку. Он не должен был сомневаться, что еще одно умелое движение – и она вывихнет ему плечо. Стоны, заглушенные маской, свидетельствовали о его понятливости.

– Пришли уничтожить улики? Говорите, живо! Кто вы такой?

Она взялась его переворачивать, чтобы стянуть с него маску, но он воспользовался этой оплошностью, чтобы вырваться и метнуться к лестнице. Она бросилась за ним.

– Стойте! – крикнула она ему вслед, в лестничный колодец.

Но незнакомец уже выскочил на улицу, где тут же смешался с толпой мокрых, горбившихся под дождем людей.

Безликое человеческое существо среди сотен других анонимов.

11. Его стая

ОН разглядывает соплеменников.

Те образовали круг у трупа гиены.

ОН не знает, сколько их здесь.

ОН умеет считать только до пяти – столько у него пальцев на правой руке. Все, что превышает это количество, – уже «много». Значит, у него многочисленная стая.

ОН не знает их имен. У них нет имен. ОН различает их по местам в иерархии стаи или по особым физическим свойствам.

Главнее всех остальных вожак стаи. Шерсть у него на загривке слегка поседела. Похоже, обладание властью способно изменять окраску шерсти. Во всяком случае, ОН замечает, что у самцов его возраста, лишенных власти, спины темнее.

Вожак стаи не очень велик размером, но у него широкие плечи и грудь колесом. Он обидчив и агрессивен. У него привычка хлопать всех по голове, напоминая, кто главный. Если кто-нибудь из самцов вздумает оспаривать его власть, эти хлопки предостерегают: «Либо ты принимаешь мои удары, либо выходи на бой».

Когда стае грозит опасность, вожак не размышляет, а кидается в драку. Можно считать это легкомыслием. Но большинство стаи видит в этом отвагу.

Раньше вожака выбирали по одному качеству – по невосприимчивости к новым, неведомым происшествиям. Но вот уже несколько поколений, как эта мудрость вышла из моды. Теперь выбор останавливают на том, кто сильнее всех.

В любви вожак стаи тоже проявляет излишнюю жестокость. Предлагая молодой самке из своего гарема спариться, он обычно дергает ее за уши, а потом пихает пальцы ей в ноздри. Во время акта воспроизводства он кусает партнершу за шею или больно дергает за шерсть.

ОН умеет отличать первую самку в гареме вожака стаи. У нее большие черные глаза и дряблые ярко-розовые ягодицы. Утверждая свое первенство в гареме, она считает своей обязанностью кричать громче всех для самовыражения. Во время погони это полезно, потому что пугает противника, но в целом несколько раздражает.

Вторая самка вожака стаи ведет себя скромнее. Первая любит хлопать ее по голове, ставя на место. Вторая мстит за это третьей, держащейся

совсем скромно и прижимающей к груди малыша. Пока третья самка выкармливает детеныша, вожак стаи не может к ней приближаться и уже несколько раз от досады покушался на жизнь детеныша.

ОН продолжает смотреть стаи.

В группе доминантно-доминантных самцов он узнает «крупного и тощего», все время провоцирующего вожака стаи с целью определить, не начал ли тот стареть. Справа – «самец с оторванным ухом», он слышит опасность только с одной стороны. Есть еще «обладатель слишком длинного члена»: его детородный орган при беге на четырех конечностях скребет по земле. Наконец, тот, кто заслужил прозвище «зловонное дыхание» – тщедушный самец, которому достаточно приоткрыть рот, чтобы все враги попадали в обморок.

Позади них располагаются доминантно-доминируемые самцы. Это молодежь или бывшие доминантные доминанты, побежденные другими доминантными доминантами. Они часто дерутся между собой, чтобы определить, кому достанется честь задиравать доминантных доминантов.

Дальше – доминируемо-доминируемые, эти никого не задирают и просто болтаются поблизости, чтобы помочь тем, кто выше их, когда те побуждают их к этому криком или тумаками.

Есть еще бывший вожак стаи. Обычно такую особь прогоняют, потому что у нее иссякли силы. Тем не менее у него такое тонкое обоняние, что он умеет различать съедобные и ядовитые растения. Эти познания необходимы для выживания стаи. Поэтому его оставили в живых.

Еще ОН видит больных и искалеченных на охоте самцов. Таких «терпят» при условии, что они не замедляют передвижение стаи. На самом деле их берегут, чтобы принести в жертву внезапно напавшим хищникам. В повседневной жизни они служат для всех козлами отпущения. У них нет права прикасаться к самкам, за едой им достаются только куски, отвергнутые остальной стаей.

Еще дальше, слева, без умолку трещит группа самок. В ней самки доминантных доминантов и доминантно-доминируемых самцов, а также несколько девственниц, уже чувствующих влияние половых гормонов. Подойдя, ОН убеждается, что одна из самок вот-вот родит. Стая растет на глазах. Едва покинув материнскую утробу, младенец уже способен держаться на четырех конечностях. Самка перегрызает пуповину и, подставляя новорожденному соски, решает, что этого отпрыска она не бросит, она и так уже потеряла по недосмотру слишком много детей.

ОН продолжает наблюдать за стаей, собравшейся вокруг убитой гиены. Справа сбились в кучку дети, дальше жмутся старики.

И, конечно, ОН сам. Когда ОН думает о себе, ОН называет себя просто «я». Однажды ОН видел свое отражение в луже. «Я» ничем не отличается от других.

12. Исидор Каценберг

Лукреция Немрод встретила с коллегами в «Брассери Альзасьен». Она выделила эту группу среди многочисленных сотрудников «Геттёр Модерн», сочтя ее своей «компанией». Торча у стойки, они судачили о внутренней жизни еженедельника.

– ...Заведующий литературной рубрикой издал роман и, чтобы заручиться хотя бы одним благоприятным отзывом, сам сочинил статейку, подписав ее псевдонимом, – сообщил Флоран Пеллегрини.

Общий хохот. Все заказали еще пива.

Потом уселись. Лукреция Немрод под села к Фрэнку Готье, тоже прихватив с собой пол-литровую кружку. Официант в длинном синем фартуке принес дымящиеся тарелки со всевозможными мясными изделиями: птичьей и кроличьей колбасой, франкфуртскими сосисками, панированными свиными ножками, вареными рульками; ко всему этому обжорству прилагалась кислая капуста.

– Ну как, встретила с Исидором Каценбергом? – поинтересовался заведующий научной рубрикой.

Девушка покачала рыжей головкой.

– Все хорошо, благодарю. Только я бы предпочла вести расследование в одиночку. Вчера вечером я снова побывала на месте преступления, где со мной случилась неожиданность. Явился загадочный некто в маске обезьяны и с канистрой бензина, хотел все там испепелить. Странноватое поведение для серийного убийцы, вы не считаете?

– Ты его задержала?

– Хотела, но он вырвался. Очень прыткий! Жаль, иначе он бы все мне выложил, можете не сомневаться!

Любители кислой капусты остались равнодушны к ее сообщению, на их физиономиях читалось сомнение. Флоран Пеллегрини, набивший полный рот, малоразборчиво высказал общее мнение:

– Как ни старайся, Тенардье никогда не позволит тебе опубликовать этот сюжет. Без Каценберга он ни в какую не пройдет, какой бы захватывающей ни была вся эта история.

Фрэнк Готье был с ним согласен.

– Сознайся, ты не добила толку от этого толстого грубияна. Теперь в этом можно сознаться: тебя разыграли. Надо же было потушить твой энтузиазм по поводу «происхождения человечества». Каценберг отправил

тебя куда подальше, это как пить дать! Он такой: ни с кем не желает знаться.

Вилка Лукреции повисла в воздухе, брови сошлись на переносице.

– Кто он, собственно, такой?

– Каценберг? Полный псих, – бросил Готье.

Флоран Пеллегрини любовался своей пивной кружкой, как хрустальным сосудом.

– Скорее он слегка не от мира сего. В свое время я был с ним хорошо знаком. Поверьте, тогда это был один из величайших журналистов Парижа!

Дождавшись, пока официант заменит пустые тарелки полными, Пеллегрини продолжил:

– Я знал его не лысым и не толстым, вовсе не затворником водокачки на краю света. В те времена он служил в полиции, экспертом в медико-юридическом центре. Специализировался на анализе микроулик: волос, подозрительных пятен, всевозможных отпечатков. Мог по одной шерстинке определить пол, возраст, уровень стресса, употреблял ли ее хозяин наркотики. Для него это было игрой, разгадыванием загадок. А потом ему надоело то, как поступали с его экспертизами на суде. Магистраты и судьи редко учитывали его выводы. Вот он и ушел в научную журналистику. Специальные знания помогали ему превращать статьи в полицейские расследования. Это было необычно – репортер, опирающийся на собственные наблюдения, а не цитирующий косноязычных чиновников. В конце концов публика стала узнавать его неповторимый стиль, и он прогремел в прессе. Отсюда его прозвище «Шерлок Холмс от науки».

– На самом деле он просто добросовестно исполнял свои обязанности, – вмешался Кевин Абитболь, вытирая жирный рот грязной белой салфеткой. – Проблема в том, что большинство журналистов стали скептиками, утратили всякое любопытство. От лени они довольствуются повторением того, что им говорят, и по тысяче раз переписывают одни и те же статьи, почти ничего в них не меняя.

Флоран Пеллегрини не обратил внимания на то, что его перебили.

– Исидор Каценберг – вот кто должен был бы возглавлять научную рубрику вместо Готье. Ты согласен, Фрэнк?

Тот нахмурился.

– Может быть, но я не виноват, что у бедняги однажды съехала крыша.

– Как это произошло? – спросила Лукреция Немрод.

– Ехал он себе в метро, как вдруг в его вагоне взорвалась бомба с пилеными гвоздями. Теракт среди бела дня! Его спасла спинка сиденья, но дело было в час пик, куча жертв! Все в дыму, он ползает по разорванным

трупам, стараясь помочь раненым. Тут любой сойдет с ума!

Все молча покивали, впрочем, большинство не утратило аппетита и продолжило доблестно атаковать вилками сосиски и рульки. Перекрывая звуки жевания, Пеллегрини продолжил:

– После взрыва он на неделю заперся дома, не мылся, не ел, практически не спал. Потом на смену фазе прострации пришла фаза воинственности: ему захотелось взяться за оружие, найти убийц и прикончить всех до одного. А после он выяснил, что теракт был связан с какой-то запутанной дипломатической историей, более того, Франция продавала оружие стороне, устроившей взрыв. Он ничего не смог сделать и ушел в себя. Стал жиреть, писал все меньше и в конце концов купил эту водокачку, чтобы отрезать себя от мира.

– Башня пьяницы, – подсказал Кевин Абитболь.

– ...или могила, – фыркнул Готье.

Официант притащил очередную батарею пива, и все стали торопливо пить, как будто пиво помогало переварить эту странную историю. Лукреция не отставала от коллег.

– А потом вышла книга, – сказал вдруг Флоран Пеллегрини.

– Что за книга? – вскинула голову стажерка.

– Станный роман. С виду банальная приключенческая история, а по сути – активная проповедь ненасилия. Он читал и перечитывал ее, пока до него не дошел ее тайный смысл. Для Исидора она стала откровением. Тогда он и решил, что его личный враг – не терроризм, а насилие как таковое.

– Он снова стал писать, но статьи получались слишком полемическими, – объяснил Готье.

– Один Исидор Каценберг против всего насилия в мире: против террористов, детоубийц, любителей пыток... До того резко писал, что его статьи уже не брали ни в «Геттёр Модерн», ни куда-либо еще.

– Из него вышел уж больно буйный противник насилия, – уточнил Кевин Абитболь. – Всему есть предел, даже когда клеймишь зло. Посольства стали строчить жалобы, Ке д'Орсе потребовала его увольнения. Его выставили, и он окончательно заперся в своей водокачке.

– Тем не менее читатель сохранил к нему доверие. Его не забыли ни они, ни редакция, где у него тоже остались сторонники. В этом тебя не обманули, Лукреция, – подытожил Флоран Пеллегрини.

Мужчины повздыхали и для успокоения взялись за новое блюдо с мясом, поровну перекладывая его на свои тарелки.

13. Пиршество

Все погрузили руки в трепещущую плоть.

Проблема гиены – в ее вонючести. Она издает резкий запах гниения. Некоторые куски пахнут так дурно, что их приходится есть, зажимая нос.

Если бы одна вонь, но вкус!.. Тот, кто никогда не ел мясо гиены, не поймет, что это значит. Сильнее всего горчат подушечки сала с задних лап.

Лично Он не принадлежит к любителям гиеньего мяса. Гораздо предпочтительнее мясо травоядных: оно слаще, нежнее, от него не тошнит. Но соплеменники явно не разделяют его предпочтения. Особенно жадно жрут гиену доминируемые: для них поражение сильного – всегда маленькая, но победа над жизнью. Они не только жуют, но и щиплют шерсть мертвой гиены. Простительная жестокость слабых.

Брюхо гиены распорото, пиршество становится все шумнее. В гиене съедобно все. Хвост обсасывают до мелких косточек. Лижут ушные хрящи. Раскусывают десны, выдавливая из них кислый сок. У вожака стаи такие мощные коренные зубы, что он раскалывает ими клыки гиены, добираясь до соленого нерва внутри.

«Доминантный самец с оторванным ухом» завладевает черепом гиены и раскалывает его, как спелый плод, добывая мозг. Ком розового желе переходит из рук в руки. Каждый проглатывает кусочек и передает остальное соседу. Это важный ритуал: поедание мозга внушающего страх врага. Все инстинктивно решают, что от мозга быстро бегущего существа побегут быстрее они сами; от мозга умного сами поумнеют.

Вожак стаи раздирает грудную клетку и извлекает оттуда желтоватые легкие.

ОН очень голоден, ОН ковыряется в губчатых альвеолах. При прикосновении к этой рыхлой субстанции ОН вспоминает, как сам задыхался, пытаясь убежать от этой гиены. Теперь ОН насыщается ее легкими, чтобы впредь лучше дышать. Чтобы забыть панику, охватившую его при бегстве, ОН ест как одержимый.

Дети утаскивают почки, сдавливают их, как губку, и пьют кровь зверя, смешанную с мочой. «Тот, кого мать не спускает с рук», забавляется с глазом, крутит его, вращает на кончике глазного нерва. Мать ворчит: с едой не играют. Надо поскорее сожрать внутренние органы, пока они не остыли.

Вокруг уже собираются шакалы, грифы и вороны. Самые нетерпеливые из этих падальщиков торопят стаю, требуя, чтобы им

уступили место. Шакал набирается наглости и кусает ребенка, за что получает по морде от первой самки вожака. Вместо того чтобы отскочить, он скалит клыки. В мире все так: никто не довольствуется своим местом, приходится постоянно показывать силу, чтобы добиться уважения. Победенные животные сплошь и рядом забывают о понесенном поражении и пытаются возобладать над недавними победителями. Первая самка хватает камень и швыряет его в шакала. Только это заставляет его отбежать.

Кто не ждет разрешения, так это мухи. Они уже садятся на мясо, их гудение становится оглушительным.

Один ребенок, копаясь в груди внутренностей, натывается на печень. Первая самка вожака стаи немедленно требует этот лакомый кусок себе.

Существо недостижимого ранга – то, которое может потребовать себе печень убитого животного, и никто не смеет ему перечить.

Печень сожрана, теперь челюсти начинают двигаться менее жадно. Наслаждение едой позади. Толстая кишка издает слишком сильный запах и способна привлечь разве что доминируемых.

Сытая стая рассыпается, продолжая шумно жевать. Жевание – важный вид деятельности. Те, кто плохо жует, часто заболевают. ОН однажды видел смерть ребенка, попытавшегося в один присест проглотить нос жирафа.

Молодо-зелено!

14. Мышь и слон

Лукреция Немрод отправила в рот толстую черную пластинку жвачки с лакрицей и глотнула холодного воздуха. Самое то, чтобы успокоить нервишки. Только после этого она ударила кулаком в тяжелую стальную дверь водокачки – жилища Исидора Каценберга.

Ответа не последовало, но дверь оказалась незапертой. Войдя, она застала Исидора Каценберга в вертикальном положении: стоя посреди конического зала, он читал книгу, водруженную на дубовый аналой. В этот раз он был на свету, и она смогла разглядеть его с ног до головы.

При ее приближении он поднял голову и тоже ее оглядел.

Так они долго – целую минуту – молча друг друга разглядывали.

Исидор Каценберг был еще выше и толще, чем показалось Лукреции Немрод при первом посещении: метр девяносто пять роста и все сто двадцать кило веса. Его тело, гладкий шар, было заключено в оболочку из светло-бежевой поплиновой одежды. Ни ремня, ни часов, ни шнурков. «Отказ от насилия виден даже в его манере одеваться», – подумала она.

Он был почти полностью лыс, уши имел большие, лоб высокий, губы сочные. На тонкий нос были водружены золотые очки. На вид – огромный ребенок!

Его глаза непрерывно двигались, отмечая малейшие детали.

«Одинокый встревоженный слон...» Сначала в голове у Лукреции вертелось это сравнение, потом его вытеснило другое. Каценберг напомнил ей Ганеша, божество со слоновьей головой из индуистской мифологии.

– Сейчас вы сравниваете меня со слоном, – догадался он. – Откуда я знаю? Вы не отрываете глаз от моих оттопыренных ушей. Когда люди смотрят так на мои уши, это значит, что они сравнивают меня со слоном.

– Я думала скорее об индийском боге Ганеше.

Гора повернулась, порылась в книгах и предъявила статуэтку божества.

– Ганеш, бог знаний и веселья. В левой руке у него книга, в правой горшочек с вареньем. Вам известна легенда о Ганеше? – спросил он.

Девушка помотала головой.

– Его отец Шива вернулся как-то раньше обычного, обнаружил ребенка и принял его за возлюбленного своей жены Парвати. Он тут же выхватил меч и обезглавил его. Парвати объяснила ему, что он отрубил голову собственному сыну. Удрученный отец извинился и обещал заменить

голову ребенка головой того, кто первый к ним придет. Первым оказался слон.

Лукреция Немрод указала на крохотного грызуна в ногах бронзовой статуэтки.

– А это что?

– Его верховое животное. Ганеш – слон, передвигающийся стоя на мышши.

Он пожирал рыжую девушку глазами, стремительно поглощая фотоны, отскакивавшие от ее кожи и одежды. Кто эта нахалка, упорно его донимающая?

Результаты осмотра: миниатюрная, метр шестьдесят, пятьдесят килограммов. Руки мускулистые. Грудь упругая. Большие живые глаза изумрудного цвета. Длинные рыжие ресницы. Маленькая ножка. Глубокое мерное дыхание. Спортивная. Цепкий взгляд. Во рту жвачка. Симпатично держит головку. Наверное, занималась в детстве классическим танцем, отсюда эта грациозность.

«Какую нелепую парочку мы составили бы, если бы стали сотрудничать!» – мелькнуло в голове у Лукреции Немрод. – Комедийная парочка Лорел и Харди, новый вариант».

Она вздохнула.

– Я пришла попросить прощения. В прошлый раз я вела себя невоспитанно.

– Я тоже, – ответил он. – Мы квиты.

– Я не знала, что вы поборник ненасилия.

– Это что-то меняет?

– Такие, как вы, получив пощечину, подставляют другую щеку.

– Это все старомодно. Новые сторонники ненасилия опускают голову, чтобы избежать пощечины. Так они не дают напавшему совершить насильственный акт и смутиться.

– Я вас оскорбила, обозвала идиотом, дураком, му...ком!

Лунообразное лицо расплылось в плотоядной улыбке.

– Знаете, что идиот – синоним *imbecille*, то есть человека, не имеющего посоха? Имеется в виду тот, кто не нуждается в костыле, чтобы не упасть. Но ведь жить без опоры на догму, на жесткий принцип, без оглядки на авторитет – это смело, вы согласны? Вот я и надеюсь как можно дольше оставаться таким идиотом.

Лукреция Немрод почтительно потупилась.

– В «дураке» я тоже охотно узнаю себя. На латыни *stupidus* – тот, кто оцепенел. Получается, что дурак – тот, кто всему удивляется, кого все

восхищает. Надеюсь всегда оставаться таким дураком. Кстати, на греческом «идиот» значит «своеобразный». Идиотизм – своеобразие языка. Я надеюсь быть своеобразным. Что до «му...ка», то ведь это слово – производное от полового органа, а что может быть лучше того, что дарит жизнь? Искренне надеюсь оставаться му...ком, ну, и до кучи идиотом, дураком, кретином.

Она осторожно переступала среди книг.

– В редакции говорят, что вас изменила одна книга. Что это была за книга?

Судя по всему, он отлично ориентировался в этом своем нагромождении. Один шаг – и он оказался рядом с холмиком из книг, извлек из него одну и показал ей. На обложке были изображены какие-то существа, идущие к встающему из-за горизонта солнцу. Книга больше смахивала оформлением на приключенческий роман, чем на учебник.

– Эта книга имеется в любой библиотеке. В ней нет ничего особенного. Можно даже считать ее идиотской, дурацкой, му...цкой.

– Иными словами, она необычная, удивительная, чужда догм, порождает новые смыслы?

Пока она листала книгу, Исидор Каценберг объяснял, что в ней содержатся, кроме прочего, два особенно дорогих ему утверждения.

Он начал с первого, ПНН – Пути Наименьшего Насилия.

– Что такое ПНН?

– Человек страдает, потому что постоянно находится в состоянии насилия над самим собой, над ему подобными и над всей вселенной. Чтобы покончить с этим, важно предвидеть последствия каждого нашего поступка с целью предотвратить череду насилия, которую он рискует повлечь.

Как бы иллюстрируя свои слова, Исидор Каценберг положил книгу на вершину соседней книжной груды, которая тут же рухнула, не вызвав у него никакой реакции.

– Второе явление ключевой важности: «эволюция мира согласно цифрам».

Девушка устроилась так удобно, как смогла, в жестком кресле.

– Слушайте внимательно. Эти рисунки, которые мы считаем цифрами и бездумно применяем тысячи раз в день, содержат в себе целую науку. Их изобрели индийцы. Кривая линия – знак любви, горизонтальная черточка – привязанности, пересечение – выбор.

«1» – минеральная стадия. – Для большей доходчивости он нарисовал цифру в воздухе. – Единица стоит неподвижно, как монолит. Единица лишена чувств. В ней нет ни кривых, ни горизонтальных черточек, ни пересечений. То есть ни любви, ни привязанности, ни выбора. На

минеральной стадии мы пребываем здесь и сейчас, не думая.

«2», – продолжил он, рисуя в воздухе цифру, – вегетативная стадия. Стебель изогнут, как у цветка, черточка похожа на корень. «Двойка» привязана к земле. Цветок не может перемещаться. В верхней части есть кривая – «двойка» любит небо. Цветок стремится к красоте, к красочности, к гармоничным прожилкам, чтобы понравиться высшему измерению.

«3» – животная стадия. У нее две кривые – вверх и вниз, – уточнил он, строя из пальцев цифру «три», – она любит небо и землю.

– А я вижу наложение двух разинутых ртов, – подала голос Лукреция Немрод.

– Нижний рот целует, верхний кусает, – подхватил Исидор Каценберг. – «Тройка» немыслима без дуализма. «Люблю/не люблю». Горизонтальных черточек нет, то есть нет привязанности ни к земле, ни к небу. Животное находится в постоянном движении. Оно живет без привязанностей, во власти страха и желания. «Тройка» подчинена своим инстинктам. И она – вечная невольница своих чувств.

Толстяк скрестил указательные пальцы.

– «4» – человеческая стадия. Это символ креста, означающий перекрестье. Перекрестье – это выбор. Если правильно к этому относиться, это перекрестье позволит нам выйти из животной стадии и перейти на следующую. С животной стадии номер три на пятую. Можно больше не страдать от страха и от зависти, начать реагировать не только на инстинктивные ощущения. Прощай, дилемма «люблю/не люблю», «боюсь/пугаю».

– Что ждет нас выше, на пятом этапе?

– «5» – духовный этап. Человек развитый. Вверху у «пятерки» есть горизонтальная черточка, это привязанность к небу. Кривая направлена вниз, значит, она любит то, что внизу, – землю. «5» – полная противоположность «2». Растительное приклеено к земле, духовный человек – к небу. Растительное любит небо, духовный человек любит землю. Это то, что подразумевал Андре Мальро своей знаменитой фразой: «Третье тысячелетие будет духовным, либо его не будет». Либо человек будет «пятеркой», либо его не будет вообще.

Такова цель: освободиться от эмоций, контролировать наши инстинктивные реакции и стать духовными.

Лукреция Немрод молча поразмыслила, потом спросила:

– А «шестерка»?

Исидор Каценберг напустил на себя загадочность.

– Об этом потом. Поймите хотя бы первые пять цифр – это уже будет

огромный прыжок вперед. Если весь мой труд приведет к этому пониманию, то я сочту, что принес пользу.

Она стала рисовать в воздухе цифры:

– Один... два... три... четыре... пять... Занятно! Цифры всегда у нас перед глазами, но мы воспринимаем их только как способ счета.

– Люди мало обращают внимание на вещи, которые их окружают, – с сожалением проговорил Исидор Каценберг. – Они исходят из своих предрассудков и воображают, что все знают. – Он весь затрясся. – Мне хочется надеяться, что этот маленький рассказ о цифрах, указывающих нам путь в будущее, убедил вас, что единственный важный вопрос – это не «откуда мы взялись?», а «куда мы идем?».

Она потянулась, встала, перешагнула через книги, пересекла зал и стала рассматривать магнитные табло на противоположной стене, увешанные газетными вырезками, фотографиями, рисунками и списками покупок.

– Все наоборот, – задумчиво отозвалась она. – Вы еще больше убедили меня в обоснованности моего подхода. Если хочешь понять будущее, для начала пойми прошлое.

Исидор Каценберг взял с одного из столиков блокнот, из-под кучи книг извлек сумку на колесиках.

– Вы куда? – спросила девушка.

– Наконец-то хороший вопрос! Можете, когда хотите! Куда я иду? Всего лишь за покупками. Сейчас самое время, мне нужны свежие овощи и фрукты.

– Можно мне с вами?

Разговор продолжился снаружи, под неумолчный скрип колесиков сумки. Пустырь, заросший высокой травой и крапивой, сменился пригородными улицами. Наконец они вышли на площадь, где напротив церкви неопределенного возраста стояли за прилавками краснощекие огородники.

Исидор Каценберг был не из тех, кто делает покупки на скорую руку. Он долго обнюхивал дыни, взвешивал на ладони плоды манго, обсуждал с продавцами последний завоз, щупал помидоры и авокадо, приглядывался к луковицам. Тщательно отбирая то, что потом употребит, он продолжал разглагольствовать:

– Гипноз собственного прошлого – вот то, что замедляет развитие человека (возьму-ка я вот эти два пучка редиски, той, что покраснее). Если бы он ограничился одним будущим, это придало бы ему легкости. Поверьте, настоящая катастрофа – это ослепление прошлым (у вас все

груши такие спелые?). Взять хотя бы страны, мечтающие обрести свою идентичность через возврат к устаревшим практикам. В Монголии требуют возвращения наследия Чингисхана. В Афганистане хотят возродить законы восьмисотого года. В России не прочь посадить на трон нового царя (сколько я вам должен?).

Исидор Каценберг вытянул из кошелька мятую купюру, ссыпал вместо нее полученную на сдачу мелочь, погрузил полные пакеты в сумку на колесиках – все это не прекращая болтовни:

– От прошлого должна остаться «табула rasa». Знаете, как в психоанализе? Люди упорно погружаются в свое прошлое, не устают его терзать и потрошить. Чем оглядываться назад, лучше бы смотрели вперед!

Говоря это, он поднажал и обогнал Лукрецию. Той пришлось перейти на бег, чтоб с ним поравняться.

На углу квартала появился автомобиль, дверца распахнулась, две руки втащили девушку внутрь. Пока Лукреция непонимающе таращила глаза, ей заткнули рот кляпом и завязали платком глаза.

Исидор Каценберг, ничего не замечая, продолжал:

– Никогда, никогда не озирайтесь назад! Так недолго забыть смотреть себе под ноги. Если, например, я забуду глядеть перед собой, то наверняка врежусь в первый попавший уличный фо...

Дверца машины громко захлопнулась, покрышки взвизгнули, машина рванулась с места. В окне промелькнувшего мимо него автомобиля Исидор Каценберг успел разглядеть Лукрецию Немрод, бывшуюся в лапах двух громил в обезьяньих масках.

15. Собираательство

Бывший вожак стаи тащит охапку ворсистых листьев. Их едят, чтобы лучше переварить мясо гиены.

Он собирает не все подряд. У этих листьев ворсинки в форме крючка, они цепляют червячков, которые селятся в кишках и вызывают понос, прочищающий внутренности.

Они жуют и глотают листья. Им везет, они наполовину растительные, наполовину плотоядные. Красное мясо их возбуждает, свежая листва успокаивает. Потом они едят почти созревшие фрукты. Так они избегают скопления зловонных кишечных газов, грозящего любому, кто полакомился мясом гиены.

К подножию дерева подкрадывается стая гиен, которым хочется узнать, что произошло. Они находят останки своей соплеменницы, обсаженные мухами и вороньем, и смотрят вверх, на тех, кто нанес им это оскорбление.

Вожак стаи бьет себя кулаками в грудь и цокает языком, подтверждая, что это они убили гиену, и грозя повторением.

Это исторический момент.

Между ними и гиенами закрепляется чувство взаимного хищничества. Самки стаи раздражаются истерическими воплями, изводя падальщиков. Поднятый ими шум наполняет лес, поэтому никто не слышит приближающего мерного шороха, хлопанья широких крыльев.

Смотрящий вниз забывает смотреть вверх.

Неожиданно для всех орел пикирует и, пользуясь невниманием стаи, хватает малыша, увлеченно выбиравшего из плода червячков: их он собирался съесть, а мякоть выбросить.

Никто не успел шелохнуться, чтобы защитить малыша, и теперь всем приходится наблюдать с разинутыми ртами, как птица уносит визжащую жертву.

И ведь это не простой малыш, а тот, которого не хотела отпускать мать. Она и сейчас цепляется за него так крепко, что крылатый хищник уволакивает и ее.

Орел медленно набирает высоту, и ОН выбивается из сил, подпрыгивая на верхних ветках в попытках до него дотянуться.

Время замедляет ход.

Орел, отягощенный двумя жертвами, с трудом продолжает подъем.

Мать еще не миновала ветви. ОН прыгает в пустоте, тянет вверх руки, забыв о себе. В последний момент ОН хватается мамашу за пальцы ног. Оба застывают в воздухе. Мамаша с криком разжимает пальцы рук.

Орел мгновенно взмывает ввысь, крепко держа в когтях малыша.

ОН падает на землю. На него кидаются гиены, но он успевает увернуться от их клыков и скрыться в нижних ветвях дерева.

Орел продолжает подниматься в небо. Самки стаи швыряют в него зеленые плоды, но хищник уже слишком высоко.

Похищенный младенец зовет на помощь.

ОН провожает его взглядом, говоря себе, что, возможно, малышу повезло. Он ведь улетаёт в небо. Кто еще во всей стае может похвастаться, что хотя бы раз в жизни испытал это чувство? Никогда, даже высоко подпрыгнув, ОН не сможет оказаться так же высоко. А жаль.

16. Плохие четверть часа

Лукрецию Немрод окружила тьма, полная скрежета. Две руки давили ей на плечи, прижимая к сиденью стула, еще две связали ей руки. Она ничего не видела, слышала только подозрительные звуки. Еще две руки схватили ее за лодыжки, заставили растопырить ноги и привязали их к ножкам стула.

Как она ни билась, как ни сопротивлялась, все было напрасно. К тому же она догадывалась, что ее недругам забавно наблюдать, как она извивается. Через несколько минут она полностью прекратила шевелиться и прикинулась мертвой. Неподвижная добыча сильнее нервирует хищников, чем ерзающая. Ее маневр удался. Две руки вынули у нее изо рта кляп, сняли с глаз повязку. Она сглотнула, чтобы в горле не было так сухо, и заморгала, привыкая к свету.

Серые стены с облупившейся краской, мутные грязные окна, пыльный цементный пол. Не иначе, ее привезли в какой-то заброшенный цех. В нос ударил запах плесени и ржавчины. На нее смотрели трое силачей в обезьяньих масках.

То, что они не сняли маски, ободрило ее. Это значило, что ее рано или поздно отпустят, и они не хотят, чтобы она смогла потом их опознать.

Один из троих подошел к ней и взял за подбородок.

– Что тебе понадобилось в квартире профессора Аджемьяна?

Она ухмыльнулась.

– Так это ты – некто в маске, которого я там неплохо проучила?

– Он самый... – пробормотал он. – Напрасно ты мне об этом напомнила...

И он отвесил ей пощечину, от которой у нее еще больше растрепались волосы. На нежной щеке отпечаталась красная пятерня, во рту появился вкус крови. Лукреция Немрод почувствовала прилив адреналина, у нее возникло острое желание вступить в бой со всеми тремя, и она так сильно натянула свои путы, что они больно врезались ей в тело.

– Молодец, ударил связанную женщину! В тот вечер ты не был таким храбрецом!

Вторая пощечина не заставила себя ждать. После этого «обезьяна» повела ровным голосом допрос:

– Что ты делала в квартире Аджемьяна? Что искала в его кабинете? Что-нибудь нашла?

Перед ее глазами еще плыла розовая пелена, было трудно дышать. Нужно было унять злость, тогда он перестанет ее бить. Превозмогая боль, она изобразила улыбку и постаралась восстановить нормальное дыхание.

– С обезьянами не разговариваю.

За это он влепил третью пощечину. Другой мужчина, подойдя к ней, погладил ее заалевшую щеку.

– Что вы знаете о происхождении человека?

Неожиданный вопрос, да еще заданный сладким голосом!

Она вскинула голову, уставилась на вторую обезьяну и выпалила, как ученица на уроке:

– Человек произошел от слезшей с дерева обезьяны.

– Предоставьте ее мне, босс, – вмешался третий, до сих пор молчавший и не двигавшийся. – Я сумею ее разговорить.

Она бесстрашно обвела взглядом всех троих.

– Ой, как страшно! Ребята, вы, никак, вздумали произвести на меня впечатление? У вас маски – и те жалкие, с магазинными этикетками и резинками! Шестьдесят пять франков штука. Сразу видно любителей. Когда берутся пытать девушку моего пошиба, стараются хотя бы не ударить в грязь лицом. Удаляют этикетки и надевают капюшоны палачей. А у вас маски за шестьдесят пять франков, вот стыдоба!

– Можно мне, босс? – спросил самый крупный из троих.

Лукреция Немрод метнула в него изумрудный взгляд.

– Учтите, что бы вы со мной ни сделали, все это будут семечки по сравнению с издевательствами в сиротском приюте!

Мужчина в обезьяньей маске, принимавший обращение «босс», не спешил с отмашкой.

– Ладно, валяй, только не переусердствуй, – разрешил он наконец. – Не люблю смотреть на человеческие страдания, особенно женские...

Двое других развязали ее, и она немедленно воспользовалась свободой, чтобы врезать обоими кулаками в живот тому, кто стоял рядом, и ударить каблуком в колено второму обидчику.

Они быстро ее скрутили, снова связали и подтащили к блоку со свисающей цепью, чтобы подвесить за ноги, вниз головой. Ее длинные рыжие волосы мели теперь пол, но она не унималась – возилась с веревками на связанных за спиной руках.

– Ну, берись за ум! – приказал «босс». – Говори, что делала в квартире профессора Аджемьяна.

– Ладно, я все вам расскажу, – выдохнула она. – Я стучала во все двери и задавала вопрос: «Что чаще всего лежит в холодильнике у французов?»

Когда мне отказывались открыть, я влезала в окно.

– Очень остроумно, мадемуазель. Ничего не поделаешь, придется сделать так, чтобы кровь прилила вам к голове и освежила память.

Она забилась на цепи. В голове уже мутилось, все тело налилось тяжестью.

– Вылитая колбаска в процессе копчения! – сострил один из троих.

В следующее мгновение цех заволкло густым серым дымом. Потом прогремел взрыв.

17. Гроза

Небо раскалывает молния, и стоя в испуге застывает. ОН привстает на задних лапах, чтобы лучше разглядеть величественное зрелище.

Тучи темнеют, потом наливаются черным, с сиреневыми и серебряными прожилками.

Небеса раздвигаются.

Чернота разражается вспышкой, белым столбом, ударяющим прямо в землю.

«Небо сильнее всего остального», – думает ОН.

Остальные втягивают головы в плечи. Им страшно, ему – нет.

«Небо – мой господин», – говорит ОН себе.

Его друзья-облака демонстрируют свою мощь всем тем, кто населяет земную твердь. Столбы света обрушиваются вниз один за другим, их все больше, сопровождающий их падение грохот все сильнее. От этого дрожит земля.

«Небо такое красивое, такое сильное», – думает ОН.

Зигзаг пламенеющей молнии цепляет дерево, в ветвях которого засело его племя. Башня из ветвей способна сдерживать потоки воды, но против огня она бессильна. В прошлом лагерь уже имел неприятности из-за грозы, но никогда еще молния не ударяла так близко. У детей слезятся глаза. Молния снова ударяет совсем рядом, но в дерево не попадает; правда, там, где она застала их зазевавшегося родича, осталась лишь кучка пепла.

Дождь превращается в ливень, но занявшийся пожар ему не потушить. Взметнувшийся желтый факел всем внушает страх. Вожак стаи по привычке выпускает устрашающие крики, чтобы отпугнуть этого врага. Но огню не страшно, он пренебрегает угрозой. На подмогу вожаку приходят другие доминантные самцы. Но огонь наступает на них, кусая многим руки. Все вопят. Для них огонь – самое страшное, что может быть! Им невдомек, где у него глаза, где рот, им не удастся его ударить. Непонятно им и другое: как огонь сумел подобраться так незаметно? Никто его не видел и не слышал, и вот он прямо перед ними – огромный грозный зверь!

К крику присоединяются самки. Потом лагерь охватывают три огромных языка пламени. Они все уничтожают, превращают в черную пыль все, что поглощают. Стоя шарахается назад, отступает. Как ни тошно вожаку бросать такой хорошо обустроенный лагерь, верхушка дерева грозно трещит и грозит рухнуть. Неосторожные племянники превращаются

в пылающие факелы, визжащие, чтобы их потушили. Испуганные птицы бросают свои гнезда, тщетно пытаясь забрать с собой снесенные яйца. Огонь набирает силу, его раскаленные когти достают тех, кто пытается от него сбежать.

Воздух наполняется едким дымом, и все раздражаются кашлем.

18. Прекрасный принц

Заброшенный цех заволокло дымом.

Троица в обезьяньих масках застыла рядом с блоком, на котором висела вниз головой Лукреция Немрод, видевшая все вверх ногами.

– Дымовые шашки! Полиция! – крикнула одна «обезьяна».

Лукреция пыталась дотянуться руками до связанных ног. Выстрелы раздавались теперь по всему цеху.

– Бежим, они открыли огонь!

Похитители бросились к груде ящиков. Дышать в дыму становилось все труднее. Достав кое-как оружие, они принялись палить наугад сквозь заволакивающие их густые клубы.

Толстые руки спустили надсадно кашлявшую Лукрецию Немрод на пол, развязали веревки, прижали к ее лицу маску – защиту от газа. Приподняв тяжелую голову, девушка ничего не смогла разглядеть в дыму, вдохнула очищенный фильтром воздух и недоверчиво посмотрела на своего спасителя.

– Исидор... – пробормотала она.

– Тихо! – раздалось из-под его маски. Он затягивал на ее рыжей голове ремешки. Потом он тихо, но отчетливо произнес три слова:

– Видеть, понимать, молчать...

Еще один вдох – и она, виляя между особенно густыми клубами дыма, бросилась к своим обидчикам, чтобы дать волю своей изобретательной мести.

Первый получил ладонями по ушам. Это было сродни удару тарелок, невыносимому для барабанных перепонок. Наказанный выронил оружие и схватился за голову.

Исидор Каценберг, смирно сидя на полу, наслаждался зрелищем.

Второй обидчик Лукреции получил от нее ногой по зубам и тут же утратил интерес к своему револьверу, схватившись за пострадавшую челюсть. Подскочив к третьему, она воткнула указательный и средний пальцы в отверстия его маски, прямо в слезящиеся голубые глаза, что повлекло временную слепоту.

Теперь трое негодяев в масках походили на китайскую обезьянью триаду.

Один держался за уши.

Второй за рот.

Третий закрывал ладонью глаза.

Им оставалось одно – позорно ретироваться.

Лукреция Немрод бросилась за ними вдогонку, но они сразу прыгнули в свой автомобиль и унеслись. Она сорвала с лица противогаз.

– Размазни, а не мужики! Как только в бою устанавливается равенство сил, они убегают! – Ее крик был обращен к Исидору, который, догнав ее, тоже избавился от противогаза.

Молодая журналистка повернулась к своему избавителю.

– Кстати, почему вы не помогли мне с ними разделаться?

– Как я погляжу, вы превосходно справились сами. Как называется это ваше боевое искусство?

– «Интернат-квондо». Похоже на тхэквондо, но куда суровее. В нем разрешены любые удары, вообще все.

– Вы опознали в этой троице того, кого встретили на месте преступления?

– Кажется, да. Хотя из-за маски я не смогла разглядеть его физиономию. Вот если бы поймать хотя бы одного и потолковать с ним по душам...

Исидор Каценберг достал из кармана лакричный леденец, отправил себе в рот и стал сосать.

– Лукреция Немрод, – молвил он наставительно, – не становитесь невольницей насилия.

– Я делаю что хочу, – проворчала она. – Если мне хочется прибегнуть к насилию, то это касается только меня.

Он положил руку ей на плечо.

– Прекрасно. Тогда расставим точки над «i». Мне нравится игра в волшебного принца, спешащего на выручку к красавице, но и вам бы неплохо хотя бы по минимуму соответствовать роли волшебной принцессы. Например, волшебные принцессы не подвергают своих обидчиков пыткам.

– Можно подумать, они передо мной расшаркивались!..

– Лао Цзы говорил: «Если тебя обидели, не ищи мести. Сядь на берегу реки, и скоро мимо тебя проплывет труп врага».

Лукреция Немрод покрутила в голове поговорку и ответила:

– В некоторых случаях неплохо помочь ему свалиться в реку. Хотя бы время сэкономишь. Но расскажите мне, волшебный принц, как вы обнаружили попавшую в переплет красавицу?

– Легче легкого, – сказал он. – Я видел, как вы дрались с ними в машине. Преследовать вас я не мог, пришлось вернуться домой и

посмотреть номер вашего сотового. Вы говорили, что он всегда стоит на виброзвонке, поэтому я знал, что звонка не будет слышно. Зато, приняв мой звонок, ваш телефон сообщил мне ваше местонахождение. У меня остались друзья в полиции. Они нашли сотовый передатчик, активированный вашим телефоном, и определили периметр, где вас искать. На счастье, там оказалось одно-единственное сооружение – заброшенный цех. Друзья дали мне шесть дымовых шашек, четыре холостых гранаты и два противогаса. На все это мне потребовалось время. Машины у меня нет, пришлось тащиться на метро. А метро в это время суток – сами знаете, что это такое! Они не сделали вам больно?

Она потеряла запястья и щиколотки с красными полосами от веревок.

– Как вам сказать... Если бы вы задержались еще минут на десять, то нашли бы меня в гораздо более плачевном состоянии.

Она заглянула в доброе лунообразное лицо своего спасителя.

– Но все равно – огромное спасибо! Я начинаю понимать, почему вас прозвали Шерлоком Холмсом от науки.

Человек-шар заколыхался в знак несогласия.

– Умоляю, не сравнивайте меня с ним, это – давнее прошлое. У каждой эпохи свои детективы. Я – не человек из прошлого, я принадлежу настоящему, а может, и будущему.

– Вам по-прежнему не дает покоя будущее... – сказала она со вздохом.

Он хрустнул лакричным леденцом и ответил:

– По дороге я размышлял. Кое в чем вы, возможно, правы. Может быть, иногда стоит разобраться с прошлым, чтобы оно не повторилось в будущем.

Слон и мышка зашагали по разбитому двору к воротам завода. Семеня за ним, чтобы не отстать, Лукреция приводила в порядок свои длинные волосы.

– Вы намекаете, что согласны помочь мне в расследовании?

– Идемте! Я покажу вам местечко, которое я всегда держал в тайне.

19. Пещера

Верхушка дерева пламенеет, охваченная огнем. Листья трещат в желтом пламени. Птицы бросают свои гнезда на верхних ветвях и улетаю прочь, суматошно махая крыльями.

У стаи нет выбора, остается спуститься на землю. Она знает, что должна подыскать себе новую стоянку.

Ливень усиливается. Мокрые, сгорбленные, они продвигаются по открытой местности. На их счастье, ливень разогнал хищников: их густая шерсть сильно намокает, и они тоже превращаются в легкую добычу.

Вожак, возглавляющий стаю, подгоняет ее, раздавая сильные шлепки по головам тех, кто не торопится. Лучший способ прогнать страх – напугать чем-то другим. Он рычит, показывает зубы, не гнушается кусать доминируемых и обычных козлов отпущения. По его мнению, это необходимо для сплочения в группе.

Все смиренно плетутся. На их пути вырастает еще одно большое дерево, на ветвях которого можно было бы разместиться, но это не их день. Они уже запрыгивают на ветки, но молния ударяет снова, и расколотое дерево валится на землю.

ОН гадает, не привлекают ли особенно высокие деревья молнию. Или, может, это знак. ОН верит в знаки. ОН думает, что все в жизни указывает ему, что делать и чего не делать. Если в их стоянку попадет молния, значит, оттуда придется убраться. Если молния бьет в это дерево, значит, им на нем не место.

Одна из самок привлекает внимание стаи, указывая пальцами на дыру в скале.

Это пещера.

Члены стаи придерживаются правила не приближаться к пещерам. В них всегда живут крупные опасные хищники. Но дождь такой холодный, и они так боятся снова обжечься огнем, что окружают самку и спешат к пещере. Там их ждет неожиданность: вход в пещеру не сторожат хищники. Но пещера очень глубокая, это опасно. Они замирают на ее пороге и озираются. Ливень припускает еще сильнее, деревья вспыхивают одно за другим.

ОН думает, что облака гневаются на существ, обитающих на поверхности земли.

«Наверное, не надо было убивать гиену, несшую своим

соплеменникам надежду», – говорит ОН себе.

Стая сбивается в плотную кучу, взволнованные и перепуганные соплеменники согреваются теплом друг друга.

Дождь все льет и льет. Тепло сбившихся в кучу тел позволяет преодолевать озноб.

Вдали вспыхивает еще одно дерево, в которое попала молния.

20. Древо будущего

То было «древо будущего».

Исидор Каценберг привел Лукрецию Немрод в комнатуху на нижнем этаже водокачки. Там помещалось только два табурета и большой белый стол на козлах с горкой фломастеров с краю.

Лукреция Немрод изучает большой рисунок на столе. У него есть название – «Древо будущего». У дерева много ветвей, усыпанных мелкими листочками.

– В наше время мысль политиков не заходит далеко, максимум на пять-семь лет – это период, когда можно избраться и переизбраться, – стал объяснять Исидор Каценберг. – Но разве не интересно представить, что будет через сто, тысячу, десять тысяч лет? Какой мы оставим Землю нашим детям?

– Сейчас преобладает политика наименьшего зла, старания не дать произойти ближайшим катастрофам.

– Это нормально, политики зависят от замеров общественных настроений, которые знакомят их с коллективной эмоцией. Перспективой здесь не пахнет.

Лукреция опустилась на неудобный табурет и вздохнула.

– Я не прочь пофантазировать, но большинство обещаний прекрасного будущего кончались таким фиаско!.. Неудивительно, что теперь люди с осторожностью относятся к заманчивым проектам.

– У человечества есть право на ошибку! – возразил Исидор и тоже плюхнулся на табурет, который был для его туши явно мал. – Сколько ни критикуй коммунизм, либерализм или социализм, они по крайней мере указывали направление. Пускай эти идеологии обанкротились, это не значит, что нельзя предлагать другие. Предложений должно быть много, чтобы людям было из чего выбирать. Из того, что в прошлом совершались ошибки, еще не следует, что надо отказаться от предложений на будущее. Но в наше время остался всего один выбор: между неподвижностью и откатом назад.

– То есть между консерваторами и реакционерами? – спросила она.

– Если хотите. Так или иначе, нам предлагают либо вообще не двигаться, либо повернуть назад. Все в ужасе от одной мысли о том, чтобы сделать шаг вперед. Одни писатели-фантасты ныне осмеливаются заглядывать в будущее человечества. Какая тоска!

Лукреция Немрод привстала, чтобы получше разглядеть древо.

– Ну, а вы придумали это древо...

– Да, древо со всеми вероятными вариантами будущего.

– Это как-то связано с концепцией «пути наименьшего насилия», о которой говорится в вашей странной книге?

– Изображая в этой таблице все варианты будущего, я пытаюсь нащупать путь, способный когда-нибудь привести нас в будущее, которое будет лучше нашего настоящего.

Он подошел к девушке и стал тыкать пальцем в листочки на ветвях дерева. На каждом был написан вариант будущего. Некоторые умеренные, вроде «если приватизировать систему мест заключения», «если отменить социальное обеспечение», «если повысить социальные минимумы». Другие порадикальнее: «если объявить войну враждебным экономическим блокам», «если вернуться к диктаторскому правлению», «если упразднить правительства». Были и совсем утопические на первый взгляд варианты: «если заселить другие планеты», «если ввести во всем мире контроль рождаемости», «если остановить экономический рост».

Теперь Лукреция Немрод смотрела на живой шар рядом с ней другими глазами. Ее удивило, что простой смертный смеет замахиваться на грядущее всего своего вида. Как ей ни хотелось поднять его на смех, она сдержалась. Что может быть проще, чем одним махом перечеркнуть столько часов умственных усилий! Прделанный труд заслуживал уважения. Вторым ее побуждением было узнать обо всем этом больше.

– Вы держите ваше древо будущего здесь, таите его от людей...

Он утвердительно кивнул.

– Это верно, а все почему? Потому что оно еще недоработано. Когда древо будет готово, я предъявлю его миру.

– Кому?!

– Говорю же, миру! Быть может, благодаря моему древу политикам в один прекрасный день хватит смелости объявить: «Смотрите! Вот путь, которым предлагается двинуться, пройти вот здесь, потом здесь и здесь, чтобы лет через двести, даже если кое-какие перевалы окажутся очень трудны, прийти вот сюда, чтобы наши дети или дети детей наших детей зажили на нашей планете счастливо».

Он отправил в рот карамельную сигарку и принялся жевать.

– На кону стоит судьба всего человечества и вообще всех обитающих на планете существ. Пора начать рассуждать не как избиратели, не как потребители, а как живые создания, интегрированные в гораздо более обширное множество. Да, я надеюсь, что рано или поздно у нас наступит

гармония со всем окружающим миром. Это называется «гомеостаз», равновесие между внутренней и внешней средой, между человеческим родом и всеми остальными формами жизни.

– Не больше и не меньше!

– Представьте себе! – не унимался он. – Тогда мы сможем сопереживать всем формам земной жизни. Все они будут нашими партнерами, и все вместе мы построим лучший мир. Если разобраться, что может быть лучше?

– Согласна. Но в недалекой перспективе, прямо сейчас, чему может послужить весь этот ваш труд?

– Выявлению главных тенденций при учете всех факторов во всех мыслимых сферах: экономической, политической, социальной, технологической, культурной... Выяснению того, как все это сочетается, – скромно ответил он. – При помощи этой таблицы я предвижу кризисные циклы. Определяю фазы роста и спада на сырьевых рынках. При помощи моего Древа я играю на бирже. Поверьте, это работает! Биржевые сделки – главный источник моего дохода. Так я зарабатываю на жизнь – разве это не очевидное, не наглядное доказательство полезности моего Древа? Сами понимаете, на жалкую зарплату научного журналиста я бы не смог ни приобрести, ни тем более обустроить эту водокачку.

Молодая стажерка не сводила глаз с Древа.

– Само собой, – продолжил он с широкой улыбкой на детском лице, – я не мню себя Нострадамусом. Не претендую на предсказания будущего, просто пытаюсь предвидеть главные логические траектории в развитии нашего общества. Пока что могу без хвастовства сказать, что получается даже лучше, чем я ожидал.

Лукреция Немрод разглядывала самые тонкие веточки на Древе будущего.

– Что вы предвидите, например, в геополитике?

– Дальнейшее перемещение власти с востока на запад. Сначала центром мира была Индия. По-моему, все вышло оттуда, из Индии, более пяти тысяч лет тому назад. Происходит движение на запад, вместе с солнцем. Индию сменили в мировой власти месопотамцы и египтяне. И дальше на запад: греки, потом римляне. После них Австро-Венгрия, дальше западные берега Европы – Франция, Испания, Голландия. Потом Англия. Все западнее и западнее, через Атлантический океан. Власть прописалась в Нью-Йорке, потом пересекла Американский континент и достигла Лос-Анджелеса, но продолжила стремиться на запад, пересекла Тихий океан, оказалась в Токио, скоро будет в Китае. После Китая она

вернется в Индию. Так выглядит географическая история власти и ее вероятная траектория через континенты, от народа к народу.

– Возьмем другую тему. Безработица во Франции.

Исидор Каценберг перевел дух.

– Что касается современных западных обществ, то логика учит, что в будущем у них должны прекратиться проблемы с безработицей. Десять процентов людей будут усердно трудиться в творческих сферах, а остальные девяносто вообще не будут работать, разве что спорадически, на подхвате, вдали от творчества. Эти десять процентов, созидатели, будут создателями и манипуляторами концепций. Они будут отдаваться своей работе, посвящать ей все свое время, зарабатывать много денег, на трату которых у них нечасто останется время.

– А остальные?

– Остальные? Что ж, девяносто процентов нетворческих людей будут часто менять занятия, мало зарабатывать, проявлять мало интереса к тому, что делают, зато всю пользоваться индустрией развлечений. И отождествлять себя эти девяносто процентов будут не со своим ремеслом, а с времяпрепровождением в свободное время. Я много размышляю о развитии добровольных объединений. Возьмем пример: девушка временно работает секретаршей, иногда подрабатывает няней, снимается в эпизодах в кино, но определяет себя как член районной Ассоциации борьбы за сохранение окружающей среды...

– Что-то я не уловила, почему вы называете креативный класс будущего «манипуляторами концепций».

– Потому что в будущем не будет больше ни инноваций, ни открытий, ни изобретений. Когда весь мир одновременно владеет всеми технологиями, у людей повсеместно одинаковые автомобили, стиральные машины, компьютеры. Что определяет предпочтение при приобретении? Мелкие «навороты» в подаче, цвете, обозначении продукции, в продвижении марки, в лозунге, маркетинговой стратегии.

– Как-то несправедливо в отношении нетворческого большинства...

– Здесь всплывает другая важная для меня тема: образование. Когда-нибудь школа каждому позволит развивать его индивидуальные творческие данные. Вот тогда произойдет взлет рынка искусства и коммуникаций, который подготовит наступление следующей эры.

– Не у всех есть врожденные способности! – возразила девушка.

– Неправда, у всех! – заверил ее Исидор Каценберг. – Другое дело, что не все умеют их в себе обнаруживать и использовать. Этому и должна помогать школа, ее задача – предлагать гораздо более широкий выбор

дисциплин с целью развития талантов каждого. Тогда «работа» уступит место не ведающему усталости использованию своего внутреннего потенциала, преподнесению в дар другим своей личности, своего неповторимого таланта! Человек будет уже не «работать», а «занимать себя» тем, для чего создан.

Лукреция Немрод все еще пыталась отыскать изъян в теоретизировании толстяка.

– Как насчет сферы мысли?

– Когда-нибудь человек станет духовным. Между прочим, это давно предрекает Библия. Возьмите Десять Заповедей. Еврейская религия не судит. Когда она говорит: «не убий», речь идет о будущем. Она не говорит: «не смей убивать, иначе будешь наказан». Она говорит: «Когда-нибудь ты не будешь убивать», то есть «в один прекрасный день ты поймешь, что убийство ведет в никуда». И так далее: когда-нибудь ты поймешь, что никуда не ведет кража, ложь и прочее. Когда-нибудь мы станем духовными.

Уставившись на Древо будущего, Лукреция Немрод спросила:

– Почему вы вкладываете в это всю душу, Исидор?

– Из эгоизма, – ответил он с улыбкой. – Мой эгоистический интерес – жить в окружении людей, не испытывающих стресса. Когда люди счастливы, они к вам не пристают. Значит, чтобы мне, Исидору Каценбергу, жилось привольно, требуется счастье всего человечества, всей вселенной. Хочу пребывать в гомеостазе с человечеством, хочу, чтобы человечество пребывало в гомеостазе со вселенной! А теперь ступайте за мной, Лукреция. Нас ждет новая задача.

Он привел ее в большой конический зал, занимавший большую часть нижнего этажа водокачки. Там он достал из шкафа другую таблицу, копию той, которой девушка любовалась в соседней комнате, положил ее поверх груды книг и написал на ней красным фломастером, большими буквами:

ДРЕВО ПРОШЛОГО.

Как по волшебству откуда-то появились бутылка шампанского и два переливающихся бокала.

– Отметим начало пути!

Они чокнулись и выпили. После этого Исидор Каценберг принялся сосредоточенно, по памяти пририсовывать к ветвям дерева листочки с величайшими событиями и поворотными моментами прошлого. То были изобретения, династии, империи, путешествия, сражения, переселения народов, революции, кризисы, общественные движения... Он очень старался ничего не упустить.

Начав с современности, он двинулся вниз, спускаясь по ступеням

десятилетий, потом столетий.

Через час, устав рисовать ветви и листочки, он утер со лба пот. Лукреция лишилась дара речи от восхищения. Она любовалась Древом прошлого человечества, широко раскинувшим ветви, как будто стала свидетельницей его роста из зернышка.

– Остается, конечно, загадка происхождения, – заметил Исидор Каценберг, рассматривая свое творение. – Вопросы «когда?» и «зачем?» стали признаками первого разумного человека.

И он нанес синим фломастером последний штрих – вопросительный знак где-то между 4 и 2 миллионами лет до нашей эры.

– Очень может быть, что профессор Аджемьян нашел на них ответы, – напомнила журналистка-стажерка.

Исидор Каценберг уставился на белое пятно у основания ствола.

– Раз так, правильнее всего будет еще раз как следует порыться в его квартире.

– Я уже это сделала и ничего не нашла.

Толстяк аккуратно надел колпачки на фломастеры и убрал их в деревянный пенал.

– Если кто-то пытается испепелить огнем место преступления, – сказал он, – значит, где-то там имеется информация, которую от нас пытаются скрыть.

21. В глубине пещеры

Глядя на непрекращающийся дождь, стая радуется, что нашла укрытие. То, что на них еще не напал хозяин пещеры, придает им смелости. Похоже, пещера пуста. Детям не терпится облазить грот, родители слишком утомлены, чтобы их удерживать. Безделье и любопытство гонят детвору внутрь, глубже и глубже.

Они крадутся в глубину боязливыми шажками.

Вот и первая находка – шакальи экскременты. Дальше больше – экскременты гиеновидной собаки.

Они уходят по лабиринту все дальше, туда, куда уже почти не проникает свет дня.

ОН остался стоять на пороге пещеры. Его одолевает смутное ощущение, что здесь произошли странные события.

Камни пахнут кровью и дракой.

22. Место преступления

Запах воска и хлорки ни с чем не спутаешь.

Консьержка не пожалела сил на уборку подъезда. Исидор Каценберг осмотрел почтовые ящики и попросил Лукрецию Немрод вскрыть складным ножом тот, на котором красовалось имя профессора Аджемьяна.

– Зачем? – удивилась девушка.

– Чтобы проверить дату его гибели. Штampы на письмах подскажут, с какого дня профессор перестал забирать почту.

Она послушалась и завладела пачкой писем. Самый старый штамп показал, что горничная и вправду нашла мертвое тело на следующий день после преступления.

Они поднялись по лестнице. Дверь квартиры оставалась незапертой, и они проникли внутрь без малейшего труда. В углах потолка уже начали плести паутину пауки. Лукреция Немрод повела своего спутника в кабинет покойного. Там, снова разглядывая картины с обезьяньими мордами, она хлопнула себя ладонью по лбу. Разобрав картины, она нашла искомое за изображением двух рыб, на котором рыбешка спрашивала у своей мамы, кто первым вылез из воды. Сейф в стене! Кодовый замок представлял собой три колесика с цифрами, которые бывшая воспитанница сиротского приюта тут же принялась крутить.

Исидор Каценберг зажег в комнате весь свет.

– Вы с ума сошли! Нас засекут! Немедленно погасите!

– И не подумаю. Предпочитаю работать при свете, а не в потемках. Полиция все равно сюда не вернется, а что до соседей, то они обычно трусят и стараются не замечать подозрительных звуков и света.

– А как же тот человек в обезьяньей маске?

– И этот сюда не сунется.

С этими словами Исидор Каценберг допустил еще одну неосторожность: включил стереосистему. Колонки разразились полифоническим пением пигмеев. Он порывлся в бар и нашел бутылку коньяка.

– Как я погляжу, вы не испытываете стеснения во время обыска, – буркнула Лукреция Немрод, упорно крутя колесики. – Лучше бы помогли отпереть сейф! Наверняка мы найдем в нем ключ к разгадке.

– Вы отлично справляетесь одна, – отозвался он, гуляя вдоль книжных полок.

Взяв одну книгу, он сел в кресло и стал ее листать.

– Полезно проникнуться пристрастиями и душевным состоянием жертвы перед смертью, – объяснил он.

– И в каком же состоянии находился перед смертью профессор Аджемьян?

– Пока что я могу вам сказать, что он был отличным знатоком коньяков и детективов. Ученые часто зачитываются полицейскими романами, ценя закрученную интригу, которой недостает «новому роману», этим романизированным автобиографиям. По части стиля они изысканны, а вот сюжет частенько хромает. Можно подумать, что современные писатели забыли о первых сказочниках и сказителях – своих пещерных предшественниках, обладавших инстинктом рассказчиков и знавших цену преувеличения за отдыхом у костра, после охоты. Вот где истинный источник всех романов!

Лукреция все еще сражалась с тремя колесиками, высунув от усердия кончик языка.

– Вот я вас и поймала! – воскликнула она. – Вы признаете, что отсечение корней наносит вред. Даже пишущему роман полезно знать о своих корнях.

Исидор Каценберг пролистал еще несколько книг, а потом с радостным выражением лица схватил со стола футляр с ручками, достал из него резинку и подложил под блокнот.

– Детство играет? – спросила его журналистка, прижимаясь ухом к сейфу. – В вашем возрасте пора перестать забавляться с ручками и ластиками.

– На-шел! – медленно произнес он.

– Что вы нашли?

– Практически – ответ на вопрос, что собой представляет эта истории с убийством профессора Аджемьяна.

Она отвлеклась от сейфа и уставилась на собеседника.

– Уже?!

– История недостающего звена известна трем людям. Профессор доверял всем троим, один из них его и убил.

Девушка вытаращила глаза.

– Откуда вы все это взяли?

– Дайте мне вашу пудреницу.

Она безропотно повиновалась.

Он достал пуховку и нанес слой пудры на поверхность блокнота, после чего дунул. Пудра разлетелась, осталась только та, что задержалась в

бороздках на бумаге. Лукреция Немрод подошла и прочла три фамилии: проф. Сандерсон, проф. Конрад, проф. Ван Лисбет.

И приписка снизу: «Клуб «Откуда мы взялись?» теперь должен оказать мне поддержку. Вы трое нужны мне, чтобы поделиться тайной. В нужное время я вас созову, и вы должны непременно явиться на зов».

23. Дальше в глубь пещеры

Стая медленно уходит в чрево горы. Взрослые догнали молодняк. После экскрементов гиеновидных собак они натываются на львиный помет и сбавляют шаг. До них эту пещеру обследовали крупные хищники, наследили в ней, но по неведомым причинам не остались здесь.

Что за звери напугали львов?

Все чувствуют опасность и все же движутся вперед. Внезапно раздается звук, похожий на негромкое похрюкивание. Есть надежда, что это – журчание подземной реки. Если пещера пуста, и вдобавок в ней течет река, то это огромная удача! Все уже надеются здесь поселиться. Беременные самки высматривают углы, чтобы приютить там своих малышей. Кое-кто из самцов на всякий случай мочится на землю – метит территорию.

Но звук внезапно стихает. Значит, это не река.

Вожак стаи издает ответное вопросительное хрюканье.

Стая продолжает спуск. В пещере все темнее, она становится все просторнее. Их уже окружает кромешная тьма, но острота слуха и обоняния позволяет им угадывать формы стенок; обычно стае удается определить по звукам и по запахам, какие животные населяют пещеры.

Снова неясное бормотание.

Вожак опять издает ответный звук, в этот раз немного громче. Его не запугать!

Новые испражнения издают сильный запах. Неясно, кто мог их оставить, но, попробовав их на вкус, стая заключает, что они принадлежат плотоядному зверю, более того, хищнику высочайшего уровня.

В его испражнениях присутствуют даже остатки взрослого льва! Стаю колотит страх. Она всегда считала взрослого льва вершиной пищевой цепочки, а тут...

Самки предлагают повернуть назад. Вожак дает понять ворчанием, что последнее слово не будет за трусихами. Еще через несколько шагов кто-то спотыкается об остатки львиной грудной клетки.

Снова странный звук – похоже на глубокое дыхание.

Дети медлят, самки тоже. Но доминантных самцов так легко не запугаешь. Доминируемые самцы тоже не желают уподобляться малодушным самкам. Они издают негромкие звуки, обращенные к прячущемуся где-то поблизости чудовищу: покажись, мол!

Именно так оно и поступает.

В мгновение ока это стоит жизни двоим из стаи: их куски летят во тьму. Слышен только хруст: мощные челюсти перемалывают кости.

Никто не видел чудища, но все уяснили, что оно огромное.

24. Дым и пар

Исидор Каценберг зажег на письменном столе профессора Аджемьяна лампу, чтобы лучше осветить страницу блокнота.

– Итак, имеется клуб «Откуда мы взялись?», в него входят люди, исследующие происхождение человечества. Профессор Аджемьян связался, видимо, с одним из его членов и попросил его о помощи. Это был, без сомнения, роковой шаг: вместо того чтобы помочь, его убили.

Девушка кивнула в знак согласия, после чего принялась искать какое-нибудь приспособление. Сгодился ледоруб: пользуясь им как рычагом, она надеялась справиться с запорами сейфа.

– Вы – сторонница разрубания гордиевых узлов? – осведомился Исидор Каценберг.

– Что такое «гордиевы узлы»?

– Александру Великому попался однажды узел из веревок, который невозможно было распутать. Как все до него, он сначала попытался с ним справиться, но потом вспылil и разрубил веревки мечом. Выражение прижилось, его употребляют для обозначения людей, которым не хватает терпения, чтобы спокойно справиться с ситуацией, и они предпочитают рубить с плеча.

– Что касается меня, то я выбираю простые и быстрые решения.

Она нажала еще, и дверца наконец поддалась. Девушка посветила внутрь сейфа карманным фонариком и обнаружила двенадцать двухсотфранковых купюр и пачку порнографических журналов, которые небрежно бросила на ковер. Больше в сейфе ничего не было.

Исидор Каценберг сделал пигмейские завывания потише и уставился на взломанный сейф.

– А вы молодчина! – похвалил он Лукрецию. – Вы овладели искусством взлома в сиротском приюте?

– Вскрытие сейфов шло как факультатив, – скромно ответила она. – Я стремилась к карьере знатной бандитки, поэтому посещала вечерние курсы вместе с взрослыми. У выпускниц приюта было, знаете ли, два варианта жизненного пути: бандитизм или проституция.

– Что вы имели против проституции? – осведомился Исидор Каценберг.

– Мне слишком близка любовь, чтобы превращать ее в ремесло. К тому же я недурно начинала карьеру взломщицы.

– Почему тогда вы ушли в журналистику?

Исидор сел на диван и утонул в нем своей тушей. Так ему было удобнее слушать рассказ Лукреции.

Журналисткой она стала случайно. Дело было в Камбре, на севере Франции. Она вздумала обчистить квартиру в зажиточном районе, которую сочла пустующей. Она уже складывала в мешок серебряные приборы – серебро проще сбыть, чем картины, – как вдруг в замочной скважине завопили ключом. Она выключила фонарик и спряталась за занавеской. Но это не помогло: пришедший, увидев беспорядок в гостиной, стал искать виновника и быстро нашел воровку.

Это был крепкий мужчина, настоящий буфет на ножках. Юная Лукреция быстро убедилась, что при всех своих талантах мастера «интернат-квондо» не сможет его одолеть. Тогда она решила его разжалобить.

Миниатюрность была ей на руку. Она испробовала на колоссе свой коронный номер: сыграла бедную маленькую сиротку, брошенную родителями и обреченную на нищету. Последовал рассказ о чудовищных условиях жизни в церковных сиротских домах. В ход пошли все мифы: монахини, предпочитающие телесные наказания, принуждение к лесбийским связям...

Разговор затянулся на всю ночь. Хозяин квартиры оказался главным редактором провинциального ежедневного издания. Он не держал на грабительницу зла, наоборот, хвалил ее за смелость, находчивость и изворотливость – качества, которых, по его мнению, часто недоставало журналистской братии. Он жаловался, что в редакциях остались одни исполнители, работающие от сих до сих, пригревшиеся в кабинетах и ленящиеся заниматься расследованиями. С приходом нового поколения ситуация грозила усугубиться. Стажеры неизменно попадали в редакции «по благу» и грозили превратиться в таких же пресыщенных лентяев, как их старшие коллеги.

Неудивительно, что отвага и предприимчивость Лукреции Немрод привели его восторг. Последовало предложение постажироваться в его газете в Камбре.

Поначалу ей доставались одни «раздавленные собаки». Потом она перешла к репортажам об избрании «Мисс Мокрая Футболка» и о конкурсах на самую большую тыкву, дальше – к еще более серьезным темам: забастовкам и несчастным случаям в шахтах. По прошествии года, сочтя, что его протеже освоила ремесло и достойна профессионального роста, главный редактор посоветовал ей не терять время в провинции и

попытать счастья в Париже. Он порекомендовал ее своему однокурснику по Школе журналистики Фрэнку Готье, заведующему научной рубрикой в «Геттёр Модерн».

– Выходит, мы с вами вошли в журналистику примерно одинаково, – сделал вывод Исидор Каценберг. – Я – через полицию, вы – через преступление.

Он встал и заходил по комнате.

– У вас наверняка привычка быстро ориентироваться на месте. Пошевелите мозгами! Что бросилось вам в глаза, когда вы впервые сюда пришли?

Она задумалась.

– Статьи. Меня поразила самоуверенность Аджемьяна. Он всюду трубил, что открыл недостающее звено.

Этот ответ толстяка-журналиста не устроил.

– Не то! Наверняка вы заметили какую-то ненормальность. Что навело вас на мысль, что убийство совершил не местный маньяк, о котором говорил полицейский инспектор?

Девушка наморщила лоб, чтобы сосредоточиться.

– Помню, я оглядела комнату... Портреты обезьян. Скелеты на крючках.

– Закройте глаза, – предложил Исидор Каценберг. – Вспомните ту картину. Восстановите по секундам, как переступили порог и что было дальше. Что показалось вам странным в квартире, где произошло преступление?

Она опустила веки, потом снова их распахнула.

– Мне жаль вас разочаровывать, но я ничего не вижу.

– Снова зажмурьтесь, дышите глубже... – Казалось, он взялся ее загипнотизировать. – Дышите. Проветрите мозги, задействуйте все нейроны, разбудите спящие уголки памяти. Глядите замедленное кино. Ну, что навело вас на мысль, что это необычное преступление?

Она потеряла себе виски, немного посидела с закрытыми глазами, а потом воскликнула:

– Поза трупа! Он сидел в ванне и указывал пальцем на зеркало напротив.

Оба бросились в ванную.

– Я еще подумала: «Уж не на убийцу ли он указывает?»

Исидор Каценберг стал изучать зеркало.

– ...или хотел написать что-то пальцем на зеркале!

Лукреция Немрод с сомнением покачала головой.

– Даже если бы он смог что-то написать на запотевшем зеркале, это никуда бы нас не привело. Тут было столько хождения и сквозняков, что все благополучно стерлось.

– Необязательно, – возразил Исидор Каценберг.

Он закрыл дверь и отвернул до отказа краны горячей воды. Ванную тут же заволокло паром. Когда жара стала совсем невыносимой, он завернул краны и распахнул дверь, чтобы пар рассеялся.

На запотевшем стекле появилось нечто вроде цифры. Сначала девушка приняла ее за «5», но потом решила, что это не столько цифра, сколько буква. Буква S. Примененный Исидором прием произвел на Лукрецию сильное впечатление.

– Просто припомнил детские наблюдения, – объяснил тот. – Подушечки пальцев всегда оставляют на стеклах и на зеркалах тончайшую пленку жира. Как она ни тонка, после испарения влаги она остается. Удалите пар – и появится рисунок, даже давний.

Оба уставились на букву.

– Наверное, имя убийцы начинается на S, – предположила Лукреция Немрод.

Они поспешили обратно к столу, на котором лежал присыпанный пудрой лист бумаги. В составленном Пьером Аджемьяном списке фигурировал только один человек, чья фамилия начиналась на S, – профессор Сандерсон.

– Бенуа Сандерсон! – воскликнул Каценберг. – Он – светило астрономии из обсерватории Медона.

Буква на зеркале в ванной быстро исчезла.

S.

25. В глубине пещеры

– С... Ссс, ссс, хрясь!

Когти со свистом вырывают куски мяса из тел.

Члены племени рады были бы сейчас обернуться черепахами – им оченьгодились бы панцири. Жидкие волосы и тонкая кожа не спасают их от когтей и клыков чудища такой силы, такого размера, такой стремительности.

От него тянет омерзительным духом – не вполне кошачьим, не вполне собачьим, чем-то средним. Но они знают, что перед ними не то и не другое. Это новое животное, еще не имеющее места в их общей памяти.

Оно велико, свирепо, оно сеет смерть.

Это даже не назовешь боем. Они просто чувствуют, как в крошечной тьме длинные лезвия – то ли клыки, то ли когти – вспарывают им животы и дробят кости. У зверя тяжелая лапа и могучие челюсти. Такому под силу корчевать деревья и крушить скалы.

Племя жалеет, что потревожило неведомого зверя. Кто-то пригибается, кто-то жмет к стене пещеры, избегая смертельных ударов. Всем очень страшно. У одних не выдерживает страха кишечник, другие, трясаясь в темноте, ждут как избавления смертельного удара. В них летят ошметки разодранных тел.

Зверь из пещеры убивает беззвучно, спокойно, почти небрежно. Что это за существо? Но задаваться этим вопросом некогда, надо спастись бегством, и поскорее. Бежать!

Смельчаки и неуверенные уже не могут помешать пугливым и трусам. ОН спотыкается об останки льва, но быстро выпрямляется. ОН уже не слышит, что происходит в глубине пещеры.

Снаружи собираются сумевшие уцелеть. Многие не откликаются на зов. Такова плата за исследование неведомых миров.

Дождь перестал. Спасшиеся поспешно забираются на ветки ближайшего дерева, чтобы до них не смогло дотянуться чудище из пещеры. На некоторое время все цепенеют, спрятавшись среди листвы.

Вожак стаи чешет себе зубы. Этот жест всем знаком, его смысл таков: «Знаю, я совершил оплошность, но первому же, кто осмелится мне на это указать, сильно не поздоровится». Такова привилегия доминантных особей: ошибаться, но избегать упреков. Вожак по-своему борется со стрессом: выбирает тощего доминантно-доминируемого и осыпает его ударами.

Собратьям жертвы достается от других доминантных самцов.

Все успокаиваются.

Для выживших происшедшее служит уроком: время для попыток завоевать мир пещер еще не наступило. Пока еще следует довольствоваться деревьями.

ОН не прочь бы разобраться, что за неведомое чудище засело в пещере, но, как и вся остальная стая, сознает, что даже находясь на вершине эволюции, они многого не знают и что еще какое-то время не на все вопросы появятся ответы. Они горды тем, что были готовы рисковать жизнью ради новых знаний.

ОН смотрит на спасительные ветки как на протянутые ему дружеские руки. Каждый листик – крохотный щит, защита от непонятных чудовищ, засевших в глубоких пещерах.

И тут из коры дерева доносится свист, который ни с чем не спутаешь.

– СССССС.

26. Теория астронома Сандерсона

Сандерсон. Бенуа Сандерсон. Астроном оказался высоким стройным мужчиной с длинной седой бородой, со светло-голубыми глазами, в толстом свитере, связанном из грубой шерсти, наверное, еще его матушкой, в башмаках на толстой пластиковой подошве.

Одет он был, надо полагать, по последней астрономической моде. Ансамбль завершал слуховой аппарат, который он поспешил настроить, чтобы лучше слышать посетителей.

Исидор Каценберг и Лукреция Немрод представились журналистами, готовящими репортаж о происхождении человечества. Бенуа Сандерсон радушно встретил двух представителей четвертой власти на пороге Центра астрономических исследований при Медонской обсерватории.

– Происхождение человечества нельзя понять, если не понимать происхождение жизни. А происхождение жизни нельзя понять, если не понимать происхождение Вселенной.

Он повел их в большой сферический зал, посреди которого громоздился телескоп. Купол над телескопом не был раздвинут, на объектив инструмента был натянут темный чехол.

– Здесь больше не занимаются наблюдениями, – продолжил свои объяснения астроном. – Небо над Парижем слишком загрязнено, чтобы можно было разглядеть что-то достаточно далекое. Но это не беда, зато мы поддерживаем связь со всеми обсерваториями мира.

Он указал на шеренгу экранов с расплывчатыми белыми точками. На каждом стояла табличка с названием престижной обсерватории, посылающей изображение: «Мон Паломар», «Зеленчук», «Пик дю Миди». Имелась даже связь с космическим телескопом «Хаббл».

Пока двое журналистов вглядывались в помигивающую белую пыль на экранах, профессор Сандерсон продолжал объяснять:

– Все началось с Большого взрыва, выброса энергии, имевшего место пятнадцать миллиардов лет назад.

– Этот взрыв можно наблюдать? – спросила Лукреция Немрод, вооружившаяся блокнотом.

– Нет, можно только слушать его эхо во Вселенной.

Сандерсон зажег монитор компьютера, включил динамики – и они разразились хриплыми эфирными помехами, вроде тех, что раздаются из плохо настроенного радиоприемника. По монитору побежали кривые,

ломаясь и вздымаясь синхронно с громкостью звука.

– Перед вами один из парадоксов астрономии: возможность слушать эхо взрыва, прогремевшего пятнадцать миллиардов лет назад. Чем дальше в пространство мы заглядываем, тем больше откатываемся назад во времени. Свет звезд путешествует века, поэтому астрономы наблюдают явления, происходившие во все более давнем прошлом. Позволительно надеяться, что в конце концов люди обзаведутся телескопами, чья мощность обеспечит визуальное присутствие при историческом событии, превосходящем важностью все остальные, – рождении Вселенной, Большом взрыве. Пока что мы довольствуемся всего лишь его резонансом.

Сандерсон был склонен объяснять эволюцию на примере Эйфелевой башни. В основании энергия, выше – материя, планеты, а на вершине жизнь. Венчают всю конструкцию люди, самые совершенные среди животных, появившиеся позже всех остальных.

Он указал на таблицу на стене. Лукреция Немрод принялась переписывать в блокнот его представление об эволюции материального мира.

15 миллиардов лет назад: рождение Вселенной.

5 миллиардов лет назад: зарождение Солнечной системы.

4 миллиарда лет назад: появление Земли.

3 миллиарда лет назад: первые следы жизни на Земле.

500 миллионов лет назад: первые позвоночные.

200 миллионов лет назад: первые млекопитающие.

70 миллионов лет назад: первые приматы.

При рассмотрении в такой перспективе все исторические события, служившие вехами в истории человечества, превращались в ничтожно малые, помещались на самом острие самого кончика пирамиды – необозримого времени.

– Вы состоите в клубе «Откуда мы взялись?», профессор? – спросила Лукреция Немрод.

– Конечно, члены этого клуба немного смахивают на жокеев в начале забега, – ответил профессор с улыбкой. – Все дружно устремляются к общей цели, жаждут проникнуть в тайну начала начал, но каждый скачет по собственной траектории, каждый горит желанием убедить в своей правоте других.

– Какую же теорию отстаиваете вы сами? Как появление человека на Земле представляется вам? – спросил Исидор Каценберг.

Ученый настроил слуховой аппарат, попросил повторить вопрос и повел гостей к себе в лабораторию. Там на стенах, в витринах, на

стеллажах красовались бесчисленные камни всех мыслимых размеров.

– Вселенная так велика, – начал профессор Сандерсон, – в ней столько планет, что даже с математической точки зрения некоторые из них не могут не быть обитаемыми. Необязательно населенными человекоподобными существами, животными, даже растениями, но по крайней мере крохотными живыми существами: бактериями, микробами. Кое-что в этом роде уже обнаружено на Марсе. К тому же по Вселенной снуют во все стороны естественные космические корабли – метеориты.

Астроном предъявил гостям несколько образцов породы, извлеченные из-под стекла.

– Они совершают нескончаемые путешествия в пространстве. Иногда обрушиваются на планеты, бывает, что просто рикошетят от них и продолжают полет, как шары космического бильярда. Эти метеориты можно сравнить с миллионами сперматозоидов, способными оплодотворять гигантские яйцеклетки – планеты.

– Не эти ли метеориты мы прозвали «падающими звездами»? – спросила Лукреция Немрод.

Сандерсон утвердительно кивнул. Из его слов выходило, что часто метеориты сгорают в атмосфере, создавая впечатление движущихся звезд.

По его оценке, на Землю ежедневно падало в среднем три тысячи неземных объектов. Но некоторые метеориты сохраняли целостность и могли содержать воздух, а значит, микробы, бактерии и вирусы.

Из одного из стеклянных саркофагов был извлечен мрачный, словно обработанный автогеном, булыжник. Профессор положил его под микроскоп и поманил журналистов. Те залюбовались крохотными фигурками; одни напоминали кружки, другие – червячков.

Астроном ничуть не сомневался, что метеориты оплодотворяли Вселенную. Один занес на Землю жизнь, второй – вирус, истребивший динозавров, третий – новый вирус, приведший к мутации приматов, возникновению у них странной болезни, получившей потом название «человечество».

Сандерсон соглашался, что он не первым выдвинул теорию о том, что жизнь, положившую начало человечеству, принесли на Землю метеориты. Первым эту идею, окрещенную «панспермией», выдвинул в 1893 году швед Сванте Аррениус, потом ее развил английский лорд Келвин. Потом теорию надолго забыли. Но в 1969 году в Австралии был обнаружен метеорит Мерчисона. Вопреки всем ранее выдвигавшимся соображениям, он содержал семьдесят полносоставных аминокислот, причем восемь из них знакомы нам по белкам человека!

При вхождении в атмосферу эти белки погибли от высоких температур, могут возразить некоторые. Но недавно был открыт прион – белок, невосприимчивый к самым высоким температурам. Прион гораздо сильнее вирусов и способен гораздо быстрее, чем они, переносить заболевания.

– Адам появился благодаря приону? – ахнула Лукреция Немрод.

Профессор Сандерсон нисколько в этом не сомневался. Человечество возникло тем или иным образом вследствие внеземной болезни, поразившей обезьяну, начавшую мутировать и понемногу меняться.

– Кстати, все болезни побуждают нас к дальнейшей эволюции, – подчеркнул астроном и погладил один из своих метеоритов, как кота. Его теория проистекала из длительных раздумий, приведших к отказу от многих прежних убеждений. Любой грипп, краснуха, гепатит, настаивал он, приводят к небольшой мутации у больного.

– Болезни всегда питали эволюцию человеческой породы. Чума научила нас гигиене, холера заставила фильтровать воду, туберкулез привел к открытию антибиотиков. Кто предскажет, что хорошего принесут новые болезни, пока что вызывающие у людей только страх?

Исидор Каценберг, слушая астронома, расхаживал по помещению, все щупал, приподнимал то гладкий камешек, то камень необычной формы, исследовал предметы и приспособления, но при этом не пропускал ничего из сказанного.

– Любая болезнь несет урок. Рак – болезнь коммуникации: здоровые клетки не знают, как проинформировать больные о необходимости прекратить размножаться. СПИД – болезнь любви, клетки теряют способность различать, что идет им на пользу, а что во вред. Разве эта утрата ценностей и коммуникации не проливает свет на нынешнее состояние человечества? Чтобы преодолеть эти изъяны, ему нужна дальнейшая мутация. Потом придет черед других болезней, и они снова подтолкнут людей к прогрессу.

– Такие ваши речи наверняка вызывают в клубе «Откуда мы взялись?» ожесточенные споры, – предположил с другого края лаборатории Исидор Каценберг.

Ученый признал, что обстановка в клубе порой накаляется, особенно когда начинают спорить между собой верующие и безбожники, дарвинисты и ламаркисты.

– В астрономии ввиду отсутствия доказательств можно одновременно утверждать совершенно противоположные одна другой вещи, но в палеонтологии дело обстоит совершенно иначе. В этой дисциплине ученые

умеют выжать показания из любой кости.

– Как профессор Аджемьян? – спросил Исидор.

Астроном вздрогнул, но промолчал.

Журналист подошел к нему вплотную и ни с того ни с сего заявил:

– Вы его презирали.

Сандерсон в недоумении сделал шаг назад.

– С чего вы взяли?

– Мне служит подсказкой выражение вашего лица. При упоминании Аджемьяна вас перекосило. Человеческая физиономия сродни приборной доске с кучей индикаторов.

Сандерсон попытался овладеть собой, но рот у него все равно кривился.

– Аджемьян... Профессор Аджемьян был своеобразным человеком. Но я никогда не держал на него зла, даже после несчастного случая...

– Что за несчастный случай?

Сандерсон дотронулся до своего слухового аппарата.

– Моя глухота – следствие одной из неудачных шуток Аджемьяна. Однажды он подошел ко мне и шепотом сказал: «Хочешь услышать свой Большой взрыв?» Не успел я ответить, как он взорвал у меня под самым носом здоровенную петарду. Вот такой он был, Аджемьян, такой был у него юмор. С его точки зрения, если человек одержим Большим взрывом, значит, он обязан его пережить. Если у меня слабые барабанные перепонки – тем хуже для меня. После этого мой слух ослаб на все восемьдесят процентов. А ведь слух помогает нам ориентироваться в пространстве гораздо больше, чем зрение. Став тугоухим, я больше не сознаю объема пространства, где нахожусь.

– Это вы его убили? – спросил напрямик Исидор Каценберг.

– Нет.

– Тогда кто, по-вашему, мог это сделать?

Для астронома внезапный звон разбитого стекла прозвучал еле слышно. Лукреция Немрод успела повалить его на пол, спасая от влетевшего в окно огромного камня и прикрывая ладонями голову от осколков.

Опасливо выпрямившись и оглянувшись, все трое обнаружили за окном ту, кто угрожал их жизни, – обезьяну. Стоя на ветке, она изучала причиненный ею камнем ущерб. Потом, размахивая для равновесия руками, она, прыгая с ветки на ветку, удалилась.

– Обезьяна! – сказала зачем-то Лукреция.

– Она хотела прикончить меня этим камнем! – воскликнул Сандерсон,

трогая лоб, где благодаря вмешательству Лукреции осталась всего лишь царапина.

– Зачем обезьяне убивать человека? – удивился Исидор Каценберг.

Сандерсон быстро справился с шоком.

– Конрад... – выдохнул он.

– Какой еще Конрад?

– Конрад и Аджемьян – два светила французской палеонтологии, на дух друг друга не переносившие. С точки зрения Конрада, экстравагантные теории Аджемьяна дискредитировали всю профессию. Однажды у них дошло до потасовки. Не хотел вам этого рассказывать, но, как видно, дело приобретает такие масштабы, что пора положить этому конец. Профессор Конрад – не только палеонтолог, а еще и приматолог. Он заведует секцией обезьян в зоопарке в парижском Ботаническом саду, при Музее естественной истории. Он мастерски ими управляет.

Лукреция Немрод записала в блокноте имя и координаты подозреваемого.

Исидор Каценберг устался на ветки, послужившие опорой обезьяне. Его посетила мысль, что буква S на зеркале в ванной означает всего лишь «sing»^[2].

27. Змея

– ССС... ссс... – шипит змея.

ОН едва успел успокоиться после пожара и боя в пещере – и на тебе, змея, причем большущая! До чего ОН не любит змей!

Это нутряное отвращение, особенно он ненавидит таких вот питонов.

Змея тем временем обвивает ему ногу и тянется к шее с намерением задушить. Его трясет от ее липкого, холодного прикосновения. Змея уже сжимает ему горло двумя кольцами. ОН чувствует, как она его душит, и пытается схватить змеиную голову. Змеи, обвивающие и душащие жертву, обычно неядовитые. Тут что-то одно: либо яд, либо удушение.

ОН старается порвать змее пасть. Остальные наблюдают происходящее, не пытаясь вмешаться. У каждого свои проблемы. Змея сжимает ему трахею. ОН кашляет, избавляясь от лишнего воздуха, и разводит змее челюсти. Та в ответ давит все сильнее. У него останавливается дыхание.

ОН говорит себе, что сейчас умрет. Вся жизнь сконцентрирована теперь у него в мозгу: погони, случки, войны, единоборства, пиры. ОН не может запечатлеть на чем-то свои мысли, поэтому никто не узнает, что с ним произошло. Откуда-то издалека, из неведомых недр его собственного естества, приходит фраза:

Все эти мгновения исчезнут во времени,
Как слезы под дождем^[3].

Откуда взялась эта ниточка слов? Из будущего? Из прошлого? С облаков? Из иного, параллельного мира?

Как слезы под дождем...

ОН считает, что они прекрасны. Его вид способен на такие мысли! Он горд тем, что родился среди достойных зверей. Эта змея ни на что похожее не способна. Значит, честь жить должна принадлежать ЕМУ.

Прилив энергии позволяет ему порвать голову рептилии надвое. Теперь ОН держит по челюсти в каждой руке. Давление длинной, холодной, гладкой массы ослабевает, воздух снова проникает ему в горло, просачивается в легкие. ОН пожирает змеиную голову, а остальное швыряет детям. Осторожно, говорит ОН им, мелкие кости могут застрять у

вас в горле. Змеи бывают опасными даже мертвые.

ОН карабкается по ветвям на самую верхушку дерева. Оттуда все представляется по-другому. Здесь Он далеко от угроз, таящихся внизу, зато чудеса небес совсем рядом. Хорошо бы стать птицей и взмыть в облака! ОН даже не против, чтобы его утащил орел, чтобы хоть так почувствовать самому, что такое небо, хотя бы на недолгие мгновения!

Когда ОН в прыжке схватил за ноги самку, чуть было не унесенную орлом, другие могли подумать, что ОН сделал это, чтобы ее спасти. Нет, ОН хотел подняться вместе с ней в небо.

ОН озирает небесный свод. Там уже блещет звездочка. ОН не сводит с нее глаз. Рядом со звездой пролетает метеорит, озаряющий темнеющее небо. Вот и другой метеорит. ОН не в состоянии представить, что это такое.

Для него это – сотканные из света сверхбыстрые птицы.

28. Теория профессора Конрада

– Вы верите в эти метеоритные истории? – спросила Лукреция Немрод.

Исидор Каценберг не ответил – был занят оплатой билетов в кассе. Он забрал сдачу, и они прошли на территорию Сада растений.

Благодаря ржавым решеткам буйволы успешно соседствовали с медведями в просторных клетках, тигры не могли причинить вреда своим соседям жирафам. Двое журналистов поспешили в секцию приматов.

Безупречный, без единого пятнышка белый халат, ровные светлые усики, тщательно расчесанная седая грива – таким предстал перед ними профессор Конрад, бесстрашно кормивший в клетке семейку весельчаков-бабуинов и обращавшийся к ним как к расшалившейся детворе:

– Ну-ну, будьте умниками, не то папа рассердится, и вы останетесь без угощения!

Бабуины тотчас присмирели, теперь от них был слышен только тихий скулеж. Покладистость была поощрена сладостями, и хитрецы с ходу стали требовать еще, потешно приподнимая брови и по-нищенски, лодочкой складывая ладошки.

– Прекратите, меня не раздражает! Со мной эти штуки не проходят. Добавку получают только те, кто не будет кланяться.

Так палеонтолог вторично изобрел принцип пользы от воздержания.

Исидор Каценберг и Лукреция Немрод решили его окликнуть.

– Здравствуйте, профессор Конрад! Мы – журналисты из «Геттёр Модерн», хотим побеседовать с вами о происхождении человечества.

Шарль Конрад пообещал своим подопечным вернуться к ним позже. Три бабуина оскалили в ответ зубы, заворчали и шумно выдохнули, словно из необходимости остудить внутренний перегрев. Профессор затворил за собой дверь их клетки, энергично вымыл руки, твердо пожал руки гостям и предложил им поговорить на ходу.

– Обратите внимание, мадемуазель, месье, вокруг нас – небольшое подобие райского сада или, по крайней мере, Ноева ковчега.

Он остановился и погладил крохотного лемура, просунувшего голову между решетками и ткнувшегося мордочкой ему в ладонь. Пятипальными ручонками и любопытными глазенками эти зверюшки смахивали на миниатюрных старичков.

Профессор Конрад объяснил, что он не зоолог, но как палеонтолог

естественным образом начал интересоваться живыми существами, а не одними ископаемыми. Так он стал по совместительству приматологом.

Индонезийский орангутанг, вытянув длинную руку, схватил за рыжие пряди Лукрецию, притянул к решетке своей клетки ее голову и лизнул ей ухо. Конрад поспешил вмешаться: ущипнул обезьяну, заставив ее выпустить девушку.

– Веди себя прилично, Жан-Поль. Не бойтесь, мадемуазель, Жан-Поль совершенно не опасен, ему просто недостает общения с дамами.

Огорченный и обиженный орангутанг показал людям кулак и с криком стал дергать себя за половой орган, бесполезный в клетке, где он влачил одинокое существование.

– Наверное, таким способом бедняга просит посадить к нему самочку, – сочувственно сказал Исидор Каценберг.

– Жану-Полью уже была предоставлена такая возможность, но он так искушал свою партнершу, что мы были вынуждены его изолировать. Так он по крайней мере никому не причинит вреда.

Профессор Конрад предложил журналистам экскурсию по Большой палеонтологической галерее музея.

На первом этаже животные исполняли полный, до голого скелета, стриптиз. Исключение составлял человек, целомудренно сохранивший красный мышечный покров – благодаря содранной коже. Он торжествующе вздымал кулак, словно только что выиграл забег. Его детородный орган был замаскирован виноградным листом. От удовольствия он улыбался всеми красными лицевыми мышцами и всеми белыми сухожилиями.

Слева экспонировались скелетики человеческих зародышей, откопанные в монастырских подвалах, справа – высшие млекопитающие, позади которых, согласно логике, выстроились млекопитающие «низшие».

– Я продемонстрирую вам два главных мотора эволюции: случай и видовой отбор.

Профессор Конрад указал на скелет птицы с коротким клювом и скелет другой птицы – с длинным клювом. Начав с той, что справа, он заговорил:

– Полюбуйтесь на это пернатое, синицу. Она питается червяками, которых достает из древесной коры. В один прекрасный день этот вид так размножился, что червяки стали редкостью. Синицы стали исчезать. Но у некоторых из них случайно оказался более длинный и острый клюв, помогавший им доставать червяков из более глубоких дырок. – Он указал на птицу с удлинённым клювом. – Короткоклювые почти полностью исчезли, остались только длиноклювые.

– Почему они мутировали?
– Случайно. Природа как бы предпринимает одновременно миллионы экспериментов. Потом естественный отбор устраняет наименее приспособленных.

– Если перенести это на людей, – вмешалась Лукреция Немрод, – то в конце концов выживут только самые горбатые или, например, самые зубастые...

Конрад рассмеялся.

– Это зависит от следующего критерия отбора будущего человека. В конце концов, процесс растягивается на миллионы лет...

Они расхаживали среди трупов животных – лакированных, пронумерованных, обозначенных непроницаемыми латинскими словами.

– Я тут ни при чем. Эта идея даже не моя, она принадлежит Дарвину, нашему учителю. Такова единственная официальная эволюционная теория. Случай. Естественный отбор.

Он привлек внимание журналистов к генеалогическому древу видов – внушительной таблице с историей их предков.

– Семьдесят миллионов лет: появление первых приматов. Они питались насекомыми и сильно смахивали на землероек.

– Сорок миллионов лет: появление первых полуобезьян.

Они как раз подошли к скелету лемура, походившего размерами на сородича, которого недавно угощал приматолог. Ученый проявлял к лемурам особый интерес, считая их первыми набросками будущего человека.

– У этих животных уже имелись три главных признака человека: отделенный большой палец, плоские ногти, плоское лицо. При таком большом пальце удобно хватать предметы и пользоваться ими как орудиями. При плоских ногтях, а не когтях, можно сжимать пальцы в кулак и находить им прочие варианты применения. Так лемуры изобрели руку.

Лукреция машинально растопырила пальцы, сжала их, стала составлять из них разные комбинации.

– Плосколицые лемуры изобрели рельефное зрение. Раньше животные, имевшие глаза по разные стороны морды, не могли определять расстояние и воспринимать рельеф. У лемуров глаза смотрят в одну сторону, морда укорачивается, и они обретают объемное зрение.

Профессор предложил слушателям проделать эксперимент. Два кулака, приставленные к носу, мешают стереоскопическому зрению. Если же убрать этот искусственный нос, то открывается ближнее пространство, объемы, расстояния. Вот почему лемуры, прыгая в пустоту, успешно

хватаются за нужную ветку.

– Плоское лицо – это очень практично для зрения, но я думал, что длинная морда – удобный рычаг, чтобы кусать и удерживать добычу, – возразил Исидор Каценберг.

– С развитием рук это утрачивает актуальность.

Приматолог продолжил экскурсию, двигаясь между обезьяньими скелетами, подвешенными примерно так же, как в кабинете профессора Аджемьяна.

– Двадцать миллионнов лет назад лемуров потеснили обезьяны – их мутировавшие, гораздо более смышленные родичи. Лемуры выжили в одном-единственном месте – на Мадагаскаре, потому что этот остров сыграл роль плота, отплывшего от Африканского континента и спасшего последних представителей отсталого отряда. Сейчас на Мадагаскаре насчитывается двадцать шесть видов лемуров, а во всей Африке их всего шесть.

Конрад подвел экскурсантов к таблице видов.

– В период между 4,4 миллиона и 2,8 миллиона лет назад от обезьян отделились австралопитеки, от которых произошел человек. Без сомнения, человек ушел в сторону от гориллы и шимпанзе из-за климатических изменений. Там, где живут человекообразные обезьяны, в Восточной Африке, произошло землетрясение, приведшее к разлому, называемому Рифтом. Разлом привел к появлению трех особых климатических зон: густых лесов, гор, саванн. В густых джунглях выжили только предки шимпанзе, в горах – предки горилл, в саванне – австралопитеки, предки людей.

Профессор провел пальцем по Рифту на карте – по шраму, начинавшемуся на юге Африки и доходившему до Турции.

– Главная разница между австралопитеком и предками шимпанзе и горилл – исчезновение хвоста, переставшего быть необходимым при прыжках с ветки на ветку. Потрогайте свой копчик. Этот бесполезный отросток у нас сзади – единственное, что осталось у нас от жившей на деревьях обезьяны, какой был человек до появления Рифта.

Лукреция и Исидор с радостью щупали свои рудименты хвоста.

– Но отсутствие хвоста – не единственное отличие человека от обезьяны. Надо также учитывать выпрямление торса, увеличение объема черепной коробки, уплощение лица, улучшающее стереоскопическое зрение, и, конечно, опускание гортани. Раньше примат ограничивался простым бормотанием, но опускание гортани обеспечило звуковые нюансы. Исчезла шерсть, удлинилось детство – время для обучения

молодняка. Одновременно рождалось все более изощренное социальное поведение.

Ученый ласково погладил манекен с содранной кожей.

– И вот, прошу любить и жаловать: гомо сапиенс, то есть мы. Совершенное произведение природы. Памятник сложности.

– Вы знали профессора Аджемьяна? – спросила Лукреция Немрод.

От неожиданности Конрад застыл с разинутым ртом.

– Как же мне было его не знать! Аджемьян был одним из самых одаренных среди палеонтологов нашего поколения. Но под конец он двинулся рассудком. Заделался адептом экзотических теорий, рискуя дискредитировать всю нашу профессию.

Он повел их вверх по лестнице, к себе в кабинет.

– Не один Аджемьян поддался зову сирен иррациональности. Были еще более вопиющие случаи. Взять Чарльза Доусона, утверждавшего в 1912 году, что он обнаружил недостающее звено, и трясшего в доказательство этого черепом из Пилтдауна. Десятилетиями ему верили, пока в 1959 году не выяснилось, что это была подделка – обезьянья челюсть, прикрепленная к человеческому черепу.

С точки зрения Конрада, гибель Аджемьяна была логичной. В общем и целом, палеонтология подчиняется законам природы: выживают самые приспособленные. По его словам, Аджемьян сам поставил на себе крест.

– Этот человек всем вредил. Бросая тень на палеонтологию, он уменьшал шансы серьезных ученых на получение финансирования.

Профессор Конрад стал лихорадочно искать в своих ящиках фотокопии своих последних научных публикаций.

– Вы же готовите статью о происхождении человечества? Воспользуйтесь этими копиями, можете напрямую процитировать интересующие вас отрывки.

Еще он вручил журналистам свою улыбающуюся фотографию – ни дать ни взять Гамлет, судя по черепу в кадре.

Пока профессор искал бумаги, Лукреция разглядывала помещение. Ее взгляд быстро уперся в наточенные ледорубы, разложенные на отдельном столике. Палеонтолог-приматолог заметил ее интерес.

– Знаю-знаю. Он умер от удара ледорубом в живот. В дело пустили штурмовину вроде этих. Уж не задаетесь ли вы, часом, вопросом, не я ли убийца? – Он скорчил гримасу. – Нет, тысячу раз нет! Хотя бы потому, что не пожелал бы превращать его в мученика. Убитых всегда подозревают в том, что они поторопились со своей правотой...

– Кто же, по-вашему, его убил? – перебил Конрада Исидор

Каценберг. – У вас ведь есть своя догадка?

– «Ищите женщину!» Разве не это – лейтмотив любого полицейского расследования?

По словам Конрада, в жизни покойного не было недостатка в женщинах. Он назвал, в частности, некую Соланж Ван Лисбет, поклявшуюся отомстить Аджемьяну, когда тот ее бросил.

Лукреция Немрод вспомнила, что это имя фигурировало в списке членов клуба «Откуда мы взялись?». Однако ей не терпелось прояснить кое-что еще.

– Перед вами мы побывали у профессора Сандерсона. Там мы подверглись нападению обезьяны. Как вы считаете, способна обезьяна атаковать человека?

– В естественном состоянии – нет. Но дрессированная – вполне.

– Вы умеете дрессировать человекообразных обезьян?

– Очень жаль, но я их друг, а не наставник. Не то что доктор Ван Лисбет: та устроила в своей клинике школу для приматов. Там есть конголезские шимпанзе бонобо – самые умные человекообразные, стоящие ближе всего к людям. Они выкидывают поразительные штуки! Обязательно полюбуйтесь на них в ее клинике «Мимоза».

Он схватил Лукрецию, записывавшую в блокнот название клиники, за плечо. Та почти не отреагировала на эту фамильярность: она привыкла к тому, что мужчины пользовались любым предлогом, чтобы ее потрогать.

– Откуда мы взялись, мадемуазель? Мы все – откуда? А я? Это настолько важный вопрос, что тот, кто сможет дать на него оригинальный ответ, тут же приобретет колоссальную славу. Ничего удивительного, что в погоне за этим ответом некоторые перегибают палку.

После этих слов профессор Конрад посмотрел на часы, извинился перед собеседниками и поспешил назад к своим подопечным.

Лукреция Немрод и Исидор Каценберг решили сами продолжить осмотр Музея естественной истории.

Снаружи тем временем уже смеркалось. Но здесь, в старом здании с современной электронной вентиляцией, при свете десятков ламп дневного света, приближение ночи осталось незамеченным.

29. Прожорливая ночь

Стая не успела соорудить настоящую стоянку, и все знают, что через несколько минут темнота обернется кошмаром.

Чем больше меркнет свет, тем шире становятся их зрачки, тем выше поднимаются веки: надо успеть воспользоваться даже последним отблеском. Каждый старается как можно надежнее устроиться среди ветвей.

ОН лезет вверх, на самые тонкие ветки. ОН вспугивает сов. Вот и верхушка дерева. Бывают вечера, когда ему хочется одиночества. По неведомым ему причинам присутствие рядом других необязательно, чтобы прогнать страх.

Ночная тьма становится еще непрогляднее, еще холоднее. Стая тонет в густых потемках. Этого она боится сильнее всего. Если бы можно было разглядеть каждого в отдельности, возникла бы сторбленная, перепуганная, полная тревоги фигура. Чем глубже в ночь, тем оглушительнее делается ропот джунглей.

Зрение становится бесполезным, зато чрезвычайно обостряется слух. Уши у всех стоят торчком. Сначала они слышат гул, треск, стрекот: это насекомые-самцы призывают своих самок. Разномастные кузнечики, ночная мошкара... Эти не представляют опасности.

Но сквозь поднятый насекомыми шум пробивается хриплое дыхание. Все члены стаи знают: опаснее всего те, кто дышит громче всех. Самый лютый страх вызывают леопарды, чудовищные кошки, внезапно запрыгивающие на ветки и утаскивающие братьев и сестер.

Стая не умеет видеть в темноте, поэтому ощущает себя беспомощной перед этой угрозой. Потому-то ОН и залезает чаще всего как можно выше. Там ему не грозит нападение леопарда.

Все ждут – чего?

Кричит сова. Всех бьет дрожь. Совы – глашатаи торжества ночного народа над дневным. На ЕГО заросшую макушку падает вдруг летучая мышь, маленький кровосос. Недостаток верхних ветвей дерева – такие вот встречи с летучими мышами. Мелкое чешуекрылое запутывается в его шерсти. ОН хватается его, ломает плечевые кости, складывая крылышки, потом длинные пальцы. Получается комок, который ОН отправляет себе в рот. Это тягучая, как смола, еда, зато неплохая на вкус. Ему становится не так страшно. Летучая мышь безнадежно трепыхается между его языком и

небом, потом стихает, и влажный язык проталкивает ее дальше в глотку.

На вопрос: «Что лучше – жить, чтобы есть, или есть, чтобы жить?» – летучая мышь ответила бы, наверное, что предпочитает выжить, а не быть съеденной, но отвечать уже поздно.

Стая пытается уснуть, но при этом не теряет бдительность. Все знают, что накопленная за день усталость требует отдыха, но не упускают из виду того, что, унесшись в страну грез, станут уязвимы.

Звук глубокого дыхания все ближе. Это, без сомнения, леопард. Все замирают. Опасность приближается. Инстинкт подсказывает каждому размер леопарда. Нервное дыхание огромной кошки несет две дурные вести: что леопард голоден и что он обнаружил стаю. Некоторые паникуют и лезут на верхние ветки дерева.

ОН побуждает их слезать оттуда, так как ветки слишком тонки, чтобы выдержать вес сразу нескольких; если они сломаются, то вниз упадут сразу все. Но другие насмерть перепуганы. Страх – главная причина всех несчастий. Вокруг НЕГО собралось уже много соплеменников, все жмутся к нему, цепляясь за его ветку, лезут ему на голову, на плечи, под локти.

Происходит неизбежное: ветка ломается, и все падают с дерева, буквально леопарду под нос. Тот немедленно пользуется этой удачей. Ему остается только вспороть лапой живот тому, кто ближе всех, а потом выпиться ему в глотку, чтобы спокойно, с расстановкой сожрать.

ОН, не дожидаясь худшего, опять прыгает на дерево. «Уф, на этот раз пронесло», – проносится у него в голове. Неудобство жизни в группе состоит в том, что приходится мириться с глупостью соплеменников.

Трагедия разразилась, она позади, и все облегченно переводят дух. Теперь возможен почти спокойный сон. Ночь забрала то, что ей причиталось.

30. В клетке

Они купили билеты в Большую галерею эволюции, оказавшуюся еще внушительнее, чем палеонтологическая экспозиция. Здесь были выставлены мохнатые чучела диких зверей, кожу которых сначала содрали, а потом аккуратно сшили.

На морды зверей были направлены маленькие прожекторы, отчего возникало впечатление, что вся эта фауна была внезапно обездвижена в разгар обычной жизнедеятельности. На первом этаже посетителей встречала длинная неподвижная процессия, вдоль которой следовало пройти в наиболее освещенную часть зала.

– Что скажете, Исидор?

– У него рыльце в пуху.

– Думаете, профессор Конрад убил профессора Аджемьяна?

– Хуже! Он узаконил умерщвление всего этого невинного зверья, помышлявшего только о том, чтобы мирно резвиться у себя в лесу или в саванне. Я уж не говорю о пожизненном заключении, на которое обречены не совершившие ничего дурного обитатели зоопарка.

Но Лукреции Немрод хотелось размышлять, а не философствовать.

– Я серьезно, Исидор.

Толстяк-журналист описывал круги вокруг белого медведя с Лабрадора.

– Я тоже серьезно. Лукреция. Если коротко, я не питаю ни малейшего доверия к людям с растительностью на физиономии. Усы или борода непременно что-то скрывают, хотя бы подбородок.

Лукреция сочла это упрощением.

Напротив одного из чучел устроился таксидермист. Чучело, которым он занимался, было сделано из орангутанга, очень похожего на того, что погладил по голове Лукрецию. Специалист заменил ему глаза стеклянными шариками. Потом подшил руку шимпанзе, на которой разошелся шов, показав неприглядную набивку.

Девушка смотрела на возглавлявшего эволюционную процессию слона. Казалось, он ведет всю компанию на Ноев ковчег. Припавший на задние лапы лев с лакированной гривой выглядел угрожающе. Волк и лисица тоже глядели недобро. Скорее всего, всех этих хищников убили во сне, а потом профессионалы постарались придать им грозный вид.

Лукрецию посетила занятная мысль. Люди вовсе не озабочены

спасением всего этого зверинца, он ведет их в никуда. С точки зрения людей, у диких животных нет будущего, потому что они не приносят пользы, разве что фигурируют в музеях и демонстрируют детям прошлое. Когда-нибудь животных не станет вовсе.

Казалось, Исидор Каценберг разделяет ее тревогу. Они находились не просто в музейном зале: здесь пахло кладбищем, прославлением сокрушительного главенства человека над остальной природой. Побежденные имели жалкий вид.

– Даже набитые соломой, они сохраняют чуточку души. Чучела – и те способны нам помочь, – заметил спутник Лукреции.

Он смотрел в искусственные глаза зебре, буйволу, газели.

– Вы видели первого человека? – спрашивал он их.

Чучела безмолвствовали.

– Нет, вы расскажите! – не отставал он. – Каким он был? Большой обезьяной-мутантом? Высокоодаренной по воле случая человекообразной обезьяной?

Издали донесся крик. Оба вздрогнули. Голос, без сомнения, принадлежал профессору Конраду. Журналисты бросились на крик.

Тревожный звук донесся из секции приматов.

Там уже собралась небольшая толпа. Репортерам пришлось поработать локтями, суя под нос зевакам свои журналистские удостоверения. Перед одной из клеток лежал на полу бесчувственный профессор Конрад. Бабуины гладили его по голове, пытаясь разбудить. Один воспользовался случаем, чтобы залезть ему в карман и стянуть соленый крекер.

– Кто-нибудь видел, что здесь произошло? – крикнула Лукреция в толпу.

– Я видела, – отозвалась пожилая женщина.

По ее словам, пострадавший в белом халате кормил обезьян. Никто, в том числе он сам, не обращал внимания на примата, превосходившего размером остальных, игравшего в сторонке с соломой.

– Потом этот зверь выпрямился, и я увидела, что он держит какой-то предмет, – рассказала дама, дрожа от этих воспоминаний. – И вовсе не игрушку, а револьвер! Он держал его неуклюже, тем не менее направлял господину в белом халате прямо в висок. Тот так удивился, что застыл с разинутым ртом. Обезьяна крутанула барабан, словно решила поиграть в «русскую рулетку», и один раз нажала на курок. Господин в халате закричал и опрокинулся на спину без чувств.

Показания пожилой женщины подтвердили сразу несколько человек, в том числе ее 12-летний внук. Они засмотрелись на прожорливых бабуинов,

когда дела вдруг обернулись совсем худо.

– Обезьяна, говорите? Вы уверены, что это не был человек в маске, прикинувшийся обезьяной? – спросила Лукреция Немрод, занесшая карандаш над страницей блокнота.

Нет! Все дружно стояли на своем: все тело животного было в шерсти, к тому же при бегстве оно прыгало с ветки на ветку при помощи одних рук.

Своевременно прибыли полицейские и «скорая помощь», вызванные по мобильному телефону. Санитары проворно унесли так и не пришедшего в сознание профессора на носилках, после чего полицейские принялись сами опрашивать свидетелей несчастия.

Под грустное похрюкивание бабуинов журналисты удалились.

– Признайтесь, Исидор, вы верите, что это опять была обезьяна?

– Разве что необыкновенно умная обезьяна, – ответил «Шерлок Холмс от науки», почесывая свою лысую макушку. – Обезьяна, способная самостоятельно пронести в клетку оружие, терпеливо дожидаться в уголке удобного момента для «русской рулетки», а потом сбежать и выжить посреди современного города...

– Какая умная обезьяна! Или отлично выдрессированная, – заключила Лукреция.

Исидор Каценберг сказал на это, что жизнь порой смахивает на роман, однако трюк с обезьяной-убийцей уже использовался в рассказе Эдгара Алана По «Двойное убийство на улице Морг». Лукреция ответила, что писатель почерпнул этот сюжет из уголовной хроники. Эта историческая подробность оказалась для Исидора в новинку.

– Сарказм преступника – вот что меня тревожит! Астроном, убежденный в обоснованности своей метеоритной теории, чуть не получает по голове... летающим камнем! Биологу, уверенному, что человек – дитя случайности, грозит смерть в результате азартной игры!

Журналист-стажер откинула милым движением длинную рыжую прядь, чтобы вчитаться в свои записи.

– Можно подумать, будто то самое недостающее звено объявилось в нашей реальности, чтобы высмеять все относящиеся к нему теории!

Исидор Каценберг не остался равнодушен к изяществу девушки. Теперь он не сводил с нее глаз и видел, до чего она хороша. Он уже иначе воспринимал запах ее духов, ее сбивающую с ног женственность. «Волшебная девушка!» – вдруг подумалось ему, а следом возник вопрос, откуда берется это волшебство. Ответ напрашивался сам собой: жизнь! Лукреция Немрод была неповторимым воплощением бьющей через край жизни. То, с каким энтузиазмом она жила, сообщало ей особое сияние.

Исидору уже казалось, что он падает в бездонную пропасть. Он уже начал влюбляться в эту девушку – что за ужасная мысль! Чтобы он, толстый слон, поддался на чары хрупкой мышки? Он не осмеливался представить, как раздавил бы ее своим чудовищным весом...

– Мечтаете, Исидор? – осведомилась она.

Он не ответил и, желая справиться с досадным наваждением, робко потупил взор.

31. Влажное пробуждение

Перед ним внезапно возникает горячий, чуть не дымящийся половой орган самки. Таковую побудку нельзя не назвать бодрящей. Соплеменница сует свое сокровище ему под самый нос. Оно похоже на смеющийся вертикальный рот.

ОН чувствует сильный дух взыгравших гормонов.

Попытка разглядеть обладательницу полового органа. Она оказывается молодой самкой, пока еще не принадлежащей кому-то из самцов. У нее раздувшаяся, гладкая розовая промежность – свидетельство течки. Половой орган смахивает на два набрякших сиреневых баклажана, приклеенных в ее заднице. Ей, должно быть, больно сидеть, говорит себе ОН.

Понятное дело, ей требуется случка, но ему не до того. Прямо так, с утра пораньше – нет уж... Первым делом хорошенько подышать, поесть листочков... Она настойчиво трет свое хозяйство. Приходится ее уважить – рассеянно, предоставив своему половому органу работать за него. ОН еще только приступает к делу, а она уже хватается за соседние ветки, нервно их трясет, хрипло дышит.

Она увлеченно двигается, шумное дыхание перерастает в крик, в протяжное мычание, от которого хочется заткнуть уши – но не прекратить само занятие. Неужели при простой попытке утреннего оплодотворения обязательно всполошить весь лес? Но молодая самка как будто знает, что делает. Видимо, избежав гибели в пещере от лап чудища, она испытала редкий приступ жизненной энергии.

Ах, этот женский пол...

Помещаясь позади нее, он наблюдает, как ее зад меняет цвет. Настоящая радуга: то сиреневая, то ярко-оранжевая! Теперь его партнерша так сильно трясет ветки, что с них сыплются, как мелкие орешки, маленькие белки. На счастье, эти зверьки летучие: в полете они расправляют мембрану между всеми четырьмя конечностями.

Естественно, вся эта возня не могла не возыметь последствий. Появляется молодой самец, трогает его за плечо, провоцирует на единоборство. ОН просит задиру немного потерпеть: сначала надо завершить начатое, а потом ОН примется за него. Но тот насильственно прерывает случку на самом интересном месте, так ему не удается разделаться с соперником.

Два самца готовятся к драке. С мыслью усмирить противника ОН бьет

себя кулаками в грудь, поднимает дыбом шерсть, скалит зубы. Может, этого будет достаточно? Нет. Вопреки традиции, требующей сперва взаимного устрашения, он пытается ЕГО укусить.

Тогда ОН хватает свой еще не опавший член и размахивает им, как мечом. Но этот прием не впечатляет противника, наоборот, тот берется за собственный налившийся кровью (после недолгой стимуляции) член и принимает дуэль. Та еще картина: два самца среди ветвей, дерущиеся членами, которые используют то как дубинки, то как кнуты!

Молодая самка, виновница всей этой суматохи, поощряет претендентов визгом. Непонятно, который ей милее. Судя по ее крикам, ей хочется как можно более свирепой схватки. На зрелище сбегается вся стая.

Ударом члена, нанесенным плашмя, ОН едва не отправляет соперника в нокаут. На свое счастье, ОН не жалуется на оснащение. Член соперника – он покороче и не такой задорный – уже готов опасть, а тут еще крики молодой самки, поднимающей его хозяина на смех.

В принципе, ОН уже победил. Но сопернику хочется показать самке свои способности. В нарушение всех правил стаи он кидается в атаку и пытается задушить ЕГО руками. Безумство молодости!

У НЕГО не остается выбора. Чтобы не тратить время и энергию зря, ОН ребром ладони наносит удар по трахее противника. Тот валится как подкошенный. А все преимущества возраста и опыта! С годами узнаешь, как усмирять не в меру разошедшихся.

Молодая самка с раздутой промежностью раздражается злобными воплями: ей дуэль показалась слишком скоротечной. Обманута ее жажда зрелища, не менее острая, чем желание быть оплодотворенной. Мало ей спермы, ей подавай кровопролитие!

ОН смотрит на неподвижное тело недавнего врага и испытывает отвращение к самому себе. ОН знает, что у него не было выбора, но ему не нравится, когда его принуждают прибегать к насилию, как будто не существует иных способов убеждения.

Самка снова сует ему под нос свое достояние и тихонько кудахчет. Она готова простить ему короткий бой, если он продолжит начатое до того. ОН разглядывает ее, находит миленькой, чувствует пряный гормональный дух и снова пристраивается сзади.

Для пущего поощрения она усиленно виляет задом.

32. Теория доктора Ван Лисбет

Доктор Ван Лисбет оказалась высокой брюнеткой в тонких роговых очках и в хирургической маске. Она продела операционную нить в игольное ушко и погрузила обе руки в трепещущую плоть.

Доктор Соланж Ван Лисбет оперировала в клинике «Мимоза» в парижском предместье Каламар. Когда Исидор Каценберг и Лукреция Немрод увидели ее через стеклянную дверь, хирург, окруженная стайкой ассистентов в лавандовых халатах, копалась в брюхе у толстого усыпленного бородача, обмотанного трубками; одни были вставлены ему в ноздри, другие в вены на руках. Время от времени она протягивала руку и без слов получала тот или иной необходимый никелированный инструмент. Операция близилась к завершению. Хирург зашила на животе кожу – можно было подумать, что человеческое тело закрыли крышкой.

Двое журналистов поймали ее уже без перчаток и маски, за тщательным мытьем рук в раковине. Они представились сотрудниками «Геттёр Модерн», и она согласилась ответить на их вопросы.

Ее лицо без следа косметики было серьезным, прямой взгляд говорил о сильном характере. Она попросила гостей подождать, пока она переоденется, быстро вернулась и предложила вместе посидеть в больничном кафетерии.

По коридорам разгуливали пациенты в стеганых халатах. Нефтяных шейхов, рок-идолов и кинозвезд, не снимавших черных очков, сопровождали телохранители, призванные заслонить их на случай просачивания сюда неумных поклонников или политических противников. Для успокоения этого маленького мирка в нем заводи́ли аэропортовскую музыку. Клиника «Мимоза» считалась символом роскоши и покоя среди тех, кого не отпугивали головокружительные тарифы на ее услуги.

На пересечении коридоров висели указатели: «Операционная», «Комната отдыха», «Лаборатории», «CIRC». На последнем имелось уточнение: «Только для сотрудников».

Исидор Каценберг поинтересовался, что значит «CIRC».

– «Центр имплантов и клеточных исследований», – расшифровала докторша. – Там наши ученые разрабатывают современнейшие трансплантаты, которыми «Мимоза» прогремела на весь мир. Именно благодаря этой лаборатории мы называем себя лучшей в мире клиникой по части послеоперационной приживаемости чужеродных тканей.

– Представляю, как все это дорого! – протянула Лукреция, изучая портреты лучших эскулапов на стенах.

– Не спорю, наши услуги недешевы, но деньги необходимы, чтобы сохранять преимущество перед конкурентами в чистой науке, – сказала Соланж. – В государственных больницах приживаемость при пересадке составляет всего шестьдесят процентов, а у нас в «Мимозе» – целых семьдесят пять. Это обеспечивает нам поток пациентов со всего мира и позволяет поддерживать уровень цен.

В помпезном кафетерии они приняли участие в церемонии «кофе в пластмассовом стаканчике». Напиток был лишен аромата, но хирург отдала должное его высокой температуре и горькому вкусу – то и другое было полезно для напряженных после операции нервов.

Она закурила и что было силы затянулась, наполняя легкие успокоительным никотином. Целебное воздействие растительного препарата на теплокровных!

– Собственно, мы пришли к вам с единственным вопросом, – начала Лукреция Немрод. – Откуда мы взяли?

Хирург колебалась, отшутиться или ответить серьезно. Размышляя, она выпила до дна свой кофе.

– У меня специфическое образование, – заговорила она. – Я училась на хирурга, но изучала также клеточную биологию, чтобы специализироваться в пересадках. Интересуясь развитием клеток, их организацией и взаимной переносимостью, я поняла, почему одни принимают друг друга, а другие отторгают. Идемте, я покажу вам кое-что любопытное.

Она пригласила журналистов в лабораторию, по соседству с которой располагались клетки и аквариумы. Там она показала им сосуд, в котором они разглядели множество подвижных бежевых точек.

– Спрашиваете, от кого мы произошли? От них.

Она взяла пипетку и набрала в нее немного воды, полной жизни.

– От этих бактерий, от одноклеточных. Они царствовали на Земле миллионы лет, пока не произошла трансформация. Бывшие инфузории превратились в рыб.

Она перешла к аквариуму с маленькими гуппи, взяла сачок, выловила по соседству скалярия и запустила к гуппи. Более крупный, зубастый и агрессивный скалярий тут же принялся кусать гуппи.

По словам Соланж, вернувшись через две недели, журналисты убедились бы, что у самцов гуппи исчезли их разноцветные хвосты.

– Это чтобы не привлекать внимание хищного скалярия. Они преобразуют свой организм, приспособляясь к новому фактору,

нарушившему привычную среду. Пока среди них будет рыскать хищник, ни один самец не отрастит большой разноцветный хвост. Так действует эволюция, здесь ее можно наблюдать напрямую, как в убыстренном кино. Если забрать из аквариума с гуппи скалярия, они снова станут яркими – это их способ приманивать самок.

Она стала объяснять, как изменения во внешней среде принуждают клетки к трансформациям.

– То же самое и с человеком. Он приспособился.

– К какой помехе?

– К Рифту. Возникновение этого разлома заставило первых протолюдей прижиться в безлесной саванне. Там некуда было влезать, спасаясь от хищников. Пришлось выпрямиться, чтобы видеть опасность издали, поверх высокой травы. А выпрямившись из страха нападения, они перешли от регулярного обитания на деревьях с редким вставанием на две ноги к регулярной двуногости с редким залезанием на деревья.

Страх хищников... Лукреция вспомнила изображение эволюции в кабинете Аджемьяна. Там рыбка задавала вопрос матери. Кем были вышедшие из воды? Кто эволюционировал? Встревоженные. Напуганные. Недовольные. Те, кто хотел, чтобы мир изменился. К ним можно было бы добавить еще параноиков. Тех, кто всюду видел опасности или предвидел надвигающиеся проблемы.

Соланж Ван Лисбет наклонилась, изображая сгорбленную обезьяну.

– Вставание на задние конечности высвободило передние, – объяснила она. – Руками, ставшими вдруг свободными, можно было держать палку, а можно и оружие.

Прямохождение открыло дверь для других изменений, в том числе в костяке. У прямоходящего таз превращается в корзину, удерживающую кишки. Раньше соединение позвоночника с черепом было продольным, а благодаря выпрямлению он отодвинулся вниз, что позволило черепу увеличиться в объеме, потому что он больше не был заперт костным мозгом.

– За два миллиона лет его объем вырастет от 450 до 1000 кубических сантиметров, а к нашему времени уже до 1450 кубиков. – Для наглядности она показывала черепа разных объемов.

– Почему у нас почти не осталось шерсти? – задал вопрос Исидор Каценберг.

– Опять-таки приспособляемость. Шерсть была нужна для того, чтобы малыши цеплялись за материнские животы. Когда матери смогли брать детей на руки, шерсть стала не нужна. Осталась только шерсть на голове –

защита от солнца.

– А брови?

– Так, мелочь. Защита на случай дождя.

Теория, озвучиваемая доктором Ван Лисбет, называлась «трансформизм», ее выдвинул в 1815 году Жан-Батист Ламарк, которого она восхваляла как единственного, истинного основателя современной палеонтологии человека.

– В чем разница между ламаркизмом и дарвинизмом? – спросила Лукреция Немрод, открыв в своем блокноте дарвинскую лекцию Конрада.

– Для дарвинистов люди – это животные, у которых случайно возникли гены, позволившие им выпрямиться. Для ламаркистов любое животное при необходимости способно трансформировать свои гены, – объяснила доктор Ван Лисбет и с улыбкой заключила: – Идеи Ламарка любому позволяют лелеять надежду на улучшение. Не то у Дарвина: неудачно родился – оставь все надежды.

В соседнем помещении плавали в емкостях с формалином всевозможные зародыши. Среди них были как человеческие эмбрионы, так и эмбрионы ящериц, обезьян, многих других млекопитающих.

– За девятимесячное развитие зародыш человека воспроизводит историю своего вида.

В одну из склянок была помещена розовая чешуйка – шестидневный человеческий эмбрион, очень похожий на соседних простейших. Другой эмбрион, уже 12-дневный, успел удлиниться и обзавестись большими глазами.

– Вылитый рыбий малек, не находите? Вначале мы были рыбами, – продолжила Соланж. – В возрасте тридцати одного дня человеческий зародыш похож на ящерицу, в шесть недель – на плод землеройки, в восемнадцать ничем не отличается от обезьяньего.

Лукреция строчила как оголтелая. Она была впечатлена услышанным.

– Можно и так сказать: каждый человек еще до рождения перебирает все эпизоды истории своего вида, – пробормотал Исидор Каценберг, тоже не скрывавший, как сильно поражен.

– Загадка формы цифр, – так же шепотом отозвалась Лукреция. – 1, 2, 3, 4, 5... Еще не родившись, мы учим стадии эволюции жизни.

– Что вы сказали? – наострила уши хирург.

Лукреция обернулась и указала на живых обезьян в больших клетках у себя за спиной.

– А эти обезьяны вам зачем?

– Для пересадок. Гены человека на девяносто девять процентов

идентичны генам шимпанзе, поэтому у них можно брать некоторые органы для замены отказавших человеческих. Чем лучше будут удаваться замены органов человека органами животных, тем реже придется прибегать к банкам органов, с которыми связано столько злоупотреблений.

– Что за злоупотребления? – насторожилась Лукреция Немрод.

– В странах «третьего мира» бедняки распродают по одному свои парные органы, чтобы не умереть с голоду. Почки, легкие, роговицу глаз... Преступники нападают на бродяг и вырезают у них органы, чтобы потом продавать их сомнительным клиникам. Возникла целая коммерция, так велик спрос и мало предложение. Здоровая альтернатива недостатку доноров-добровольцев – пересадка органов животных, почти не отличающихся от человеческих, в частности органов шимпанзе.

Впрочем, оговорила она, не все шимпанзе в этом отношении одинаковы.

– Общность генов с человеческими на девяносто девять целых три десятых процента отмечается только у шимпанзе бонобо из Конго. Это наилучший залог успеха. Поэтому наши усилия сосредоточены на них.

Соланж достала из клетки молодого бонобо. У нее на руках обезьянка была точь-в-точь трогательная малышка, истосковавшаяся по материнской ласке. Потом она потянулась к стоявшей рядом Лукреции и стала играть с ее рыжими волосами, явно вознамерившись сделать из них парик для себя.

– Бонобо невероятно умны. Они живут племенами, конфликты устраниают в играх и любовных актах. Это признак недюжинного ума.

Соланж Ван Лисбет протянула обезьянке мячик, но в последний момент спрятала его за спиной. Обезьянка стала, вскрикивая, определять, в какой руке мячик, и испытала радость, когда ей это удалось.

– Увы, бонобо грозит вымирание. Они остались только в Конго, где служат любимым блюдом туземцев. Поэтому мы пытаемся добиться их размножения в неволе. Беда в том, что бонобо признает только жизнь в дикой природе. Размножаться в неволе он согласен только в случае, если всем доволен. А довольство наступает только при непрерывном поощрении.

Доктор Ван Лисбет пригласила журналистов в соседнее помещение. Это был зал для игр. Там стояли клетки с кодовыми замками. Чтобы выбраться из них, обезьянам приходилось составлять связные фразы.

– Что такое «связная фраза»?

– Такая, где есть подлежащее, сказуемое и дополнение. Вместо слов используются идеограммы.

И действительно, на кнопках были изображены обезьяньи головы,

бананы, разные предметы.

В других клетках обезьяны с целью получения лакомств испражнялись на кодовые замки.

– При стимуляции их ума бонобо довольны жизнью и соглашаются спариваться. Если же просто держать их взаперти, как в зоопарке, то они умирают от тоски. В этих клетках мы пытаемся создать у них иллюзию, что они продолжают эволюционировать.

Большинство бонобо вокруг действительно выглядели чрезвычайно оживленными. Некоторые при появлении людей прекратили игры с замками и стали наблюдать за пришедшими со смущающей тех пристальностью.

– Вы принадлежите к клубу «Откуда мы взялись?»? Наверняка вы были знакомы с профессором Аджемьяном, – не вытерпел Исидор Каценберг.

– Да, мы были знакомы, – подтвердила Соланж Ван Лисбет.

– Причем близко, – поднажал толстый журналист. – Настолько, что прожили несколько месяцев вместе после его развода.

– Верно. Но как вы пронюхали?

Исидор ухмыльнулся.

– Я ничего не знал, брякнул так, наугад.

Хирург небрежно махнула рукой.

– Давняя история, поросшая быльем. Мы разбежались много лет назад. Это не мешало нам оставаться хорошими друзьями. Его убийство стало для меня потрясением.

Замолчав, она уставилась на журналистов, как будто прикидывала, можно ли им доверять.

– Потрясение усугубилось тем, – продолжила она, решившись, – что мне тоже приходили письма с угрозами, а совсем недавно произошли кое-какие тревожные события...

– Расскажите! – взмолился Исидор Каценберг сладким голосом.

Все случилось накануне вечером. Соланж Ван Лисбет заселяла одного из шимпанзе бонобо в клетку для привыкания к неволе и к новому замку, как вдруг там появилась крупная человекообразная обезьяна, совсем ей незнакомая, захлопнула дверь, предварительно взломав коды, и исчезла. Соланж была твердо уверена, что обезьяна была не из клиники «Мимоза», где она была знакома со всеми приматами. Сколько она ни билась с замком, пробуя для отпирания обычные логические формулировки, все было тщетно.

– Скорее всего, это была не обезьяна, а переодетый человек, –

предположила Лукреция Немрод.

Докторша была склонна с ней согласиться. У нее не было времени, чтобы присмотреться к незнакомому примату, но кодовую фразу для поломки замка мог придумать только высокоразвитый ум.

– Что это была за фраза?

– «Обезьяна любит человека». Причем угадала ее не я, а шимпанзе бонобо, с которым мне пришлось делить клетку.

Подозрение Соланж падало на организации борьбы с жестоким обращением с животными. У нее были основания видеть за дурной шуткой ее членов: ящик ее письменного стола был полон посланий вроде «Оставьте в покое зверей», «Смотри, испытаешь на собственной шкуре то, что испытывают они», «Людей постигнет та судьба, на которую они обрекают зверей».

– Эти люди никак не возьмут в толк, что опыты над животными необходимы, чтобы избежать опытов над людьми, – сказала она.

– Как напавший сбежал? – спросил Исидор.

– Он – человек или животное – вылез в открытое окно и удалился, перепрыгивая с ветки на ветку при помощи одних рук.

– Вы совершенно уверены, что это был не кто-то из ваших бонобо? – спросила Лукреция.

– Без малейшего сомнения. Здесь все в наличии, к тому же то животное было крупнее шимпанзе.

Исидор Каценберг выглянул в окно, за ним раскинулся парк. Дерево у стены, которой был обнесен парк, было очень высоким, расстояние между его нижними ветвями и незатоптанными клумбами внизу было не меньше двух метров.

– Если это человек, то владеющий приемами акробатики, – сказал он.

– Акробат? Это не пришло мне в голову... – Соланж нахмурилась. – Тогда почему не акробатка? Бывшая жена Аджемьяна – тоже, между прочим, член клуба «Откуда мы взялись?» – раньше была циркачкой.

– Как ее зовут? – спросила Лукреция, занеся над бумагой карандаш.

– Софи Элюан. Она – богатая наследница. Вы наверняка читали или слышали рекламу: «Аромат колбас «Элюан» почует даже тот, кто мертвецки пьян!» На рекламных плакатах красовался Аджемьян в компании своих ископаемых, он же читал рекламу по радио. Они заключили договор: жена спонсирует исследования и палеонтологические раскопки мужа, а он в обмен предоставляет свой образ уважаемого ученого.

– С некоторых пор эта реклама пропала, – напомнила Лукреция Немрод.

– А как же! Ссора, развод, разрыв договора. Аджемьян мало-помалу заделался воинствующим вегетарианцем. Представляете, как отнеслась к этому его жена? Производительница мясных изделий замужем за апостолом вегетарианства!

Рыжая журналистка полистала свой блокнот.

– Что-то я не нахожу имени Софи Элюан среди членов клуба «Откуда мы взялись?».

– Потому что она появлялась на заседаниях только в качестве приглашенной. К науке она не имеет ни малейшего отношения. Уверена, как бывшая акробатка она способна скакать с ветки на ветку без помощи ног!

33. С ветки на ветку

ОН скачет с ветки на ветку. Его любимая прогулка после спаривания! Но в данном случае это не просто развлечение, а участие в охотничьей экспедиции.

Другие доминантные самцы тоже быстро продвигаются вперед, цепляясь руками, как крючьями, за ветки и балансируя ногами. Так, на одних руках, они перемещаются куда быстрее, чем внизу, бегом.

Они зрительно определяют цель очередного прыжка, находят руками опору, и их центр тяжести несется вперед. На такой скорости пальцы едва касаются ветвей, это больше похоже на ласку. Со стороны может показаться, что они парят в древесных кронах. Но страх упасть и сломать позвоночник все же присутствует. Стоит всего одной веточке из многих оказаться трухлявой, подточенной червями, – и падения не избежать. ОН тоже однажды вот так рухнул вниз, хорошо, успел вовремя ухватиться за лиану.

Доминантные самцы скользят в ветвях. Это патруль в поисках дичи. На лету они успевают высматривать внизу четвероногий протеин, но мало что находят. Куда подевались все шакалы, гиены, зайцы, газели? Верно, давешняя гроза с пожарами распугала всю окрестную дичь. Чем же кормить самок и молодняк? У него начинает урчать в животе, требующем пищи.

О, пища, где ты прячешься?

Внимание, заячий писк! Но стаю опережает орел, хватающий добычу и уносящий к себе в гнездо. Жестокая конкуренция! Удрученные доминантные самцы останавливают свой полет и, раскачиваясь на ветвях, переглядываются.

«Еда!» – думают они.

Они все отдали бы ради еды! Ради ни с чем не сравнимого чувства набитого рта и блаженства жевания.

Организм уже наказывает его, заставляя чувствовать боль. ОН знает, что если скоро не отыщет пропитание, то его мышцы будут отравлены токсинами. Легкие горят, в желудке огонь, кишки завязываются узлом.

Еда! Найти хоть что-то съедобное.

И поскорее!

34. Мясная империя

В окна комнаты для гостей были видны грузовики, тоннами вывозившие с завода продукцию компании «Элюан»: колбасы всех наименований и сортов, сосиски, мясные рулеты, ветчины, рульки... Все это – в мыслимых и немыслимых видах: охлажденное, замороженное, соленое, копченое, консервированное, сублимированное, обезвоженное... На бортах фургонов красовалась ликующая хавронья в звериной шкуре, с каменным топором и явно изрядно подшофе, напоминая любому о навязшем в зубах рекламном лозунге.

Балет транспортных средств, загружаемых засоленными протеинами и возвращающихся пустыми для новой загрузки, казался вечным.

На стенах комнаты для гостей были развешаны портреты троих акробатов в цирковом облачении: судя по всему, самой Софи Элюан, изображавшей Тарзанову Джейн, только что вышедшую из джунглей, Тарзана в пятнистой набедренной повязке и мужчины, изображавшего при помощи побитой молью искусственной шкуры гориллу. На некоторых снимках троика была запечатлена в разгар представления, за исполнением под куполом цирка опасных трюков – дерзких перелетов между трапециями.

Перед посетителями предстала кругленькая секретарша в строгом костюме.

– Мадам Софи Элюан скоро вас примет.

– Когда примерно? – потребовала уточнения Лукреция Немрод.

– Часика через два, – был ответ.

Журналистка подпрыгнула от удивления.

– Но...

Тут появился опрятный молодой человек в сером халате, представившийся Люсьеном Элюаном, родным братом Софи Элюан, и предложивший себя на роль экскурсовода по предприятию в ожидании, пока сестра освободится. Журналисты помялись и за неимением альтернативы приняли предложение.

Во дворе Люсьен Элюан усадил гостей в маленький электрокар.

Как убедились Лукреция Немрод и Исидор Каценберг, мясокомбинат представлял собой настоящий населенный пункт с дорожными указателями, улицами и неумолчно гудящими складами. Одни рабочие катили бочки, с которых свисали гирлянды сосисок, другие разгребали

лопатами горы жира.

Люсьен Элюан остановился перед большим плакатом с надписью «Скот». Позади него высился цех, окутанный белым дымом почти без запаха. Внутри сотни сотрудников и десятки грузовиков занимались перемещением животных.

– Прежде чем посвятить себя семейному делу, – повел рассказ экскурсовод, – я постигал азы искусства на обычных бойнях. У меня есть право назвать их подлинным адом. Скот убивают пятикилограммовыми молотами, обрушиваемыми на головы обреченных. Те, кто занимается этим весь рабочий день, сходят с ума, запивают, чтобы прийти в себя, и чем больше пьют, тем более неуклюжими становятся, начинают промахиваться, и тогда коровы с разможенными черепами с мычанием носятся по двору, сея панику...

Лукреция стиснула зубы от этой мрачной правды. Элюан, довольный произведенным эффектом, продолжил:

– Оптовые торговцы мясом придумывали церемонии посвящения, нечто вроде розыгрышей новичков, заставляли новенького выпить литр только что вытекшей, свежей крови. Я уже не говорю о бичах...

– Персонал должен был часто меняться, – невозмутимо молвил Исидор.

– Чувствительным людям там не место. Другие, чтобы не свихнуться, заставляли себя смириться, а то и начинали получать удовольствие от происходящего, – философствовал Элюан. – Они охотно мучили скот, били молотом не до смерти, на целый день подвешивали за ноги. Превращались в садистов, чтобы привыкнуть. Но постепенно все это уходит в прошлое. И, между прочим, не только из-за защитников животных... Профессионалы пришли к выводу, что стресс у коровы влияет на вкус мяса. Молекулы стресса выживают даже после варки. Люди к ним чувствительны. Употребляя в пищу «стрессовое» мясо, мы сами немного подвергаемся стрессу.

– Вы хотите сказать, что, поедая мясо страдающих животных, мы принимаем часть их страданий на себя?

Люсьен Элюан утвердительно кивнул.

– Заметьте, я толкую о крупном рогатом скоте, а ведь с домашней птицей дело обстоит еще хуже. На бойнях их массово подвешивают за ноги на конвейере, потом вырывают языки, чтобы они молча истекали кровью через клюв – так мясо получается белее. Белое мясо – признак выпущенной крови.

– Прекратите, а то меня вырвет! – взмолилась Лукреция.

– Все дело в том, – не унимался Элюан, – что защитники животных вызывают своими действиями хохот и дискредитируют собственное дело. Для защиты животных следовало бы найти более надежных людей. Решений стоит ждать от сознательных промышленников, жалобный писк актеров и певцов ничего не даст.

– А рыба? – взволнованно спросила Лукреция.

– Сейчас, в современных индустриальных хозяйствах, рыбу разводят в садках площадью три на два метра. Из соображений рентабельности устраивают страшную тесноту. В этом объеме больше рыбы, чем воды, сверху рыба дажедохнет от удушья.

Вокруг них назойливо плясали на плакатах хрюшки, довольные тем, что кормят людей.

– Свиньи! – напомнил суровый Исидор.

– Я поработал на свиной бойне. Там день-деньской стоит невыносимый визг. Свинья, когда ее режут, способна визжать с громкостью восемьдесят децибел. Попробуйте представить этот шум!

– Похоже, лично вас все это несильно смущало.

– Напрасно вы так, я человек чувствительный. А невыносимый запах свернувшейся крови! На старой бойне меня с ходу выворачивает наизнанку. Животные должны испытывать те же чувства. Именно поэтому я настоял на кардинальной модернизации всего технологического процесса, включая забой, на моем комбинате. Следуйте за мной.

Они вошли в большой белый цех. Там тянулись на сотни метров вдаль тысячи и тысячи свиней, зажатых со всех сторон железными ограждениями, с заблокированными гильотинами головами, уткнувшихся рылами в лотки, где тек полужидкий корм.

Здесь было тихо, ничем не пахло, ничего не дымилось. Слышалось только мерное гудение моторов да мерное жевание.

– Полюбуйтесь, какая чистота! Между прочим, свиней незаслуженно называют грязными. На самом деле это чистоплотнейшее животное на воле только и делает, что себя вылизывает. Грязные они потому, что их держат в грязи. Заприте голых людей в классический свинарник, по колено в собственных экскрементах, и они перещеголяют грязью свиней.

Лукреция подошла ближе к предметам спора.

– Но они не могут даже шелохнуться, не то что себя вылизывать!

– Конечно, чтобы не наращивали мышцы. Им надо максимально жиреть, чтобы рос выход сала.

Стоя перед одной из свиней, Исидор Каценберг сказал:

– Все на одно лицо...

– Обычное дело. Все поголовно принадлежат к особенно устойчивой линии свиней породы «большая белая». Все они братья. Скоро благодаря клонированию мы, возможно, начнем плодить близнецов лучшего из них. Но и эти уже на диво производительны. Они взрослеют в десять раз быстрее, чем всего несколько лет назад. Взгляните вот на этого, на вид взрослая свинья, а на самом деле разжиревшее дитя. Единственный недостаток – слабая устойчивость к свиному гриппу. Они такие неженки, стоит заболеть одному, как заражается весь свиноводник.

Лукреция почесала одному из поросят спинку.

Люсьен Элюан с наслаждением рассказывал журналистам о своем ремесле:

– Мы вывели генетические линии с выраженным окороком, это позволяет экономить бесценные секунды на разрубке. Речь идет о многотысячном поголовье, получается внушительное ускорение.

– Этот неоновый свет никогда не гаснет? – спросил толстый журналист.

– Нет, для ускорения взросления их практически лишают сна. Им положено беспрерывно есть. Наблюдение ведется вон оттуда, сверху.

Он проводил их на помост, откуда можно было держать под контролем весь цех, показал пульт управления, совсем как на атомной электростанции. На бесчисленных компьютерных мониторах мелькали цифры, сменялись таблицы и схемы расходов в пересчете на одну голову, на час, на единицу полезной площади.

– Все компьютеризировано. С этой клавиатуры отодвигается решетка, по одному пропускающая животных на забой. Нажатием вот этой кнопки автоматически открывается целый сектор, этой – все сектора сразу. Эта управляет подачей антибиотиков. Эта направляет животных на забой.

Они спустились вниз. Люсьен Элюан подвел их к отсеку с орденоносной свиньей: на ошейнике висел огромный медный диск. Животное было до того раскормлено, что не столько стояло на ногах, сколько упиралось животом в пол.

– Прошу любить и жаловать: Александр, победитель конкурса в этом году.

Над Александром был подвешен стеклянный саркофаг с останками свиньи.

– А это Афродита, победитель прошлогоднего конкурса.

Распятый поросенок с этим именем, обезглавленный, с отрубленными ногами, демонстрировал все свое жирное вывороченное нутро. Разноцветные букетики и бумажные цветочки вместо ног превращали его в

экспонат сельской ярмарки. Всю картину венчала позолоченная пластмассовая медаль – «Большой приз сельскохозяйственного конкурса Парижской ярмарки».

Александр отказывался смотреть на своего отличившегося предшественника.

– Sic transit gloria mundi, так проходит слава мирская, – изрек вместо эпитафии Исидор Каценберг.

Знающий экскурсовод отвел их к тучным свиноматкам, намертво зажатых в клетях из нержавеющей стали. Видны были только соски, в которые тыкались ненасытные поросята.

– Согласитесь, трогательное зрелище! Молодняк не отнимают, пока не прекратится лактация. Великодушно, не правда ли?

Один из сновавших между отсеками ветеринаров заливал в кормовой лоток синюю жидкость.

– Что за синька?

– Антибиотик. Повторяю, малейшие эпидемии для нас недопустимы. Мы не можем требовать от этих животных с ускоренным ростом отлаженной иммунной системы. Они такие хрупкие! Метиловую синь мы добавляем для того, чтобы проверить, кто пил препарат. Если рыло не синее, значит, этой свинье препарат не достался, приходится вводить его внутривенно. Они получают столько антибиотиков, что их мясо само по себе – медикамент! Я даже говорю родным: заболели – ешьте свинину!

Лукреция Немрод нашла взглядом свиней с синими рылами. Они выглядели образчиками безропотного смирения.

– Вы-то, по крайней мере, не защитники живой природы? – вдруг забеспокоился Люсьен Элюан.

– Нет, мы просто люди. Чтобы мыслить, необязательно принадлежать к какой-то политической группе, – ответил ему Исидор Каценберг.

Люсьен заподозрил, что над ним насмехаются, но не стал лезть в бутылку.

– Вы, друзья животных, вызываете у меня смех. Пусть люди мрут, вы твердо стоите за права животных!

Исидор забросил себе в рот лакричный леденец.

– Можно быть гуманистом и при этом защищать животных. Одно не противоречит другому. Более того, мне дороги растения и даже минералы. Одним словом, я – поборник жизни во всем ее разнообразии.

Люсьен Элюан растерялся, не зная, как отнестись к этому символу веры. Он приласкал несколько красавчиков в отсеках, после чего предложил журналистам перейти в соседний цех – непосредственно на

бойню.

35. Валуны

Есть по-прежнему нечего.

Отряд несолоно хлебавши возвращается на недоделанную стоянку.

В их отсутствие остальные, послушавшись вожака стаи, стали грызть вырванные из земли корни, не побрезговали даже травой. Многие отравились, их рвет. Всеядность всеядностью, но всему есть предел.

Вожак стаи делится пойманной при бегстве крысой. Она уже не первой свежести, но первая самка жадно хватается ее.

Все слишком проголодались.

Есть – первейшая необходимость. Напрасно ОН воображал, что сможет забыть о голоде, увлекшись духовным ростом, теперь приходится расплачиваться за иллюзию спазмами в желудке.

От мук, вызванных белковым голоданием, соплеменники делаются агрессивными. Некоторые самцы бьют молодняк и не прочь его сожрать. Самкам приходится сплотиться и встать стеной, защищая новое поколение.

Все знают, что если не найти быстрого решения продовольственной проблемы, стае грозит развал. Необходимо сделать все, чтобы избежать этой крайности.

Бывший вожак созывает стаю. Он что-то нашел у подножия дерева. Все спускаются.

Бывший вожак указывает на термитник. Самки и доминантные самцы поднимают его на смех. Всем известно, что при приближении к термитнику его жители разбегаются. Даже если их ловить, что нелегко, требуется огромное количество, чтобы насытиться хотя бы самому. Старик утверждает, что знает способ. Схватив палку, он втыкает ее в термитник. Извлеченная наружу, палка густо облеплена термитами: они вцепились в деревяшку с целью помешать разорению их дома.

Это лучше, чем ничего. Попытка не пытка. Все по очереди тыкают чем попало в термитный холм и вынимают орудия, покрытые бесчисленными возбужденными защитниками отчего дома.

У хрустящих на зубах термитов, оказывается, неплохой вкус.

Но вожак стаи недоволен. Его не устраивает медлительность насыщения. Главное, термиты недостаточно питательны. Старик утверждает, что в сердцевине термитного холма находится матка – толстый и сочный белый слизняк.

Тогда вожак, недолго думая, хватается большой камень и запускает им в

термитник. Там начинается паника. Все насекомые как по команде уползают под землю. Больше не видно ни одного. Прощай, надежда насытиться! Вожак задирает нос, ему не престало признавать свою ошибку, приходится требовать, чтобы все дружно, следуя его примеру, разворотили термитник камнями.

ОН разочарованно поглядывает на вожака. Говорят, мы заслуживаем тех, кто нами верховодит. Может быть, они все же не самые развитые в животном царстве.

Вожак стати атакует опустевший дом термитов с куском скалы наперевес. Подумаешь, ошибся! Это еще не повод признать свою ошибку и не продолжать ошибаться. Среди привилегий вожаков есть и эта. Доминантные самцы считают своим долгом ему помочь.

ОН держится в стороне, с удивлением наблюдая за бесполезной суетой и думая о том, что, возможно, родился в неудачном месте.

Его стая – толпа примитивов с примитивом в квадрате во главе.

36. Теория инженера Элюана

– Перед вами последние достижения в искусстве забоя скота.

Исидор Каценберг и Лукреция Немрод уставились на большие механизмы, вибрировавшие среди запаха озона и дезинфицирующих средств. Неподалеку негромко скрежетало железо, кромсавшее трепещущую плоть.

По галереям расхаживали сотрудники в халатах – уже не ветеринары, как в «скотской» зоне, а техники со спрятанными под шапочки волосами, в матерчатых лицевых повязках. Их можно было бы сравнить с медиками, с которыми репортеры сталкивались в клинике д-ра Ван Лисбет, если бы не портативные компьютеры, в которые они непрерывно вносили какую-то цифирь.

Люсьен поприветствовал некоторых, те показали ему на своих экранах последние таблицы рентабельности производства. Он раздал советы, как дополнительно сократить расход времени и всего прочего, повысив число поступающих в обработку свиней.

– Раньше вас ни за что не пустили бы в святую святых, – сказал он журналистам. – В былые времена бойня была местом, где сосредотачивалась душевная боль потребителей, страдавших угрызениями совести. Лучше было закрывать глаза на происходившее там, чтобы люди не маялись душой, поднося ко рту хот-дог или шмат ветчины. Ныне наша фирма, напротив, горда своей способностью продемонстрировать желающим свою сверхсовременную технику.

По огромному пандусу текли розовой рекой сотни свиней. Внизу их ждала широкая, диаметром в несколько метров воронка, через горловину которой они по одной, через равные интервалы времени, попадали на нижний уровень.

Там двигалась конвейерная лента. Две вертикальные стенки, сжимавшие сырье по бокам, не позволяли ему не то что сбежать, а даже шелохнуться. В конце конвейера каждая особь получала в основание головы электрический разряд силой в 30 тысяч вольт. В месте прикосновения рамки светлая щетина завивалась в колечки, животные приобретали обалдевший вид, их розовая кожа шла дымящимися пузырями и разила горелыми ногтями.

Дальше полумертвую свинью цеплял за одну ногу крюк. Ей вскрывали обе яремные вены, чтобы выпустить кровь, и она стекала, как черный

сироп, в желоба, выведенные в баки.

– Это для кровяной колбасы, – объяснил Люсьен Элюан.

После этого туши окунали в воду с температурой 53 градуса, затем происходило удаление щетины: туши поступали в особый агрегат, где по эпидерме стучали каучуковые пальцы. Следующим этапом были газовые горелки, выжигавшие все до одного волоски. На этапе потрошения машина с треском вспарывала брюхо, от шеи до промежности, а в это время работница с циркулярной пилой выпиливала круг в области прямой кишки, чтобы она оторвалась при вываливании внутренностей.

Это сопровождалось звуками, как при высыпании песка из мешков.

Происходило выдирание когтей – сырья для изготовления клея.

Из грудной клетки вынимались легкие, сердце, трахея – будущий собачий и кошачий корм.

Еще несколько секунд – и очередная пила отсекала голову.

– Видите, как все быстро? Ровно шестьдесят четыре секунды назад животное было еще живо – а теперь уже смахивает на колбасное изделие! – гордо заявил Люсьен Элюан.

– По-моему, если рассказать, что здесь на самом деле происходит, люди не поверят. Они сочтут это преувеличением, примут за вымысел, плод воображения писателя-фантаста, – пролепетала ошеломленная Лукреция.

Люсьен счел это похвалой.

– Сами видите, это самая что ни на есть реальность, пускай удивительная!

Отрубленные свиные головы автоматически насаживались на кончики ехавших вверх штырей.

– Что будет дальше с головами? – спросил журналист.

– Раньше ими украшали блюда с колбасными изделиями, но это уходящая мода. Теперь их перемалывают в порошок и добавляют в кормовую муку.

– Иными словами, головы идут на корм другим свиньям! Но это же... вид каннибализма! – не выдержала Лукреция.

– Свиньям это неведомо. Каннибализм – грех, если тот, кто ест себе подобного, делает это сознательно. – Люсьен Элюан подмигнул своим слушателям. – К тому же это смесь, в ней еще кукурузная, костная, рыбная мука. Вкуса даже не разобрать.

Исидор решил, что насмотрелся и наслушался более чем достаточно.

– Вы знали профессора Аджемьяна? – выпалил он без подготовки.

– Почему вы спрашиваете?..

Бывший заслуженный работник боев преодолел удивление и быстро

пришел в себя.

– Я догадался! Он же был моим зятем, только это было так давно... Вы хотите увидеться с моей сестрой, потому что считаете, что она может что-то знать о его убийстве?

– Убийца, без сомнения, большой ловкач. Мы сами подверглись нападению человека, переодетого обезьяной, способного перескакивать с дерева на дерево по веткам. А ваша сестра, если не ошибаюсь, была воздушной гимнасткой в цирке.

Брат гимнастки улыбнулся до ушей.

– Не ошибаетесь: была. Увы, два года назад она грохнулась с трапеции. С тех пор она усиленно плавает в бассейне и неплохо восстановилась, но чтобы снова скакать по ветвям?.. Позвольте в этом усомниться. Я счел бы это чудом.

– Она ладил с бывшим мужем? – спросил Исидор Каценберг.

Люсьен Элюан напомнил ему, что именно семейное предприятие выделило деньги на первые палеонтологические раскопки Аджемьяна. Если бы не они с сестрой, ученый даже мечтать не мог бы ни о чем подобном. Лично он в свое время был сильно привязан к покойному, однажды тот даже привел его на заседание клуба «Откуда мы взялись?», чтобы он изложил там собственную теорию происхождения человека.

– Что, и у вас есть теория происхождения человека? – не поверила Лукреция.

– А как же! – Инженер гордо вскинул голову. – Ее можно назвать «теорией суперхищничества». Я считаю, что наше место в эволюционной цепочке определяется способом питания. Возьмем травоядных. Они так глупы! Велика наука: щипать неподвижную траву, подбирать не способные защититься плоды! Другое дело – охота на мясо, на сочное красное мясо. Тут нужна хитрость. Изволь научиться прятаться, красться, нападать исподтишка, бегать, драться. Короче, мозг обязан развиваться. Посмотрите на обезьян: шимпанзе и бабуины – самые общительные и умные, потому что едят мясо. Знаете ли вы, что для них мясо – род наркотика, оказывающий галлюциногенное воздействие?

Он указал посетителям на кишки и прочие внутренности, подвешенные на крючках, как мотки шерсти.

– Для меня история нашего происхождения выглядит так. Наши первые предки обитали на деревьях, то есть лоботрясничали, лениво срывая плоды, до которых могли дотянуться. Но засуха по причине землетрясения, открывшего разлом, Рифт, принудила их сменить схему питания. За неимением плодов пришлось перейти на трупы. Первые наши

плотоядные предки по необходимости пожирали падаль, их очередь наступала после гиен, шакалов и грифов. Но со временем им надоело пробавляться случайной пищей, пришлось начать охотиться на мелкую живность. Охота на мясо сделала нас динамичными, мускулистыми, сильными. Для преследования травоядных – что газелей, что кроликов – надо расходовать много энергии. Развились новые способности: острый глаз, изоощренный слух. Чтобы убить подвижное животное, надо понимать его поведение, а значит, предвидеть его реакции. Охота принуждает наблюдать, соображать, предчувствовать. Развивается собственная психология. «Значит, так, молодняк вот этой дичи держится в такой-то период в таком-то месте. Место больных вот тут...» – размышляли, должно быть, наши предки, наблюдая и придумывая ловушки. Я даже думаю, что из необходимости охотиться на непоседливое красное мясо родилась социальная жизнь. Наши далекие предки заметили, что, собираясь в стаи, можно окружать добычу и даже нападать на все более крупных животных.

Люсьен заглянул через плечо Лукреции в ее блокнот, прочел там слова «теория суперхищничества» и, вдохновленный, продолжил:

– Увы, в наше время наблюдается вырождение человеческой породы. На него выразительно указывает возвращение моды на вегетарианство.

– Вы что-то имеете против вегетарианства?

– Живое доказательство того, что вегетарианство влечет упадок биологического вида, – панда, один из редких случаев превращения плотоядного зверя в растительноядную овечку. Полюбуйтесь, она малопомалу деградировала до символа животных, которым на планете грозит тотальное вымирание. А вы можете сказать что-то в пользу вегетарианства?

– Ничего, кроме того, что когда мне в тарелку впервые швырнули кусок сочившегося кровью мяса, я восприняла это как непристойность, – ответила Лукреция.

– Вспомните, что если бы мы не разводили домашний скот, то уже хватились бы многих видов.

Люсьен Элюан обвел широким жестом механизмы, на глазах ускорявшие разрубку и измельчение плоти.

– Разве вы не горды принадлежностью к людской породе? Мы больше никого не боимся. Перед вами вершина хищничества: завод, ритмично перерабатывающий и убивающий тысячи животных, не имеющих ни малейшей возможности сбежать. Более того, мы совершили наивысший подвиг: обрели способность убивать, не применяя никакого насилия.

Что-то загрохотало. Подбежавший сотрудник прошептал на ухо инженеру несколько слов.

– Прошу меня извинить, – сказал тот и заторопился в «скотскую» зону.

Исидор Каценберг и Лукреция Немрод старались от него не отстать. Источник шума оказался за воротами: сотня демонстрантов в масках животных размахивала плакатами с враждебными лозунгами. Мгновение – и они ворвались на заводской двор. Как заметила Лукреция, среди всевозможных масок было не меньше десятка обезьяньих.

Лоб Люсьена Элюана прорезала недовольная морщина.

– Опять этот ФОА, Фронт освобождения животных... Психи, выпускающие на все четыре стороны кошек, собак, лабораторных кроликов. С некоторых пор они осаждают бойни. В Англии их без колебания сажают в тюрьму за нарушение общественного порядка, но во Франции их не принимают всерьез, все еще считая слегка зарвавшимися экологами. Полагаю, вы как журналисты засвидетельствуете их агрессивность и намерение причинить ущерб частной собственности.

Сотрудники компании «Элюан» растянулись в цепь, образовав живой заслон. Люсьен бросился к ним, чтобы возглавить. Образовалось два враждебных фронта: джинсы, куртки и маски животных против рабочих халатов и касок.

«Нет интенсивному животноводству!» «Нет пыткам!» «Мир животным!» – скандировали демонстранты.

Подчиненный подал патрону электрический мегафон.

– Я знаю, кто вас натравливает! – крикнул Люсьен Элюан. – После кризиса с «коровьим бешенством» в 1996 году потребление свинины выросло втрое, а говядины резко упало. Владельцы боев крупного рогатого скота – вот кто подсылает вас сеять хаос!

Некто в петушиной маске, похоже предводитель смутьянов, тоже вооружился электрическим громкоговорителем.

– Нет, мы совершенно независимы! Мы по доброй воле вступаемся за животных.

– Почему тогда вы обходите стороной коровьи бойни?

– Настанет и их черед! – мрачно пообещал «петух», жестом послав своих сторонников в наступление.

– Стоять, не то я вызову полицию! – гаркнул Люсьен.

– Вызови! Пусть увидят, что здесь творится. Никто не в курсе. Если бы люди знали...

– Все строго в рамках европейского законодательства о гигиене и санитарном контроле! – крикнул производитель колбас. – Здесь со мной журналисты, я все им показал. Мне нечего скрывать.

Он ткнул пальцем в Лукрецию и Исидора. Те не успели опровергнуть

его слова, позволив ему выставить их подтверждением его правоты.

Из-под кроличьей маски зазвучал высокий, звонкий девичий голос:

– Законы о гигиене ни при чем. Речь идет о сердце! Зная, как вы поступаете с бедными животными, стыдишься принадлежности к людям. Мы боремся за свое человеческое достоинство!

Персонажи за спиной оратора в масках коз, зебр, обезьян и львов в знак одобрения ударили в землю черенками своих заступов.

– Раз вы люди, покажите свои человеческие лица! – С этими словами Люсьен Элюан шагнул к предводителю демонстрантов, чтобы сорвать с него петушиную маску.

Тот отреагировал ударом пластмассовым клювом колбаснику в лоб. Это послужило сигналом: демонстранты набросились на работников завода. Каждый издавал при этом отдельный боевой клич голосом животного, чью маску надел. Раздавалось гавканье, мяуканье, ржание, блеяние, рычание. Люсьен пытался сдерживать натиск, но вскоре стало ясно, что его людей недостаточно, чтобы противостоять многочисленным демонстрантам.

Лукреция Немрод бросилась в гущу потасовки. Ее «интернат-квондо» творило чудеса. При этом адресатами ее затрещин и пинков становились по преимуществу носители обезьяньих масок. Орудую то кулаком, то носком ботинка, то коленом, не брезгуя даже кусаться, она сопровождала удары уханьем канадского лесоруба.

Что касается Люсьена Элюана, то он, взятый в кольцо, старался защитить голову от опасных ударов черенками заступов.

Исидор Каценберг, обойдя кучу-малу, поднялся к пульту управления, к кнопкам, открывавшим отсеки. Он нажал на все кнопки сразу, и сработали одновременно все механизмы: брызнула вода, распахнулись дверцы, опорожнились лотки и чаны, разжались ошейники гильотин.

Свиньи вдруг обрели способность свободно двигаться. Они заколебались. Жизнь в неволе не подготовила их к внезапному шансу избавления. Только самые отчаянные покинули свои отсеки и вдохнули воздух свободы, напоминая неуклюжестью движений астронавтов, случайно угодивших на Марс. Рожденные в плену, не знавшие ничего, кроме рабства, они не имели никакого понятия о жизни без цепей и преград. Некоторые спрашивали себя, не сон ли это, ибо только что не помышляли ни о каком бегстве.

Началось опасливое обследование мира за рамками узилища. Рядом молотили друг друга люди. Врожденный инстинкт игривости заставил свиней вклиниться в неразбериху: они забегали в толпе, радостно хрюкая.

Свиноматки с волнением находили своих преждевременно отнятых поросят.

Полнейший хаос!

В месте, где смерть была поставлена на поток, теперь восторжествовало негаданное веселье. Не склонные к злопамятству свиноматки взахлеб лизали щеки своим хорошим знакомым – сотрудникам предприятия, занимавшимся их кормлением. Более взрослые, то есть не в меру разжиревшие свиньи пытались идти, но, лишённые с самого рождения возможности ходить, оставались на месте, качаясь на недоразвитых ножках.

Люсьен Элюан воспользовался эффектом неожиданности, чтобы вырваться, броситься на платформу и отпихнуть Исидора от пульта.

– Зачем было открывать клетки? – негодуя крикнул он.

– Я спас вам жизнь. Сказали бы спасибо, – ответил толстяк.

Люсьен Элюан ударил локтем по красной кнопке тревоги. По всему комплексу завыли сирены. Все до одного работники высыпали во двор, чтобы теснить демонстрантов и ловить разбредшееся поголовье.

Тут на посту управления появилась секретарь Софи Элюан.

– Ужас! Ужас!

– Спокойствие, мадемуазель Агнесс, – обратился к ней Люсьен. – Демонстранты опасны, но ничего, ситуация под контролем.

– Не в том дело! Обезьяна!..

Она была до смерти напугана.

– Какая еще обезьяна?

– Обезьяна похитила вашу сестру!

Выскочившие наружу Исидор Каценберг и Лукреция Немрод первыми заметили гориллу, тащившую на руках Софи Элюан. Маской дело не ограничивалось, на похитителе была мохнатая черная шкура. Женщина колотила обезьяну кулаками и отчаянно голосила. Обезьяна, не сбавляя скорости, нырнула в автомобиль, швырнула похищенную на заднее сиденье и умчалась.

Демонстранты и работники мясокомбината застыли, не веря своим глазам.

– Скорее!

Лукреция оседлала свой мотоцикл «Гуччи», Исидор плюхнулся в коляску, и началась погоня за приматом, похитившим колбасницу.

Горилла за рулем предпринимала все мыслимые трюки, чтобы оторваться от преследователей: закладывала зигзаги, в последний момент обгоняла грузовики, проскакивала на «красный». Но Лукреция Немрод

обладала всеми необходимыми инстинктами и твердо надеялась на свой мотоцикл. Увы, на шоссе дал о себе знать более мощный, чем у трехколесного агрегата, мотор автомобиля: там дистанция между ними сразу резко выросла.

– Если это все-таки обезьяна, то необыкновенно одаренная! – крикнул Исидор, захлебываясь на ветру. Он натянул на голову найденный в коляске кожаный шлем и вышвырнул оттуда все лишнее.

Суда по дорожному указателю, целью похитителя был аэропорт Бурже. Там он бросил машину и прямо по летному полю понес на плече свою живую ношу к самолетику с вращающимся пропеллером.

Лукреция хотела бежать за ним, но Исидор ее удержал: поздно. Самолетик разогнался по полосе и взмыл в небо.

– Мне нравится наш противник, – признался Исидор. – Скачет по ветвям, владеет навыками спортивного вождения, при нужде и за штурвал самолета может сесть. Это не обезьяна и даже не человек, это сверхчеловек!

– Поднимемся на башню, к диспетчерам, узнаем, куда он летит, – предложила запыхавшаяся Лукреция. – Кем бы он ни был, без полетного плана он не получил бы разрешения на взлет.

– Это лишнее, я и так знаю, куда он направляется, – безмятежно отозвался Исидор Каценберг. Сев в траву, он, кусая травинку, провожал взглядом удаляющийся на юг самолет.

Совсем скоро летательный аппарат, унесший Софи Элюан и обезьяну, превратился в крохотную точку на пламенеющем закатном небе.

– И куда же?

Толстяк тяжело поднялся и отряхнул с вельветовых штанин траву.

– В колыбель человечества.

Над колыбелью человечества

1. За пределы известного

Они сворачиваются в клубки, принимая позу эмбриона.

Когда дела плохи, делаешь так, не размышляя.

А все голод!

Несколько дней еще можно протянуть без еды, но не целую неделю. Тут взвоешь с голодухи!

Вожак стаи поднимается, говоря всем своим видом: «Дайте мне подумать, кажется, я знаю, как быть». Смена дислокации – вот его решение. Покинуть изученные места – и куда податься?

Вожак, высшая иерархическая инстанция стаи, делает вид, будто нюхает воздух и чувствует нечто, несущее важную информацию. Потом жмурится, чтобы лучше проникнуться выловленным ответом, и указывает направление. На север! К горам, якобы кишачим дичью.

Самки «за». С их точки зрения, теперешнее гнездо для будущего потомства маловато. Старики полны скепсиса. Они говорят, что на севере холоднее. Впрочем, их мнения никто не спрашивает.

Решено: выступаем. Все поднимаются, исполненные надежды. Больные и раненые обещают, что не будут замедлять движение, поэтому их не изгоняют из стаи.

Постепенно отряд бредущих с пустыми руками существ выстраивается и устремляется на север.

Поскольку впереди открытые пространства, лишенные укрытий, стая естественным образом принимает миграционный порядок. Впереди вождь, по бокам доминантные самцы, сзади больные – отвлекать хищников.

Они идут по равнине.

ОН задирает голову. Над ними летит в ту же сторону несметная стая розовых фламинго. Красота! Можно подумать, что по небу рассыпали цветы. Розовые фламинго простирают широкие крылья с черной каймой.

ОН бредет себе, запрокинув голову до отказа. Как ни болит шея, ОН не способен оторвать взгляд от птиц. Какими им кажутся оттуда, с головокружительной высоты, они?

2. Паря в вышине

Исидор Каценберг смотрел через иллюминатор вниз, на землю. Там пронеслись разные страны: сначала юг Франции, потом Италия, Греция, Египет, Кения, скоро внизу будет Танзания.

Юг.

Танзания была целью их путешествия. Конкретно аэродром Килиманджаро, куда, как их заверили в Бурже, взял курс самолетик с гориллой и колбасницей на борту.

«Не движемся ли мы в противоток великим миграциям наших предков?» – задавался вопросом Исидор Каценберг. Он силился представить стада протолюдей, гонимых капризами погоды, лютыми хищниками, межвидовыми войнами.

Под облаками ему виделась стая предтеч человечества, вышедшая более трех миллионов лет назад откуда-то из Восточной Африки, чтобы потом рассеяться по пяти континентам.

Под крыльями самолета летала в противоположную сторону стая розовых фламинго.

В этот момент стюардесса заученными движениями разложила перед Исидором столик и поставила на него поднос с едой. Заглянув под алюминиевую крышечку лотка с горячим блюдом, он обнаружил кусок бледной птицы и непонятное пюре.

Тем хуже, гибель пернатого была бессмысленной. Он захоронил его в пюре, накрыл вместо букета морковкой и вернул на место крышку.

Лукреция Немрод так проголодалась, что все умяла, не заморачиваясь, что это было. Только насытившись, она, вдруг перестав жевать, уставилась на остатки своей трапезы. Торчавшие из пюре косточки вернули ее к тому, что представляло теперь центр ее интересов, – палеонтологии. Отодвинув поднос и достав из рюкзака свой неизменный блокнот, она стала зачитывать спутнику пункты:

– Теория Сандерсона. Человек – результат болезни, вируса, занесенного со звезд.

Теория Конрада. Человек – плод случайной генетической комбинации.

Теория Ван Лисбет. Человек – итог намеренного приспособления к изменениям климата.

Теория Элюана: человек появился из-за необходимости превзойти всех остальных животных, чтобы их сожрать.

Она замолчала. В ее голове вертелись теории: метеорит, случайность, приспособление, суперхищничество.

Лукреция стала разглядывать десерт – зеленоватый студенистый крем, увенчанный скользкой вишенкой.

– Я не поняла разницу между Ламарком и Дарвином, – созналась она.

Ответ Исидора получился уклончивым:

– По Дарвину, мы случайно произошли от неправильной копии обезьяны. По Ламарку, человек – обезьяна, предпринявшая попытку самосовершенствования.

Тощий субъект в сером, занимавшей третье кресло рядом с ними и раньше не поднимавший голову от экономических и финансовых журналов, счел своим долгом вмешаться:

– Прошу прощения, я невольно подслушал ваш разговор и не могу не напомнить, что ваш Ламарк вдохновил странных русских ученых, вроде Лысенко. Тот, проверяя правоту ламаркизма, вздумал приучить детей к ужасным условиям жизни и потом посмотреть, будут ли передаваться по наследству приобретенные черты характера. Скандальная теория! Вообразить, что сын автоматически знает выученное отцом, – чистый идиотизм.

Пассажир в ряду перед ними изогнулся в кресле и явил розовую физиономию, обрамленную белыми кудрями.

– Я тоже слышал ваш разговор и должен сказать, что Дарвин повинен в куче катастроф. Дарвинизм послужил прелюдией к фашизму, ведь, согласно этой идеологии, одни человеческие расы более достойны жизни, чем другие. Естественный видовой отбор с отсеком неприспособленных ведет прямым к расизму!

Лукреция Немрод пока еще не додумалась рассмотреть теории профессора Конрада и д-ра Ван Лисбет под политическим углом зрения и теперь внимательно слушала спор двух соседей.

Противник ламаркизма утверждал, что если родители ребенка учили английский язык, это не значит, что ребенок автоматически заговорит на этом языке. Его оппонент пожал плечами.

– Возможно, но если я поселюсь в Англии, то мои дети не только заговорят на английском как на родном, они вообще забудут, что их предки когда-то говорили по-французски. Это и есть приспособление к среде!

По другую сторону прохода тоже нашелся желающий присоединиться к разговору. Когда он встал, под его черным пиджаком блеснул золотой крестик, а на отглаженной белой рубашке обнаружился воротничок священнослужителя.

– Здравствуйте, я отец Матиас, священник. Не одолжите на минуточку ваш блокнот? – обратился он к Лукреции. – Мне тоже интересно изучить все эти теории происхождения человека.

Она протянула ему блокнот, и он стал быстро листать страницы.

– Давайте разберем их по одной, – предложил он примирительным тоном. – Метеорит – носитель вирусов? Невозможно, при вхождении в атмосферу так поднимается температура, что это несовместимо с любой формой жизни.

Дарвинизм? Если бы Дарвин был прав, то обезьяны в зоопарке превратились бы в людей.

Ламаркизм? Вы искренне считаете, что достаточно поместить людей в проблемную ситуацию, чтобы они поумнели? В таком случае в тюрьмах сидели бы одни гении.

Суперхищничество? Из этого следует, что акулы – гроза сардин, тунцов и осьминогов, должны были бы теперь разъезжать, как мы, на машинах, владеть огнестрельным оружием и просиживать перед телевизором.

Нет, будем серьезными, господа, мадемуазель! В вопросе происхождения человека ученые топчутся на месте, потому что это именно тот барьер, в который утыкается ограниченная научная компетенция.

– Что же предлагаете вы? – спросила Лукреция, отбирая у него блокнот и изготавившись записать новую теорию.

Священник безмятежно улыбнулся всем сразу.

– Куда более простую теорию. Бог, – изрек служитель культа так спокойно, словно озвучивал прописную истину, оспаривать которую способны одни умственно отсталые.

Галилей, подумал Исидор Каценберг, тоже, наверное, говорил тоном мудреца, когда силился убедить инквизиторов, что Земля вертится. Но со временем произошел обмен ролями. Теперь в первооткрывателя, ниспровергателя основ превратился поборник веры, от него ныне исходила совершенно революционная теория, обгоняющая свой век обскурантизма и потому непонятная.

– Бог, – повторил священник. – Бог в основе всего сущего. Кстати, все больше ученых приходят к мысли, что «гипотеза Бога» по меньшей мере столь же приемлема, как и так называемые научные теории.

– Бог! Какая новая идея! – усмехнулся дарвинист.

Отец Матиас, не отвлекаясь на это богохульственное вмешательство, достал из внутреннего кармана черного пиджака Библию и стал громко зачитывать фразы, которые считал главными для правильного понимания

происхождения человечества:

– «Вначале Бог создал небо и землю... И увидел Бог, что это хорошо. И сказал Бог: птицы да полетят над землею, и да произведет земля душу живую, скотов, и гадов, и зверей земных. И стало так... И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, и да владычествует он над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле... И создал Господь человека из праха земного, и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою».

– Да, красивая легенда, но... не более чем легенда, – заключил ламаркист.

– И сказал Бог...

Прозвучал сигнал, загорелись надписи: «Потушите сигареты, застегните ремни». Приятный баритон из репродукторов призвал пассажиров занять свои места ввиду входа самолета в зону турбулентности.

К священнику, оставшемуся стоять рядом с креслами Лукреции и Исидора, подошла стюардесса. Она сухо велела ему выполнить указание командира экипажа, толкнула в кресло и сама застегнула на его животе ремень.

Обиженный отец Матиас надул было губы, а потом вжался в спинку кресла: самолет ухнул в глубокую воздушную яму. На столиках упали и перевернулись стаканчики и все прочее. Строптивцы, оставшиеся, невзирая на призывы, в очереди в туалет, ухватились за все, что могло помочь устоять на ногах; не нашедшие опоры упали и покатались по проходу. Несколько стюардесс шлепнулись на колени пассажирам. Стюард ловко перелетал от ряда к ряду, чтобы в результате обнять, как спасительный буй, откидное сиденье.

– Похоже, Богу не очень нравится, когда его поминают, – весело зашептал Исидор Каценберг. – «Не произноси имя Всевышнего всуе» – не это ли одна из ваших заповедей, святой отец? – обратился он через проход к священнику.

Но отец Матиас крепко зажмурился и отдался молитве. Ламаркист и дарвинист, только что отвергавшие веру, были сейчас близки к тому, чтобы последовать его примеру.

– По крайней мере, в этот раз при вопросе «откуда мы взялись?» не произошло нападения обезьяны, – выдавила Лукреция Немрод.

– Что, если нас дразнит обезьяний бог? – усмехнулся Исидор, ослабляя ремень, больно стянувший его огромное брюхо.

Небо за иллюминатором хмурилось все более грозно. Воздушные ямы

следовали одна за другой, самолет мотало, как невесомое нижнее белье в барабане стиральной машины. Кто-то вопил, кто-то рыдал, по проходу катились бутылки. Багажные полки распахнулись и обрушились на головы и на плечи до смерти перепуганных пассажиров свое разнообразное содержимое.

Лайнер то взмывал вверх, то снижался. Ламаркист, непривычный к экстремальным условиям, не удержал в желудке курицу с пюре. Перед этим он, правда, успел нашарить в кармане кресла перед собой бумажный пакет – свидетельство заботы авиакомпании о нестойких пассажирах.

Что до дарвиниста, сидевшего у прохода, то у него завязалась схватка с оставшимся стоять пассажиром, теперь вознамерившимся непременно занять его кресло. Схватив друг друга за воротники, оба, сидячий и стоячий, молча преодолевали турбулентность. Кресло должно было, согласно закону отбора, остаться за более сильным.

Священник не переставал бормотать псалмы. Как бы в ответ ему из репродукторов снова зазвучал баритон:

– Прошу сохранять спокойствие. Всем занять свои места. Мы пересекаем зону турбулентности.

Сам этот голос вовсе не был спокойным. Лукреция расслышала в нем панические нотки и вцепилась в руку Исидора. Младенцы надрывались плачем, собаки выскочили из сумок, в которых их вопреки правилам пронесли на борт, чем не способствовали восстановлению спокойствия.

Мало-помалу в салоне, под мигающими светильниками, повисла тяжелая тишина. Самолет содрогался всем корпусом, падая из ямы в яму, как баркас, регулярно взлетающий в штормящем море на гребни волн и потом летящий вниз, в бездну.

Исидор, чей жир, играя роль буя, придавливал его к креслу, был единственным, кого этот апокалипсис скорее забавлял.

– Мне всегда казалось нелогичным, что эти груды металлолома каким-то чудом держатся в воздухе, – поделился он соображением с соседкой.

Но Лукреции было не до его черного юмора: она боролась с кислородной маской, внезапно, словно в ответ на реплику соседа, выпавшей из люка и теперь болтавшейся у нее перед носом. Лайнер в очередной раз потерял высоту, отчего внутри разом погас свет, не считая слабых индивидуальных светильников.

– Кажется, мы пикируем, – сообщил Исидор, прижавшийся носом к иллюминатору. – На случай, если нам осталось жить считанные минуты, я признаюсь вам, Лукреция, что получал от нашего совместного расследования огромное удовольствие! – галантно высказался он.

– Благодарю, я тоже, – пролепетала журналистка-стажерка, так крепко вцепившаяся в подлокотники, что оторвать от них пальцы было уже нереально.

Турбулентность кончилась так же внезапно, как началась. Ощущение падения пропало. Все облегченно перевели дух. Снова зажегся свет.

– Дамы и господа, можете расстегнуть ремни, – ласково разрешил баритон.

По салону разнеслись радостные охи и ахи. Кое-кто поаплодировал пилотам, сумевшим с честью выйти из безнадежной ситуации. Особо нетерпеливые бросились в туалеты, перед которыми снова выстроилась очередь. Лукреция по одной фаланге отделила пальцы от подлокотников.

Видимо, зона турбулентности кончилась раз и навсегда: за иллюминаторами не было больше ни облачка. На юге засиял солнечный диск, раскаляясь на глазах.

Священник, ламаркист и дарвинист остались в своих креслах: только что они готовились к гибели и теперь не испытывали желания возобновлять спор о происхождении человечества.

Одна стюардесса попросила пассажиров опустить на иллюминаторах щитки, другая раздала наушники. Пассажирам предоставлялся выбор между просмотром энной серии «Звездных войн» и целительным сном.

Лукреция Немрод выбрала сон и надела на глаза маску. Исидору Каценбергу не спалось. Слегка, чтобы не мешать тем, кто смотрел кино, он приподнял на своем иллюминаторе щиток.

Бог...

Бог ли – ключ к отгадке? Принимать ли в расчет гипотезу Бога наряду с ламаркизмом и дарвинизмом? Почему бы нет?

Внизу, в дыре между облаками, виднелось переплетение дорог.

Какими нас видит Бог? Наверное, копошащимися муравьишками.

Тысячи людей, подумалось Исидору, летают самолетами и не задумываются о том, какая им выпала привилегия – взирать на мир с огромной высоты. Самолет обеспечивает требуемое расстояние для взгляда на совокупное человечество. Летящий в небе пассажир обретает божественный взор.

3. Полувысохшее озеро

На горизонте не видно ни зги.

Они изнурены. Голодны.

Стая оказалась среди топи. Впереди высыхающее озеро. В грязи барахтаются многочисленные гиппопотамы. Им только это и остается, иначе не защититься от солнечных лучей. Раньше они не жились в воде, но ее уровень упал, и они не осмеливаются покинуть болото, бывшее прежде их гаванью. Они предпочитают бои друг с другом не на жизнь, а на смерть за ямы поглубже.

Стая останавливается, чтобы полюбоваться этим впечатляющим зрелищем – смертельными поединками гиппопотамов как способом решения жилищного кризиса. Огромные животные обнажают длинные прямоугольники зубов и кусают друг друга за морды. Проигравшие вынуждены довольствоваться лягушатниками, где им нещадно припекает спину.

ОН говорит себе, что при всей примитивности его племени все же хватает смелости не сидеть на месте. Гиппопотамы в этом высыхающем озере обречены на гибель. Вместо того чтобы уйти, они не двигаются и готовы друг друга поубивать. Последними выжившими наверняка станут те, чья агония окажется дольше и мучительнее.

Отчего столько насилия? Из-за неподвижности.

Так на него нисходит первый закон мудрости: принять изменения.

Вожак стаи предлагает дождаться, пока издохнет раненный в боях за территорию гиппопотам, чтобы его съесть.

Чтобы сполна насладиться поединками этих водных борцов сумо, стая рассаживается на берегу озера, и каждый принимается поощрять своего избранника. Все надеются, что проигравший окажется толстяком.

Бои гиппопотамов – завораживающее зрелище. Грязь летит во все стороны, все вокруг забрызгивая, от воя и прыжков содрогается земля. Наблюдать такую силищу, употребляемую на глупость, – ни с чем не сравнимое удовольствие. По залепленной грязью коже бежит кровь, сереющая на глазах. Животные издают вопли ярости и страха, впиваясь друг другу в шею или в уши.

Стая набралась терпения. Лучшего способа охоты не придумать: ждать, пока дичь убьется сама.

Наконец один раненый гиппопотам перестает шевелиться и, похоже,

готов к употреблению. Стая приближается и принимается расковыривать острыми камнями еще подрагивающую тушу.

Другие гиппопотамы в шоке от того, что какая-то двуногая мелочь разделяет их собрата, но не смеют шевелиться, чтобы не лишиться бесценного клочка территории.

Стая потешается над тупостью существ с огромной башкой, чья культура, основанная на территориальной обороне, резко сужает им горизонты. ОН говорит себе, что его стая все же принадлежит к самым развитым существам. Дело не в абсолютном уме, просто другие еще дурнее.

Стая роется в поверженном гиппопотаме, как в огромной съедобной пещере. Некоторые забираются внутрь и копошатся во внутренностях. К ним забавы ради присоединяется молодняк, но его прогоняет чересчур сильный запах. Нет, лучше дожидаться, пока самцы закончат раскопки. Из рук в руки трепетно передают куски протеина. Нынче стае уже не грозит голодная смерть.

Но вдруг все вздрагивают от могучего рыка. Головы поворачиваются на звук.

Львица!

Стаю захлестывает волной адреналина. Львица не бывает одиночкой. А раз львиц несколько, значит, они охотятся – например, на таких, как члены стаи. Все ищут других львиц, наверняка спрятавшихся, залегших, чтобы окружить их и напасть. У окруженных почти нет шансов. Тростник у высыхающего озера словно создан для засад, в нем очень удобно прятаться.

Вожак стаи негромко тьякает – мол, немедленно делаем ноги. Залезшие в гиппопотамово чрево колеблются: то ли спрятаться там, то ли вылезти. Побеждает второе.

Справа появляются сразу три львицы. Вариантов нет, только беспорядочное бегство. Против львиц они совершенно бессильны.

Немедленно прочь?

Да, прямо сейчас!

Три львицы гонят их в одну сторону, но там засада – еще целых пять львиц. Они явились полакомиться, но вовсе не гиппопотамом!

Плохо дело!

Выход один – избавиться от балласта, то есть от детей, больных и стариков. Им даже не надо напоминать, что делать ради спасения остальной стаи. Просто они хуже бегают и будут пойманы первыми. Если доминантный самец заметит, что старик бежит так же быстро, как он, то поставит ему подножку.

ОН несется галопом. ОН – добровольная приманка, умеющая уводить преследователей в сторону. Львицы бегают быстро, но на небольшие расстояния. Не то что гиены – те способны преследовать добычу несколько дней подряд.

Троих львицы уже поймали и разодрали на части. Этим охота кончается.

Получив желаемое, львица становится кроткой, как травоядное. Стая знает, что теперь может пройти совсем рядом с грозными зверями, ничуть не рискуя.

Страх сменяется радостью: они выжили. Наелись и пережили нападение львиц.

Чего еще требовать от жизни?

4. Вдогонку за обезьяной

Великолепие.

Красота.

Килиманджаро.

Глядя на гору с неба, хотелось визжать от восхищения. Она возникла внезапно – огромная черная скала в вознесшейся над туманами ледяной шапке. В одно мгновение Килиманджаро захватила все визуальное пространство за иллюминаторами.

Сверху жарило белое солнце. Под солнцем простерлось заросшее высокой травой плато, где человек был лишним.

Вот и Африка.

Самолет кое-как приземлился и зигзагами побежал по неровной полосе, объезжая беззаботно пасшихся импал и газелей Томсона. Бетон трескался от напора травы. На кромке бетонной полосы собрались зеваки-туземцы, смехом встретившие толстую белую тушу с крыльями, неудачно подражавшую приземлению грациозных пернатых.

Параллельно самолету, словно желая подать ему правильный пример, снизилась стая ширококрылых пеликанов. Некоторым удавалось без всяких маневров сближения точно садиться на кончик шеста.

К борту подъехала лестница, пассажиры начали спускаться. Выходя из кондиционированного салона, они ныряли в тропический зной. Здешнее солнце, даже вялое, казалось несовместимым с какой-либо жизнью. Исключение составляли как будто только рои наглых мух, заинтересовавшихся тем, как самолет умудряется летать, не маша крыльями.

Перед буйной травой, поощряемой теплом и влажностью, не мог устоять даже бетон посадочной полосы.

Прилетевшие миновали таможду и приступили к обязательному обмену пятидесяти американских долларов на мятые, липкие танзанийские шиллинги.

Лукреция Немрод надела солнечные очки и накрыла рыжую голову платком.

– Что теперь?

– Где-то неподалеку нас поджидает отец наших отцов, – ответил Исидор Каценберг.

– Как мы его найдем? Ведь поле поиска – целый континент!

Для начала он предложил ей дожидаться багажа в баре аэропорта.

Журналисты заказали кока-колу, и стройный юноша принес две бутылочки прозрачной жидкости с черным осадком на дне. Согласно его разъяснениям, жидкость надо было взболтать для смешивания двух химических веществ. Блеснув зубами, он откупорил бутылки.

Окружившие двух европейских туристов детишки стали совать им местные поделки, выкрикивая по-английски сногшибательные цены.

– *Harana asante sana*, – выдал Исидор.

Удивленные дети со смехом разбежались.

– Что вы им сказали?

– На суахили *harana* значит «нет», *asante sana* – «спасибо».

– Вы владеете их языком?

– Делаю вид, – ответил Исидор с улыбкой.

Оказывается, он прятал под локтем путеводитель по Танзании с разговорником из двадцати самых необходимых туристу фраз: «Где туалет?», «Слишком дорого», «Мне нужен адвокат», «Свяжитесь с моим посольством», «Нет, мне неинтересно».

Над ними лопасти здоровенных вентиляторов месили удушающую жару, разгоняя тучи mosquitos – как бы не малярийных. Попавшие под лопасти падали вниз мелким противным дождем.

– Как вам видится продолжение нашего вояжа? – спросила Лукреция.

– Как преследование обезьяны.

– Все еще считаете, что «S» на зеркале значило «обезьяна»?

Толстяк пожал огромными плечами.

– Это вряд ли. Я подозреваю, что в этом деле замешаны несколько обезьяноподобных существ. Взять хотя бы шайку в обезьяньих масках, похитившую вас рядом с моим жилищем. Возможно, профессор ушел из жизни по ее вине. Дальше – сама обезьяна-акробат...

– Не говоря о друзьях животных в масках.

– Для комплекта не хватает только обезьян в масках людей.

– Мало ли, кого еще могло обозначать это «S»: Сандерсона, Софи Элюан, Соланж Ван Лисбет...

– Или «сатана», «змея»^[4], иллюзия^[5].

– Если принять версию обезьяны, то встают следующие вопросы: зачем она швыряется в профессора метеоритами? Играет ли с адептом случайности в «русскую рулетку»? И запирает ли в клетке с кодовым замком поборницу универсальной приспособляемости?

– Намекаете на ее чувство юмора? – догадался Исидор Каценберг.

Раздались сварливые голоса туристов в шортах и соломенных шляпах,

сбивавших цены на фигурки из черного дерева. Бросавшиеся в глаза надписи «Сделано в Сингапуре» на изделиях мало их смущали, разве что казались доводом в пользу дополнительной скидки.

– Вдруг обезьяна-акробат попросту забавляется? – предположила Лукреция.

На ленту транспортера стали с шумом вываливаться первые чемоданы. Пассажиры, толкаясь локтями, стали расхватывать свой багаж, чтобы грузиться вместе с ним в белые туристические автобусы, выстроившиеся снаружи. Их отлавливали бродячие торговцы, обвешанные футболками «Я люблю Танзанию», тамагочи с раскраской на тему джунглей, одноразовыми фотоаппаратами, пробирками с толченым рогом носорога, якобы возвращающим половую мощь, маленькими тамтамами из буйволиной шкуры, барабанами якобы из шкуры макаки, картинами с сиреневым закатом на Килиманджаро, гамбургерами, минералкой, брелоками с лапками новорожденных крокодильчиков, шахматами из словной кости, кремами от загара, ожерельями из непонятно чьих клыков, полосатыми, под зебру, купальниками, видеокассетами с похождениями Индианы Джонса, аудиодисками с «шумами джунглей, записанными лично вами» и черт знает чем набитыми сигаретами сертифицированного местного производства.

Почувяв растяпу, торговец старался всучить ему еще и пластмассовую Эйфелеву башню, венецианскую гондолу из черного дерева, обточенный под статую Свободы булыжник.

С этих удачных покупок начинался праздник. Туристы, обалдевшие от синтетических сокровищ, забывали любоваться пейзажами и населяющим их диким зверьем. Бывало, к крышам микроавтобусов цеплялись мелкие обезьяны, разглядывавшие набившихся в железные клетки туристов.

Лукреции Немрод надоело разглядывать большую карту страны, которую она разложила у себя на коленях.

– Как будем искать?

Большая пухлая рука осторожно похлопала ее по плечу.

– Мы пойдем по маршруту человечества, проложенному палеонтологами. Спускаясь в глубь времен.

Толстый палец поелозил по карте и остановился на кружке с надписью: «Лаэтоли, палеонтологический музей».

Лукреция нашла в легенде карты разъяснение: «По следам древнейших человеческих костей». Исидор был прав: главным подспорьем – наблюдательность, все уже обозначено и подписано.

Ее укусил комар, оставив в память о себе капельку своей слюны,

препятствующей свертыванию крови. Она стала чесать укушенное место, Исидор тоже чесался. Африка уже попробовала их на вкус.

5. Личное время

После стольких переживаний самое время сделать передышку. Ничто не приносит стае такого отдохновения, как сеанс туалета.

Все устраиваются в тени баобаба, там, откуда можно заранее заметить приближающуюся неприятность.

Сиеста. Коллективная косметическая процедура.

Ничто так не обеспечивает взаимную спайку, как это. Поиск вшей крепит связи между членами стаи. Операция подчинена твердому ритуалу. Парикмахер устраивается перед клиентом и предлагает ему свои услуги. Для этого существует особая гримаса, сопровождаемая причмокиванием, потом соблазнительно вытягиваются губы, высовывается кончик языка.

Свое согласие на обработку потенциальный клиент изъясняет, указывая на беспокоящее его место, подлежащее выскребыванию. По ЕГО наблюдениям, самые завшивевшие, наиболее замученные блохами необязательно оказываются приоритетными получателями услуг. На первом месте наиболее нуждающиеся в завязывании социальных связей. Матери и дети. Подравшиеся доминантные самцы, решившие помириться с бывшими соперниками. Самки без кавалеров, желающие непременно добиться знаков внимания. Старики, тщющиеся доказать, что еще могут приносить пользу.

Наконец, косметические процедуры позволяют двоим членам стаи находиться друг рядом с другом и трогать друг друга без всякой агрессии. Это оказывает примиряющее, успокаивающее действие. Слабые задабривают сильных, обычно нагоняющих на них страх. Сильные успокаивают слабых, которых не хотят пугать.

Все чешутся, ищут на теле и у себя самые раздраженные места. Ловкие пальцы матерей расчесывают шерстку детей, находят под ней припухлости и острыми ногтями достают из-под кожи виновников воспаления.

Одни используют для чесания передние конечности, другие без колебаний прибегают к задним – там длинные фаланги, в самый раз для копания в шерсти. Некоторые одновременно пускают в ход все четыре конечности вкупе с зубами.

Наступает великий момент нежности. Член стаи совершает открытие – находит собрата. Взаимные прикосновения. Исследование кожных покровов. Иногда, разгребая чужую шерсть, можно найти что-то съедобное

и отправить себе в рот. Яйца паразитов разгрызают, добывая бесцветный сок.

После того как шерсть у всех вычищена и расчесана, стая целиком испытывает душевный подъем. Денек-то отличный! Полакомились гиппопотамом, пережили нападение львиц, привели себя в порядок. Ощущается единение, стая наливается силой.

Вожак подает сигнал, что пора продолжить путь на север. По его требованию старики и больные снова занимают место в арьергарде, чтобы отвлекать хищников.

Вперед, к новым приключениям!

6. Следы стоп

В почве отпечаталась стопа. Рука со щеткой смела с отпечатка пыль. Теперь его очертания видны лучше. Лаская поверхность земли, можно выведывать ее секреты. Чем лучше поскребешь, тем больше узнаешь.

Все благоговейно переглянулись.

– Это окаменевший след давностью в три миллиона лет, – зазвучал уверенный голос. – Характерны отодвинутый от остальных большой палец и двойной изгиб свода стопы. То и другое – сугубо человеческие особенности. По этой причине мы называем это первыми следами ног недостающего звена.

Мужская рука смела еще несколько крупниц земли.

Позади у Исидора Каценберга и Лукреции Немрод остались долгие часы в душном такси-развалюхе, набитом туристами, везшем их по пыльным дорогам парка Нгоронгоро. Ближе к вечеру они прибыли наконец на раскопки в Лаэтоли. Туда не пускали посторонних, но Джеймс Макфиддл, начальник экспедиции, сделал для двух французских журналистов исключение, пустив их в «особую зону».

Шотландец Джеймс Макфиддл был белобрысым длиннобородым детиной, говорившим гулким басом. Это был самый настоящий человек от земли: земля и пыль покрывали всю его одежду неопределенного цвета, а также не закрытые одеждой участки тела: локти, предплечья, лицо. Его куртка была увешана щетками, на кожаном брючном ремне болтались скребки.

– Хороши ножки, а?

Репортеры склонились над отпечатками. Лукреция Немрод зарисовывала их в своем блокноте, Исидор Каценберг, неуклюже присевший на корточки, тщательно разглядывал их в лупу.

– Можно подумать, что вы считаете это следами преступника, – пошутил Макфиддл.

– Есть немножко, – призналась Лукреция. – Мы разыскиваем убийцу профессора Аджемьяна.

Начальник палеонтологической экспедиции почесал в знак интереса бороду.

– Я был с ним хорошо знаком. Это он начал здесь раскопки и нашел второй участок в Лаэтоли.

Он повел их на другую площадку, где студенческая молодежь, орудуя

скребками и кисточками, осторожно удаляла квадрат почвенного слоя.

Палеонтолог объяснил, что поиск окаменелостей – изнурительный труд. Найти их чрезвычайно трудно, потому что большинство животных посмертно подвергаются естественной порче: тут и хищники, и падальщики, и мухи, и черви, и насекомые одно мельче другого, и, наконец, бактерии, после которых остается одна пыль. Обычно находка скелета, тем более чудом сохранившегося тела – это случайность. Благодарить надо смерть от падения в зыбучие пески, где возникла спасительная глиняная оболочка, или в ледяную реку, где погибший застыл во льду, или – это касается мелких созданий – в жидкую смолу, превратившуюся потом в янтарь.

– В этих краях ученые долго располагали только следами, которые я вам показывал. А потом нагрянул Аджемьян, изучивший их и провозгласивший: «Те, кто их оставил, бежали, наверное, вон в ту сторону».

Шотландец указал туда, где угадывались очертания черепа и костей.

– Это чье?

– Примата и двух гиен.

Лукреция и Немрод устали на углубления в земле. По словам палеонтолога, примат, по всей вероятности, спасался бегством от двух гиен. Потом они долго возились в грязи, где втроем и утонули.

– Сдвиги породы и кроты немного подпортили картину, но череп более-менее цел, как и одна бедренная кость.

Ученый повторил пальцем контуры костей в твердой земле.

– Вот надбровная дуга примата. Вот позвонок. Вот эта кость принадлежит одной из гиен, она была совсем рядом, возможно, даже укусила примата, прежде чем захлебнуться в грязи.

Теперь две гиены, преследующие примата, предстали перед французами четко, как фотография, сделанная 3 миллиона лет назад, но напечатанная только теперь.

Профессор Макфиддл пригласил гостей к себе в дом. Он жил в большой деревянной хижине на высоких сваях – они позволяли меньше опасаться появления в доме скорпионов и змей. На стенах висели черно-белые снимки раскопок, обложенных линейками и разбитых на квадратики с номерами и датами.

Ученый объяснил, что поблизости, на счастье, расположены молодые вулканы. Для определения возраста костей используется вулканический пепел из разных слоев почвы. В нем содержатся кристаллы калия, половине которого потребовалось 1,3 миллиона лет для превращения в

аргон. Значит, достаточно проанализировать землю по соседству с костями – и становится ясен возраст окаменелостей. Разумеется, чем солиднее возраст находки, тем выше вероятность ошибки. Тем не менее возраст костей примата и двух гиен был равен примерно 3,7 миллиона лет.

Потягивая из высоких стаканов поданный шотландцем чай со льдом, посланцы «Геттёр Модерн» слушали его рассказ об истории недостающего звена.

Он видел проблему в том, что «человек» еще не имеет официального определения. С какого момента ископаемая кость становится человеческой? Где абсолютные ориентиры? Макфиддл считал определение «человека» величайшим научным вызовом тысячелетия. На этическом уровне возникало много вопросов и противоречий. Шотландец не колеблясь выводил эту проблему с определением за рамки своей дисциплины.

Является ли человеком эмбрион? Если да, то с какого возраста? Человек ли оплодотворенная яйцеклетка? Если да, то как быть с лишними яйцеклетками? Остается ли человеком тот, кто много лет пребывает в коме и ни разу не приходил в чувство? Можно ли отнести к людям компьютер, способный рассуждать и думать, как человек? Является ли человеком человеческий клон?

– Хотите анекдот? Вот слово «Адам». На иврите оно пишется ADM, эти три буквы соответствуют цифре 45. Этой же цифре соответствуют ивритские буквы М и Н. «Ма?» на иврите значит «что?» Можно считать, что древние евреи заложили в слово «Адам» современные вопросы: «Что есть человек?», «Возможно ли определить человека?» Еще в далекой древности они понимали, что определение человека станет в будущем узловой проблемой.

Лукреция Немрод перешла к тому, что считала узловой проблемой она сама.

– Как вы думаете, мог профессор Аджемьян сделать новое открытие касательно происхождения человека?

Макфиддл думал, что да, мог, учитывая то, в каком поразительном возбуждении он провел конец своей жизни. Конечно, он сыпал нелепыми теориями, совершенно незнакомыми начальнику палеонтологической экспедиции, но ведь и сам он, Макфиддл, отстаивает кое-какие теории, считаемые рядом специалистов, мягко говоря, экстравагантными...

Рыжий великан плеснул себе изрядную дозу выдержанного виски «Гленливет». Лукреция торопливо открыла свой блокнот на чистой странице.

– Не будем перебирать все, остановимся на одной, очень меня

влекущей, – о водном прошлом человечества.

Журналистка записала: «Теория происхождения человека из водной среды».

– Эта теория гласит, что человек в буквальном смысле вышел из воды. Значит, мы в свое время были... скажем, «морскими приматами». Или, если так вам больше нравится, «гуманоидными рыбами».

Довольный эффектом, произведенным обоими неслыханными терминами, он хлебнул своего крепкого напитка и посмотрел на хмурящееся небо.

– В пользу этой теории говорит то, что дельфины вернулись жить в водную среду. Они нас обгоняют, мы всего лишь следуем за ними.

– Дельфины вернулись в воду? – переспросила Лукреция, быстро переворачивая страницу.

– Как, для вас это новость? Пятьдесят миллионов лет назад дельфины вышли на сушу и стали сухопутными животными. Они смахивали, наверное, на больших тюленей или даже на таких гладких обезьян. А потом по неведомым причинам они решили вернуться в море.

Исидор Каценберг покивал, показывая, что не впервые слышит эти удивительные вещи.

– Почему же эти сухопутные млекопитающие снова ушли под воду?

– Возможно, причина в том, что вода – среда, где можно передвигаться во всех плоскостях, тогда как на суше действует сила тяжести, там можно перемещаться только по горизонтали, – предположил толстяк-журналист, добавляя к своей внушительной массе дополнительную жидкость в виде чая.

– Вы правы. В воде исчезают проблемы осадков и температуры. Не нужна одежда, укрытие, оружие. Вода – потрясающая среда обитания. Она и воздух, и укрытие, и одежда. И дождь, и пища, и питье. Мы были рыбами. Давайте посмотрим на себя. У нас гладкая кожа, лишенная густой шерсти, – затем, вероятно, чтобы скользить в воде. Уши у нас по бокам головы, а не на макушке, как у кошек. Наверное, это наследство далеких предков. Фаланги пальцев у нас на ногах на две трети соединены кожей – это ведь рудименты былых плавников!

Желая убедить своих слушателей, Джеймс Макфиддл показал им фотографии младенцев.

– Если опустить новорожденного в воду, лишь только он покинул материнское чрево, он сможет там находиться без всяких проблем. Он обладает плавательным инстинктом.

На это Исидор возразил, что достаточно взять новорожденного за

ножки и пошлепать, как он мигом перейдет из стадии рыбы в стадию млекопитающего, дышащего атмосферным воздухом.

– Вот именно, здесь важный нюанс! Мы отодвигаем его инстинкты, вызываем шлепаньем первый плач. Первое насилие! Мы заставляем рыбу помимо ее воли эволюционировать в сухопутное млекопитающее.

Небо еще сильнее нахмурилось, и шотландец сильнее отвернул фитиль керосиновой лампы. Приподнявшийся огонек высветил у него за спиной трофеи подводной охоты. Вероятно, палеонтолог черпал свои убеждения в погружениях у берегов Занзибара по выходным дням.

– Я верю, что мы вышли из воды, и считаю, что мы туда вернемся, – добавил он. – Хотите вдохновляющую подробность? Насчитывается все больше лысых мужчин. Наши носы укорачиваются. Мы становимся все более аэродинамичными. Это постепенная подготовка к предстоящей метаморфозе – переселению в наш подводный дом.

Журналисты медленно переваривали эту поразительную теорию.

– Тогда библейский Эдем – это океан? – пискнула Лукреция.

– Есть одна проблема: отсутствие доказательств, окаменелых останков, – напомнил Исидор.

– Пойди выуди окаменелости с океанского дня! Но благодаря новейшим батискафам эта проблема будет решена. Уверен, рано или поздно будет найдена обезьяна с плавниками, она и окажется истинным недостающим звеном. Вероятно, она будет похожа на ламантинов – странных созданий, которых моряки Улисса принимали за сирен. Между прочим, нашими истинными предками могут оказаться именно ламантины.

Он покопался в коробке и достал книгу мифов.

– Об этом всегда толковали все древние мифы. У вавилонян океан – прародитель мира, из него вышла божественная пара: Абзу, пресная вода, и Тиамат, соленая вода. Их союз даровал жизнь Лахму и Лахаму, двух первым протолюдям. У ассирийцев человек вышел из Намму, безбрежного моря. У индуистов в молочном океане зародились змей вечности Ананда и черепаха Вишну, держащая на себе мир; вместе они взбаламутили море, что привело к появлению человека. У японцев Изанаги и Изанамии, мужество и женственность, спустились с радуги, произвели на свет младенца-пиявку и выпустили его в океан.

– Не на это ли намекает миф об Атлантиде? – подсказала Лукреция.

– Во всяком случае, на это намекает миф о Потопе. Человек, спасенный из воды.

В этот самый момент с небес на землю обрушился грозивший библейским потопом ливень. Он лупил по крыше, как молотом, небо

трескалось от раскатов грома.

– Не обращайтесь внимания, заурядная тропическая гроза, здесь это обычное дело, глазом не успеете моргнуть, как опять засияет солнце, – заявил гостеприимный хозяин дома, перекрикивая небесную стихию, норовившую обрушить небо на землю, и оглушительный, как из пушки, шум усиливавшегося ливня.

Исидор Каценберг сменил тему и заговорил о профессоре Аджемьяне. Не обращая внимания на шум дождя, он поведал об их расследовании и завершил рассказ эпизодом с похищением колбасницы Элюан.

Этот отчет заинтересовал Джеймса Макфиддла. Он тоже не мог представить, чтобы настоящая обезьяна демонстрировала такие изощренные навыки, и склонялся к мысли, что кто-то из сторонников Аджемьяна попытался таким способом заставить упорную женщину признать правоту взглядов покойного.

Он взял с полки географическую карту и показал гостям место, где профессор Аджемьян, по его мнению, проводил свои последние раскопки, – Северный Лаэтоли, одно из ответвлений ущелья Олдувай.

Происходившее снаружи уже нельзя было назвать грозой: на бунгало обрушился форменный потоп.

– Не волнуйтесь, дом крепкий, устоит, – заверил гостей палеонтолог в тот самый момент, когда под его ногами раздался сухой треск.

Сваи не выдержали напора потоков воды. Сначала неспешно, потом с поразительной скоростью стены домика ушли во вздыбившуюся землю, превратившуюся в сокрушающий все на своем пути грязевой поток. Профессор Макфиддл успел спасти всего несколько ценных предметов и несколько драгоценных окаменелостей, после чего выскочил следом за напуганными гостями из дома, превратившегося в утлый челн, терпящий крушение в шторм.

Вокруг стоически переживали шторм под кусками целлофана его студенты.

Исидор Каценберг не справился с приступом смеха.

– Что вас так развеселило? – напустилась на него Лукреция.

Весельчак был сейчас похож на раскормленного мальчишку, оценившего хорошую шутку.

– Чувством юмора обладает не только наша обезьяна. Случай тоже горазд шутить. Или даже сам Бог, если Он существует. Вы не находите странным, что у того, кто провозглашает водное спасение, тонет дом? Более того, этот дом, канувший в грязь, сохранится как окаменелость, на благо грядущих поколений. Не потешно ли, что сам палеонтолог близок к

превращению в палеонтологический экспонат?

Стоявший рядом с ним Макфиддл провожал глазами уходивший в землю дымоход своего дома, как капитан парохода, похоронивший в океане грязи свое судно вместе с трубой.

Исидор Каценберг не удержался и от эпитафии:

– Быть может, через десятки столетий наши дальние потомки извлекут на свет это жилище вместе с мебелью и всем инвентарем, типичными артефактами человеческой цивилизации конца второго тысячелетия новой эры, и зададутся недоуменным вопросом: «Для чего все это могло понадобиться?»

7. Бабуины

Они идут по равнине на север. Доминантные самцы находятся на флангах для защиты стаи. Им не хочется снова проморгать львиный прайд.

Внезапно впереди начинают маячить темные фигуры.

Это старые знакомцы – бабуины.

Подобно стае, они образуют длинную цепь, давая ей понять, что дальше хода нет, надо поворачивать назад.

По знаку вожака стаи доминантные самцы собираются в авангарде, вокруг него. В такой момент все самцы забывают о вражде, они спланиваются против общего врага.

Вожак бабуинов поступает так же. Бабуины многочисленнее, но члены стаи крупнее и сильнее.

В обоих лагерях раздаются голоса самок: они кричат, подбадривая самцов, и хлещут себя по щекам.

Вожак бабуинов выбегает вперед, показывает зубы и рычит. За его спиной усердствуют самцы: они ерошат на спинах шерсть, чтобы казаться крупнее, подпрыгивают на месте и делают угрожающие жесты.

Вожак стаи перекрывает рык вожака бабуинов своим рыком, ему вторят соплеменники.

Ему нравится сплоченность стаи в такие критические моменты. Громко рычать вместе с остальными – большое наслаждение.

Напряжение взлетает до облаков. Все разом смолкают. Враждебные отряды меряют друг друга взглядами.

ОН исполнен готовности воевать. Сердце бьется ускоренно. Кровь переливается из пищеварительной системы в мышцы и в мозг. Дыхание учащается, становится глубже. Шерсть встает дыбом, увеличивая доступ воздуха к коже, выступает пот, чтобы охладить кожу в пылу боя.

Вожак бабуинов подпрыгивает на месте, визжит, скалит зубы, молотит себя кулаками в грудь, кружится по своей оси, демонстрируя все признаки неумной ярости. Впечатляюще!

Этот трюк всем знаком. Неприятель пытается выиграть бой одним запугиванием. Но надо ведь учитывать и таланты вожака стаи: он делает все то же самое, да еще и громкоподобно портит воздух. Тогда возмущенный вождь бабуинов мочится в их сторону.

Несмыслимое оскорбление! Но вождь стаи еще не сказал своего последнего слова. Схватив палку, он колотит ею по земле, словно намерен

разбудить всю планету, чтобы сделать ее свидетелем такого скандала.

Вожак бабуинов тоже впечатлен, но не оставляет своей затеи. Он еще сильнее ерошит шерсть, его налитые злобой глаза вертятся сразу во все стороны, дышит он так надсадно, что закашливается. Он царапает землю, поднимая клубы пыли и посыпая себе ею голову. Он кричит уже как от боли, утолить которую способна только смерть недруга. После завершения этого представления он ждет, что выкинет тот. Вожак стаи, в свою очередь, перехватывает свою палку, ударяет себя по колену и ломает палку надвое.

Это опасный прием в тактике устрашения. Многие вожаки, бравшиеся ломать о колено палки, оставались калеками, так их и не переломив.

Тут весь фокус в том, чтобы сразу подобрать правильную – изъеденную внутри паразитом – деревяшку.

Даже мимолетного колебания вожака бабуинов довольно, чтобы его соплеменников охватило сомнение. Это сразу переворачивает ситуацию. Самцы бабуинов чуть заметно пятятся. Потом их отход становится заметнее. Чувствуя, что теряет поддержку, вождь бабуинов утрачивает уверенность. Он все еще показывает зубы, но уже неубедительно.

Необходимо воспользоваться этим без промедления. Вожак стаи выпрямляется на задних лапах, барабанит себя в грудь и издает долгий страшный крик. Это призыв к атаке, но атаковать смысла нет. Кое-кто из бабуинов готов к сопротивлению, но преобладают трусы, а оставшимся в меньшинстве нет резона изображать геройское самопожертвование. Отход превращается в отступление, отступление в бегство, бегство в полный разгром.

Самцы стаи преследуют бабуинов. Теперь охотники – они. Они хватают нескольких стариков, больных, детей, оказавшихся недостаточно проворными, – отличный выйдет ужин. После долгого пути, в преддверии долгой дороги, важно пополнить запас белка.

Из вражеских трупов вырастает целая гора.

Дело сделано, бою конец.

ОН горд своей стаей. Она одержала победу. Вожак умеет исполнять успешные танцы устрашения. Самки тоже горазды с пользой голосить.

Вожак стаи поощрительно скребет ЕМУ голову и предлагает кусок селезенки бабуина. Среди доминантных самцов отказываться от угощения не принято.

8. В Олдувай

Исидор Каценберг и Лукреция Немрод ехали уже несколько часов, устали и очень проголодались. Макфиддл одолжил им джип и снабдил карандашной схемой района. Они знали, что путь в ущелье Олдувай будет долгим и утомительным.

Оставив слева деревню Найбардад, они остановились у придорожной забегаловки под названием «На краю света».

Обстановка внутри была мрачной и наводила на подозрение. Видимо, здесь часто завершался путь многих утомленных героев, задохнувшихся в алкогольных парах. Из стереоколонок грохотала рок-композиция Ван Халена «Извержение».

В углу торговались трое – два киношника и организатор съемок документальных лент про животных. Последний предлагал за 50 тысяч франков изготовить ролик про льва, заваливающего газель. Животных предполагалось поместить в треугольный загон, сбежать откуда у газели не было бы ни малейшей возможности; камера работала бы в самой гуще кровопролитных событий. Газели заранее ввели бы небольшую дозу усыпляющего средства, дабы не носилась слишком быстро. Благодаря тесноте в загоне камера запечатлела бы в замедленном режиме – и по умеренному тарифу – превосходные эпизоды кровавой расправы.

Один киношник высказал второму предположение, что проще было бы, возможно, заснять настоящих диких зверей на воле. Из ответа следовало, что это было бы сопряжено с многонедельным ожиданием сцены умерщвления.

– Таким способом снимаются все документальные ленты, – подытожил организатор, предлагавший арендовать загон, – иначе публика не могла бы любоваться замедленной съемкой. Пленку жалко!

Чуть подальше шайка браконьеров опорожняла мешки с лапками крокодильчиков, предназначенными для изготовления столь ценимых туристами брелоков для ключей. У туземцев слева разгорелась игра в Awale, справа другие туземцы бурно обсуждали политику США в Юго-Восточной Азии, о которой узнали из старых газет, использовавшихся как обертка для рыбы.

Журналисты присели за засаленный столик чуть в стороне. Хозяин заведения, представитель племени кикуйю, носил толстые очки и небольшой фартук, не прикрывавший худые икры и грубые шлепанцы. Он

перечислил клиентам подозрительные названия блюд. Догадавшись на основании витавших в забегаловке запахов, что «сюпрем из дичи» сварганен из валяющихся вдоль дороги дохлых грифов, «рыбное филе в сухарях» – на самом деле жареная змея, а за «кроликом» скрываются останки бродячей собаки, те ограничились теплым пивом местной марки Castle Lager, поданным хозяином в липких бокалах. Пивом были запиты таблетки «Нивахинина» – средства для окисления крови, применяемого от малярии. Озверевшая от голода Лукреция все же отважилась заказать еду – кашу из вареной кукурузы «угали», к которой прилагались куски мяса неясного происхождения (оставленные нетронутыми) и нарезанные размороженные овощи. Исидор не устоял перед спагетти с танзанийским чеддером и бананами.

Рядом примостились два пастуха из племени барабаиг, приведшие с собой козу. На их телах красовались следы побоев. Это маленькое племя из округа Хананг служило излюбленной мишенью для танзанийской полиции, пользовавшейся любым предлогом, чтобы конфисковать их нехитрое имущество и обложить их штрафом.

Хозяин-кикуйю, опасавшийся неприятностей, попросил пастухов поесть быстрее и не задерживаться за столом, что те и сделали.

Исидор Каценберг показал хозяину фотографию Софи Элюан, которую прихватил в офисе колбасного завода. Не видел ли тот случайно эту женщину? Каково же было изумление насытившихся репортеров, когда в ответ они слышали:

– Конечно, это Софи Элюан. Ее здесь хорошо знают. Она иногда приезжала с мужем, профессором Аджемьяном, на раскопки. Здесь так мало белых, которые не охотятся, что поневоле обращаешь на таких внимание.

Некоторые слова кикуйю произносил с причмокиванием и цоканьем, как принято в некоторых туземных диалектах.

Услышав, что женщина побывала «На краю света» всего два дня назад, журналисты чуть не упали с табуретов.

– Наверное, она была не одна? – предположил Исидор. – С ней был мужчина, похоже, ее давний друг, они очень спешили, при них было много экспедиционного снаряжения и, возможно, инвентарь для раскопок?

Хозяин забегаловки поинтересовался, почему посетитель задает ему эти вопросы, если уже знает все ответы.

– Нет, не все. Мне неизвестно имя мужчины.

Хозяин забегаловки заколебался. Исидор показал краешек пачки купюр в десять тысяч танзанийских шиллингов каждая. Тогда кикуйю

водрузился на шаткий табурет напротив журналистов. Он был так тщедушен, что выглядел оголодавшим ребенком за столом взрослых – но с лицом много повидавшего человека. Он наложил лапу на деньги.

– Его зовут Анджело Ринцули, но он лучше известен как Порно-Тарзан.

По словам кикую, итальянский актер прибыл в эти края для съемок во франко-итало-венгро-болгарской малобюджетной поделке категории Z, в сущности, вольного ремейка «Тарзана, принца джунглей». Назывался фильм «Тарзан против Фрейда». Анджело Ринцули пригласили сниматься по той причине, что внешне, избыточной волосатостью и перебитым носом, он сильно смахивал на гориллу. В свое время он засветился в характерной порнографической продукции, например в «Двадцати тысячах дедушках под бабушкой» и в «Белопопке и семи гомах».

Главную женскую роль в «Тарзане против Фрейда» предложили Стефании Дель Дука, подлинной знаменитости эпохи, прославившейся прежде всего силиконовыми грудями, спроектированными знаменитым автодизайнером, и накачанными губами – плодом вдохновения дизайнера спальных подушек. С тех пор актриса занялась телевизионными продажами, она убедительно расхваливала всевозможные ненужные предметы, прельщая своими достоинствами разомлевших телезрителей.

Хозяин забегаловки был отлично осведомлен о перипетиях съемок «Тарзана против Фрейда», потому что тоже имел отношение к киноиндустрии: мелькнул в эпизоде картины, сыграв царя пигмеев Бонго. Для кикую, даже малорослого, было оскорбительно играть пигмеем, и теперь он жалел, что согласился: то ли дело, если бы его позвали на роль Фрейда! Вот это было бы настоящее творчество, вызов и победа! Увы, продюсеры, как всегда, пошли проторенным путем: Фрейда у них изображал старый алкоголик, царя пигмеев – благородный кикую, Тарзана – тип с замашками питекантропа, Джейн – силиконовая итальянка.

Трактирщик даже сплюнул от досады.

– Если бы режиссером был Феллини, Фрейда сыграл бы я. Я бы и в Джейн перевоплотился. Но когда у людей такое скудное воображение, фиаско обеспечено.

– Что, фильм провалился в прокате? – осведомилась Лукреция.

Хозяин забегаловки с сожалением поведал, что продюсер запустил весь проект с единственной целью – переспать со Стефанией Дель Дука. Добившись своего, то есть уже на третий день съемок, он утратил интерес к фильму. Бросив труппу, он отправился со звездой в кенийское сафари. Что до Анджело Ринцули, то ходили слухи, что, увлекшись трюками в воде

и возней с резиновым крокодилом, он не заметил бегства оператора, ассистента режиссера и звукооператора. Когда бедняга вылез наконец из воды, то обнаружил пропажу своих часов и даже обуви. Ему оставили только набедренную повязку из нейлона, подражавшую леопардовой шкуре.

Анджело так упал духом, что решил остаться в джунглях, вдали от предавших его людей, околдованный девственной Африкой. Мало-помалу, прямо как сказочный Тарзан, он научился жить среди зверей, а те научились его терпеть. Ринцули развлекал их, мастерски копируя человеческие повадки.

– Какой изгиб актерской судьбы! Сыграв человека-обезьяну и не добившись признания у двуногой публики, он завоевал успех у четвероногих, изображая человека-обезьяну перед обезьянами.

В конце концов слава артиста вышла из лесной чащи. Весь буш заговорил об отощавшем, ловком, как обезьяна, белом, поселившемся на дереве. Его пригласил заезжий бродячий цирк из Франции. Он вызывал взрывы хохота под шатром шапито, когда, пародируя стриптиз, сбрасывал обезьянью шкуру и обнажал свое человеческое естество. Затем он принимался скакать по трапециям, издавая крик бабуина. Под несмолкающие аплодисменты он добрался вместе с цирком до столицы Танзании Дар-эс-Салама, затем объявился вместе с караваном во Франции. Там он заделался преподавателем воздушной акробатики, но его школа прогорела, и он стал безработным. Тогда Софи Элюан, одна из его лучших учениц, познакомила его с профессором Аджемьяном, а тот взял его разнорабочим к себе на палеонтологические раскопки.

– Привет тебе, специалист по прыжкам с ветки на ветку... – пробормотала Лукреция Немрод.

Хозяин забегаловки оказался неумолчным болтуном: начав рассказывать, уже не мог остановиться. Обретя внимательных слушателей, он старался их не разочаровывать и говорил не умолкая. Заинтригованные интересом, проявленным к кукуйю двоими белыми, к ним подобрались несколько посетителей на разных стадиях истощения, с сигаретой в углу рта и со стаканом в руке, чтобы тоже приобщиться к богатой биографии Анджело Ринцули.

– Для палеонтолога актер стал ценным приобретением, так как знал джунгли лучше любого местного. Сначала ученый, его жена и актер появлялись здесь регулярно. Но вот уже год как стали приезжать только мужчины, без своей женщины. Под конец Аджемьян впал в настоящее исступление: он решил, что наткнулся на небывалое сокровище.

– Недавно профессора Аджемьяна убили в Париже, – уведомил рассказчика Исидор.

Кикуйю отхлебнул пива и изрек:

– У нашего народа есть поговорка: «У всякого сокровища есть своя цена».

– Речь не о богатстве, а всего лишь об ответе на вопрос «откуда мы взялись».

Хозяин и его клиенты, обсевшие стол, дружно расхохотались. Дождавшись, пока уляжется веселье, хозяин уверенно произнес:

– Лично я точно знаю, откуда произошел человек.

– Даже так?..

Хозяин принес из бара пыльную желтую бутылку спиртного, в которой плавалдохлый скорпион. Он плеснул этого пойла журналистам, которые не посмели отказаться, хотя пойло издавало такой резкий запах формалина, что даже поднести его ко рту было, видимо, опасно для жизни.

Разговорчивый хозяин уселся, Лукреция Немрод вооружилась блокнотом.

По мнению трактирщика, ученые все поставили с ног на голову. Не обезьяна превратилась в человека, а человек в обезьяну. Для этого явления у него имелось название – «инволюция».

По словам кикуйю, в давние времена люди кишели повсюду. Потом некоторые додумались, что ходить на двух ногах, драться палицами и одеваться в звериные шкуры глупо. Началась эволюция в направлении обезьян. Удлинились лица, двуногость сменилась четвероногостью, добавившей прочности. Они снова заселили деревья, высота которых служит защитой от хищников. Короче говоря, они снова обрели счастье в более простой, естественной жизни.

– Вот доказательство такого изменения: ученые откапывают скелеты предков людей, но никогда – НИКОГДА – им не попадаются скелеты предков горилл и шимпанзе. Кикуйю давно это смекнули, для них будущее – это снова стать обезьянами. Очень показательна в этом смысле форма человеческого лица. У человека, даже взрослого, такое же плоское лицо, как у детенышей обезьян, тогда как у взрослых приматов лица вытягиваются вперед. Таким образом, люди – вид, претерпевающий не эволюцию, а инволюцию.

Все бросились комментировать странную теорию. Один из браконьеров-убийц новорожденных крокодильчиков похлопал по спине своего коллегу.

– Я слышал хороший анекдот о происхождении человека. Адам

смертельно скучает в райском саду и хочет женщину. Господь говорит: так и быть, сделаю тебе бабу, получится – пальчики оближешь: красота, доброта, ум и утонченность. Для этой цели Он требует у Адама глаз, руку, четыре пальца и правое колено. Подумав, Адам отвечает: «А что я получу за одно ребро?»

Общий хохот.

– Инволюция – удачный термин, – сказала Лукреция, пропуская мимо ушей анекдот, и записала это слово в блокнот.

Хозяин опрокинул свою сивуху одним глотком.

– Я смотрел в Европе фильм «Планета обезьян». Я не все понял, но там показано, что когда-нибудь люди снова станут умными, изящными и проворными обезьянами.

9. Изящество и проворство

ОН забирается на ветви. По пути ОН делает кульбиты ради ощущения полета.

Свой позвоночник ОН представляет лианой, собирающейся и снова расправляющейся для лучшего равновесия его центра тяжести.

Снизу за ним восхищенно наблюдают дети.

ОН довольно покрикивает, потом показывает им, что они смогут делать, когда вырастут, закладывает мертвую петлю, камнем падает вниз и только в самый последний момент хватается за ветку. Дети вне себя от радости.

ОН забавляется. Жизнь – это не только еда, убийство других и собственная смерть. Можно и поиграть.

10. Игра в три камешка

Хозяин забегаловки из народа кикуйю показал им, в какую сторону подались Анджело Ринцули и Софи Элюан, но когда они собрались уезжать, оказалось, что у них спустило левое переднее колесо. Запаска тоже оказалась пробитой.

Исидор Каценберг ринулся в забегаловку, где потребовал неведомо у кого целую шину или по крайней мере заплатку. Ответом ему стали дружные смешки. Все эти люди выросли с твердым знанием, что целые шины и резиновые заплатки – исключительная редкость. Тот, кто их имеет, не пожелает расстаться с этим богатством ни за какие сокровища мира.

– Лично я не прочь отдать вам свое запасное колесо, – подал голос поставщик лапок крокодилчиков для брелоков, – вот только не уверен, что вас устроит мой тариф.

Толстяк подошел к нему.

– Что ты просишь?

Браконьер указал подбородком на Лукрецию.

– Девушку. Моя покрышка в обмен на час ласк твоей девушки. Целые покрышки – редкость, красивые девушки тоже. По-моему, это честная сделка.

Присутствующие поддержали его логику. Кикуйю показал жестом, что придерживается того же мнения. Лукреция уже была готова идти дальше пешком, но спутник удержал ее и сказал браконьеру:

– У меня другое предложение – игра. Победивший заберет желаемое.

Журналистка споткнулась, решив, что ослышалась.

– Покер? Дротики? Пятнашки? – спросил удивленный браконьер.

– Нет, «три камешка».

Все приподняли брови. О такой игре «На краю света» слышали впервые.

Исидор Каценберг объяснил правила. Каждый из двух игроков берет три камешка и прячет за спиной. По сигналу каждый протягивает правый кулак, в нем один, два, три камешка или ничего. Игроки угадывают по очереди, варианты от нуля до шести, по общему количеству камней. Потом оба разжимают кулаки и проверяют, кто угадал. Если никто, все повторяется. Угадавший выбрасывает один камешек.

Выигрывает тот, кто три раза назвал правильную цифру и выбросил свои три камешка.

Браконьер оценивающе оглядел снова усевшуюся Лукрецию.

– Идет. Выигрываешь ты – покрышка твоя. Выигрываю я – девушка моя.

– Ни за что! – отрезала Лукреция.

Раздались сальные смешки, но Исидор заявил, что находит условия справедливыми.

– Вы с ума сошли! – заорала Лукреция. – Этот тип совершенно не в моем вкусе.

Тип потянулся к ней и погладил ее по рыжей голове.

– Перестань отзываться обо мне пренебрежительно, может статься, нам суждено лучше узнать друг друга. Лучше называй меня по имени – Джордж.

– Без покрышки нам придется тащиться пешком многие километры, – шепотом напомнил Исидор спутнице.

– Только через мой труп! – уперлась девушка. – Не станете же вы меня...

– Доверьтесь мне. Помните? «Видеть, понимать, молчать».

Лукреция глянула на браконьера, уже косившего глаз и мокро облизовавшегося в предвкушении удовольствия. За окном темнели джунгли; она сказала себе, что и впрямь неразумно было бы продолжать путь на своих двоих, и через силу изобразила энтузиазм.

– Она согласна! – объявил Исидор.

Ответом стало радостное «ура!» Все посетители забегаловки сгруппировались вокруг двух игроков. Были торжественно принесены три белых и три черных камня, подобранные у дверей «Края света». Игроки спрятали руки за спину и по сигналу хозяина заведения выставили правые кулаки.

Журналист прикинул, сколько камней прячет в кулаке противник, и добавил к этой цифре количество камней в своем кулаке.

– Четыре, – сказал он.

– Могу я тоже сказать «четыре»? – спросил Джордж.

– Нет, это как с местом на парковке. Первый, назвавший цифру, занимает место. Второй должен назвать другую.

– Ну, тогда «три», – сказал браконьер.

Оба разжали кулаки. Джордж угадал: у него был один черный камень, у Исидора – два белых. Ужасно гордый собой, Джордж положил свой черный камень на стол, и игра продолжилась.

– Выигравший говорит первым, – сказал противнику Исидор, – тогда он оказывается в слегка проигрышном положении, потому что отчасти раскрывает свою игру.

Они долго мерили друг друга взглядами, пытаясь проникнуть сквозь заслон чужой радужной оболочки и прочесть написанную в мозгу цифру.

– Пять! – решился убийца маленьких крокодилчиков.

– Четыре, – произнес толстый журналист.

Оба разжали кулаки: у Исидора оказалось три камня, у браконьера два, в сумме пять. Забегаловка приветствовала своего победителя. Очарованный трактирщик изъявил желание устроить в своем гадюшнике чемпионат по «трем камешкам» для привлечения клиентуры.

Браконьер положил на землю второй камень и плотоядно взглянул на Лукрецию.

– Если я выиграю, ты не пожалеешь, цыпочка.

Девушка, немного волнуясь, сказала на ухо своему спутнику:

– Пора прибегнуть к вашему трюку.

– Никаких трюков! В этой игре невозможно жульничать.

– Что?! – Она не поверила своим ушам.

Не обращая внимания на ее гневный взгляд, Исидор продолжил:

– В этом и заключается весь интерес игры в «три камешка». В ней нужен здравый смысл, подсчет вероятностей, телепатия. Интуиция, наблюдательность. И при всем том в ней любой может обыграть любого. Это даже не вопрос умственного превосходства.

– Зачем тогда в нее играть? Хватит придуливаться! Назовите мне трюк, при помощи которого вы намерены выиграть.

– Трюк называется «уверенность в себе».

Сказав это, Исидор снова сосредоточился.

Глаза браконьера сияли. Исидор постарался выбросить из головы две свои неудачи и сконцентрироваться на новой партии. У обоих игроков промелькнула одна и та же мысль: «Он думает, что я думаю, что он думает, что я думаю, что он сыграет так-то, а я так и сыграю».

В третий раз они вытянули кулаки.

– Два! – довольно сказал Джордж.

– Один! – ответил Исидор.

Они разжали кулаки. У браконьера оказался один камень, у Исидора ни одного. Забегаловка ахнула.

Журналист положил перед Лукрецией белый камень. В игре осталось в общей сложности три камня: один у Джорджа, два у Исидора. Браконьер смекнул, что больше камней – это больше возможностей выбора между комбинациями. Недавний проигрывающий приобрел фору. С другой стороны, Джордж знал, что теперь ему хватит всего одной победы, чтобы возобладать в матче, тогда как его противник нуждался в двух. Он крепко

зажмурился: «Он думает, что я думаю, что он думает, что я думаю, что он думает...»

Два кулака. Два работающих на полную катушку мозга.

– Ноль, – сказал Исидор.

Джордж скорчил удивленную гримасу. Этим «нолем» противник раскрывал свою игру и сильно рисковал.

– Один, – ответил он, надеясь, что тот блефует.

Оба разжали кулаки и показали друг другу пустые ладони.

Дыхание Лукреции участилось. Теперь у игроков осталось по одному камню. Они смерили друг друга взглядом. Исидор по-прежнему демонстрировал небрежность, в отличие от браконьера, погрузившегося в сложные подсчеты, от которых у него уже раскалывалась голова: «Он думает, что я думаю, что он думает, что я думаю, что он думает, что я думаю, что он думает, что я поверю, что у него...» Он впился взглядом в глаза Исидора, как будто с намерением отгадать шифр и отпереть замок.

На лбу у него выступил пот, он смахнул его тыльной стороной ладони. Его глаза блеснули еще ярче. Оба вспоминали поведение друг друга в прошлых партиях и пытались на этом основании предугадать поведение в последнем, решающем поединке.

Зрители перестали дышать. Лукреция кусала губы. По спине Исидора гуляло маленькое черное насекомое, но ему было не до него. Комар, запищавший над ухом у Джорджа, поплатился жизнью за свою неосторожность. Кто-то харкнул на землю. Хозяин напомнил, что первым должен сказать свое слово победитель прошлой партии – Исидор.

Тот не спешил. Ему нельзя было ошибиться с тем, что зажать в правой руке.

По сигналу кикую оба выбросили кулаки.

Время остановилось. От тишины лопались барабанные перепонки. Неподвижность была безупречной, как на фотографии. Секунды цеплялись одна за другую. Наконец Исидор сказал свое слово:

– Ноль.

Зрители зашаркали ногами. Исидор сильно рисковал, ведь он признался, что его кулак пуст.

Лицо браконьера посинело.

– Сейчас принесу покрывку, – проговорил он, не называя цифру. Не рискнув тоже сказать «ноль», он разжал кулак и пожал руку победителю.

Лукреция бросилась тому на шею.

– Ну и задали вы мне жару! Это ваше «двойное зеро» было страшным риском!

Одни клиенты забегаловки искренне поздравляли толстяка, хлопая его по спине, другие уже запасались камнями, полюбив игру и собираясь в нее сыграть.

– Можно играть и вдвоем, и вчетвером, – сообщил Исидор всем сразу. – У каждого три камешка, правила те же. Когда играют трое, надо давать ответ от нуля до девяти.

– А теперь признайтесь, как вы сумели выиграть? – спросила Лукреция, прыгая на месте от приятного возбуждения.

Объяснение сводилось к тому, что, оказавшись на грани проигрыша, Исидор кардинально поменял стратегию. Сначала он думал – и уступал сопернику, думавшему меньше. Чтобы над ним возобладать, нужно было вообще перестать думать. Последний удар он нанес совершенно наугад.

По мнению Исидора, над Лукрецией не нависало никакого риска, потому что по мере понимания простоты и тонкости игры Джордж стал думать. Система же игры гласит, что чем игрок умнее, тем более предсказуем.

Лукреция не вполне признала надежность метода, но вынуждена была согласиться, что он работает.

Вокруг них переходили из рук в руки деньги: поставившие на Джорджа расплачивались с поставившими на Исидора.

Как и подобает честному игроку, браконьер принес им покрывало.

– Я знал, что твоя рука пуста. Ты выиграл просто потому, что говорил первым, – сказал Джордж, еще не отошедший от потрясения.

– Если ты предвидел, что я объявлю ноль, то почему не взял камень в другую руку? Тогда ты победил бы.

Эта фраза повергла браконьера в ступор. Действительно, почему? Напарник подтолкнул его, напомнив, что пора вернуться к крокодильей охоте, но охота почему-то теперь интересовала его немного меньше. Сейчас им владел вопрос, почему он выбросил пустой кулак. Ведь если бы на ноль Исидора он ответил бы «один», то вышел бы победителем!

В забегаловке «На краю света» игра в «три камешка» была обречена на то, чтобы войти в легенду. Заезжая парочка ненароком вписала в историю Танзании – если не всей страны, то ее уголка – свежую главу. Пройдут годы, а все будут по-прежнему ее славить, расцвечивая описаниями тучности и уродства журналиста и прелестей его спутницы, героини мужских грез. Каждый рассказчик станет сочинять свои пикантные подробности. Некоторые договорятся до того, что ответы репортеру подсказывала залезшая ему на плечо белая ящерица. Другие будут доказывать, что над столом сошлись в эктоплазменном единоборстве

временно покинувшие телесные оболочки души игроков.

Так или иначе, уже в ближайшие дни игра в «три камешка» приобрела поразительную популярность. Многие утверждали, что эта простенькая с виду забава на самом деле превосходит изощренностью шахматы за счет присутствия интенсивного психологического фактора. Ввиду отсутствия денежных ставок в ней, дескать, еще больше блефа с опорой на взгляд и на ум. Кое-кто отдавал предпочтение «камешкам» даже перед японской игрой «го», так как в них столкновение мыслей не нарастает, а происходит жестко, напрямую.

Что до Лукреции и Исидора, то они были уже далеко.

11. Наставник молодежи

ОН уделяет внимание молодежи стаи, побуждая ее внимательно следить за тем, что он станет делать.

Дети не понимают, зачем доминантному самцу с ними играть. Обычно взрослые не обращают на них внимания, и они привыкли их побаиваться. Одна из причин – склонность доминантных самцов лакомиться молодежью стаи в голодное время. Вместо того чтобы следить за тем, что ОН делает, они следят за ним самим. Собственно, его действий им все равно не понять.

Он берет широкий лист, кладет себе на пальцы правой руки, сложенные цилиндром, и хлопает по листу ладонью. Взрыв, изумление юной поросли. Дети радостно кричат, хлопают себя ладошками по макушке. Все шарят вокруг в поисках таких же листьев, чтобы так же взорвались, и повторяют за ним новую игру.

Весь этот шум нервирует вожака стаи. Ему хочется утихомирить разоравшуюся мелюзгу, но беда в том, что она слишком многочисленна. Ему нужна искупительная жертва. Таковой оказывается бывший вожак, дотянувший, невзирая на старость, до этого дня. Раз нельзя урезонить новое поколение, придется отыграться на старом.

Бывший вожак стаи представляет ценность своим умением отличать съедобные травы от несъедобных, однако нынешнему вожаку нужен кто-то, на ком выместить злость.

Слишком он переволновался из-за молнии, чудища в пещере, львиц, войны с бабуинами, и его волнению нужен выход. Вожак навязывает старику единоборство. Тот предпочитает протянуть руку в знак покорности. Дети, интересуясь насилием, главной игрой взрослых, бросают свои листья и хлопки и сбегаются на зрелище.

Вожак стаи гордо расхаживает перед собравшимися зрителями. Старик так и сидит с протянутой рукой, что не мешает вожаку кусать его до крови. Потом он толчком опрокидывает старика на спину и безжалостно колотит сцепленными кулаками, как молотом, пока у бедняги не лопается череп.

ОН в оцепенении глазет на этот всплеск неспровоцированного насилия. Однако от такого поведения есть и польза. Новое преступление теснит в памяти прежние, один ужас прогоняет другой. Вопиющая несправедливость учит непротивлению ударам судьбы. Вожак стаи изобрел у всех на глазах концепцию «козла отпущения». Применение насилия к

невиновному сплачивает коллектив.

Кроме того, это преступление позволяет вожаку напомнить об иерархии в стае: он самый сильный, у него есть право беситься и проявлять несправедливость, все должны его бояться. Приятнее бояться своего вожака, чем леопардов, норовящих сожрать вас во сне.

Вожак без колебания приканчивает своего предшественника. Вскрыв его грудную клетку, он выдирает печень и жадно ее поедает, усугубляя произведенное сильное впечатление.

Таков конец старых вожаков. В этот момент все члены стаи думают: «Когда-нибудь так кончит и он сам – съеденный своим преемником». Эта мысль тоже взбадривает стаю. Никакому хищнику не избежать нападения другого хищника. В природе все продумано.

ЕМУ, к его собственному удивлению, нравится наблюдать это зрелище. ОН спрашивает себя почему и находит ответ. Потому что это укрепляет его в мысли: не нужно стремиться в вожаки.

12. У масаи

Днем они приехали в деревню масаи.

Селение было образовано хижинами из сухой грязи с торчащими наружу телевизионными и даже – у самых богатых – телефонными антеннами. На отшибе находился загон с немногочисленными коровами, безразличными к людскому копошению. Население спокойно бродило между хижинами.

Фигуры великолепных масаи гордо устремлялись ввысь. На мужчинах были красные тоги в клетку, как у представителей шотландских кланов. На женщинах позвякивали серебряные украшения со сложной чеканкой. Внутри хижин, как обнаружили Исидор и Лукреция, сидели на земляном полу телезрители, увлеченно следившие за развитием событий в последней серии американского сериала «Даллас». Мало кто остался равнодушен к пьянству Сью Эллен и его последствиям.

К гостям вышел деревенский голова, он же заведующий местного туристического агентства, он же колдун. Он объяснил, что в совершенстве владеет французским языком, так как раньше работал топ-моделью у знаменитого парижского кутюрье. Теперь он переоделся в костюм своих предков. На шее у него красовалось ожерелье из пустых пивных банок, утяжеленное водопроводным краном.

Бывший манекенщик сообщил, что в этот необыкновенный день деревня празднует обрезание юного воина. Чтобы стать мужчиной, виновник торжества отбыл охотиться на птицу кумумбу с целью последующего изготовления головного убора из ее перьев. После его возвращения должна была начаться церемония, и журналистам было предложено на ней присутствовать.

Тут перед ними вырос сам юнец. Он не разжился перьями кумумбы в нужном для полного головного убора количестве, но его выручили в закуской быстрого питания соседней деревни, снабдив куриными перьями. Вернулся он как раз вовремя, к заключительным титрам «Далласа», после которых масаи повалили из хижин и скопились посередине деревенской площади в предвкушении праздничного ритуала.

Лукреция Немрод и Исидор Каценберг по достоинству оценили раскраску мужчин и женщин, нанесенную поверх ритуальных шрамов. Женщины и молодежь затянули полифоническую песнь.

Начались танцы.

Мужчины, и без того очень рослые, прыгали на месте, не разводя ног и взлетая при каждом прыжке все выше, словно в намерении допрыгнуть до небес и посрамить могучие деревья вокруг.

Деревенский голова, по совместительству колдун, пригласил Исидора и Лукрецию сесть среди празднующих и разделить их трапезу. Мужчины пустили по рукам бутылочную тыкву с густой розовой жидкостью, издававшей отталкивающий запах.

– Мы не убиваем животных и не едим их мясо. Мы пьем их молоко и их кровь, – объяснил вождь.

Когда сосуд достиг Исидора, тот отхлебнул, сдержал гримасу и судорожно проглотил попавшее в рот. Он хотел передать угощение Лукреции, но сосед-воин не позволил: напиток предназначался только для мужчин, женщины пили одно чистое молоко.

Журналисты поинтересовались, как масаи добывают кровь, не убивая скотину. Воин проколол корове шею стрелой на уровне правой яремной вены, и в тыкву ударила струя гемоглобина. Набрав желаемое количество, воин залепил ранку глиной, и мужчины стали передавать друг другу теплое питье.

Охота и убийство животных считались у масаи, племени кочующих пастухов, нечистыми деяниями. Сцены употребления внутрь телятины, которые наблюдала во Франции бывшая топ-модель, повергли ее в шок. Убийство детей – вообще нечто невообразимое! Конечно, в сильную засуху его соплеменникам приходилось убивать скотину, но только больную или старую, ни в коем случае не молодняк: каждое существо имеет право прожить отмеренную ему судьбу по меньшей мере до взрослого состояния.

Издали раздался гул и топот – это двигалось стадо гну. Вождь вытянул шею. Гну было так много, что им приходилось непрерывно перемещаться в поиске пастбищ.

– Куда они идут? – спросила Лукреция.

– На север. Как и люди, они ищут неведомого...

– Как красивый образ это годится, вся штука в том, что люди уже все облазили, – заметил Исидор Каценберг.

– Да, облазили, заплонили, испортили, разрушили. У некоторых наших рождаются странные мысли. Они отказываются заводить детей. Думают, что человеческая порода завершила свой путь и должна теперь сгинуть, уступив место другим животным. Но просто так это не получится. Поэтому своими религиозными церемониями и танцами мы просим у космоса разрешения перестать размножаться.

– Вы хотите перестать размножаться? – удивленно переспросила

Лукреция.

– Да, – подтвердил с улыбкой деревенский голова. – Повеселились, и хватит. Много сделано, пора и честь знать. Время уходить, причем всем. Не только масаи, всем людям.

И он продекламировал:

Как вселенная: после расширения – концентрация.

Как дыхание: после вдоха – выдох.

Как гора: после подъема – спуск.

На площади готовилась вторая часть церемонии обрезания. Участники переоделись в еще более цветастые одеяния. Вождь тем временем спешил поделиться плодами своих размышлений:

– Благодаря белым я многое узнал. Что Земля круглая. Что это она вращается вокруг Солнца, а не Солнце вокруг нее. В детстве, впервые увидев ваши самолеты, я принял их за корабли инопланетян. И выходили из них инопланетяне – настолько вы не похожи на нас. Но потом я узнал, что при всех различиях в цвете кожи, росте, формы носа и губ вы такие же люди, как мы.

– Да, все мы люди, все одинаковые.

Масаи приложил палец к губам.

– А вот и нет, я считаю, что мы, наоборот, очень разные. Нет худшей лжи, чем болтовня о равенстве людей. Нас различают культуры. Где-то детей учат юмору, где-то – ненависти к исконным врагам. Где-то – терпимости, где-то – обращению чужаков в свою веру. Кое-где учат неприятию насилия, а кое-где – навязыванию всеми способами своих взглядов. Здесь, например, у нас куча проблем с танзанийскими властями, которые стремятся отвлечь нас от культа предков и обратить в веру тех, кто наверху. Но мы ведь не пытаемся навязать им нашу веру! Почему бы им не оставить нас в покое?

– Наверное, вы немного упрощаете. Здесь замешана политика, – сказал Исидор.

– Нет, – не согласился деревенский голова, – это вы, люди Запада, всегда все усложняете. Вы тоже плохо образованы. Вы воспитываете своих детей во лжи, причем почти с рождения. Суете младенцам соску, чтобы они принимали кусок пластмассы за материнский сосок, материнское молоко вы подменяете порошковым, синтетическим.

– Это так, мелкое жульничество, – бросила Лукреция.

– Вот как? – вскричал масаи. – А ваши браки? Женясь, вы обещаете: «вместе в радости и в горе, пока смерть не разлучит нас». Но как можно терпеть что-то целых шестьдесят лет? Выросшая продолжительность

жизни сделала брак устаревшим институтом. Когда соединяются наш мужчина и наша женщина, звучат слова: «Вы заключаете брак для горя и для радости... пока вас не разведет отсутствие любви». Так куда логичнее.

Пока они беседовали, в деревню забрели пять гиен, и никто не удосужился их прогнать. Наблюдая за ними, Лукреция заметила тревожную подробность: разросшийся клитор самок легко можно было спутать с пенисом. При этом половая принадлежность самих особей не вызывала сомнений. Теперь журналистка поняла, почему в представлении людей Запада гиена с давних времен была зловредным и страшным зверем. Возвращаясь к сегодняшнему дню, она вынула свой блокнот.

– Что вы думаете о происхождении Вселенной? – спросила она.

– Для меня все это сон, – сказал африканец.

Она записала: «Теория приснившегося человечества».

– Камням снится, что они растения. Растениям снится, что они животные. Животным снится, что они люди. А людям – что они свободные души.

Лукреция не могла не вспомнить теорию эволюции согласно форме цифр, предпочитаемую Исидором.

– Я знаком с одним белым, одержимым происхождением человечества, – продолжил деревенский голова.

– С профессором Аджемьяном? – подсказал Исидор.

– Да, с профессором, – удивленно подтвердил масаи. – Он часто сюда заглядывает.

– Больше не заглянет. Он мертв, убит! – выпалила девушка.

Масаи выдержал удрученную паузу и молвил:

– Жаль! Но раз так, то я, наверное, знаю, кто убийца.

– Кто?!

– Софи Элюан, его бывшая жена. Супруги вечно ссорились и без всякого стеснения выволакивали свои раздоры на всеобщее обозрение. Без конца друг на друга орали. Однажды, прямо здесь, я слышал, как Софи Элюан говорила: «Мне проще тебя убить, чем позволить пропагандировать твою теорию. Здесь замешаны не только мои личные интересы, но и благо всего человечества». Ученый отвечал ей презрительным смехом. Он утверждал, что истина ему важнее самой жизни и что ее, в отличие от людей, никогда не удастся задушить.

Все трое, беседуя, не переставали наблюдать за танцами жителей деревни вокруг костра под стук тамтамов.

– Софи снова сюда вернулась. С другим мужчиной, Анджело Ринцули, – сообщила вождю Лукреция.

Новость как будто не удивила масаи. Он пожал плечами.

– Примчалась вместе с подручным уничтожить все следы трудов мужа.

Праздник тем временем подходил к концу. Женщины еще попели хором, мужчины еще сплясали, а потом все разбрелись по своим жилищам. Свежеобрезанного окружили радостные сверстники. Вождь проводил гостей до хижин, где им предстояло переночевать.

Лукреция пощупала в своей хижине подстилку из веток, травы и листвы, накрытую нейлоновым спальным мешком, и сочла удобной. Через вход в хижину она наблюдала вдалеке висевших на ветвях дерева обезьян; те тоже наблюдали за отходящими ко сну людьми.

Джунгли надрывались мириадами звуков – шорохов, скрипов, писков, визгов. Природа во всем своем великолепии и разнообразии полной, необъятной грудью дышала жизнью.

Девушка не могла не задуматься о том, не жили ли далекие предки, еще не спустившиеся с деревьев, лучше их нынешних потомков.

13. Вожак

Самец получает от вожака удар кулаком. Беспочвенно расправившись с прежним вожаком, нынешний никак не успокоится и колотит самцов во избежание мятежа. Достается и самкам поблизости. Детей он пугает оскаленными зубами. Схватив палку, он что есть силы лупит ею по земле.

Все забиваются в угол. Некоторые принимают позу подчинения, показывая, что не желают оспаривать его положение главаря стаи. Самки встают на четвереньки, задирают зад – поза для случки.

Но ему это неинтересно. Он взвинчен и сам себя подзаводит. Его истерический визг означает: «Вы мне не нужны. Я хочу всех вас поколотить. Не нравится – скатертью дорожка!»

Некоторые не прочь бы убраться, но привыкли к стае, преданы ей. Что может один из стаи сам, в одиночку? Своей эволюцией они обязаны именно коллективной жизни. Все знают, что по одному превратятся в подвижные жертвы для хищников. Весь импровизированный ритуал, разыгранный вождем, призван об этом напомнить. Если им есть кого бояться, то это он.

Постепенно, утомленный своей самоэкзальтацией, он успокаивается, еще разок-другой пинает труп бывшего вожака и в конце концов объявляет, что пора продолжить путь на север.

Все бодро возобновляют движение. Каждый стремится показать вожаку, что усвоил урок. Они никогда не станут оспаривать его власть.

14. Рифт

Журналисты быстро умываются колодезной водой. Исидор Каценберг тайком отдал Лукреции молоко – женскую пищу. Молоко с кровью не казалось ему приемлемым вариантом завтрака.

Было еще очень рано, когда, поблагодарив масаи за сердечный прием, они продолжили путь. Солнце еще не взошло, когда они добрались до Рифта. При слабом свете мерцавших в темно-сиреновом небе звезд они подошли к краю трещины шириной метров в сто, метров в шестьдесят глубиной.

Там, внизу, бежала река.

Они нагнулись и заглянули вниз. Там искрилась бледная серебряная лента. Контраст между темно-сиреновым небом и серебром потока делал картину феерической. Черные деревья со слабо отражающими свет листьями тянули ветви в бесконечном театре теней.

– Вот и Олдувай. Еще недавно это была просто речушка в ущелье, но теперь она раздулась от дождей.

Тишину нарушили не Лукреция с Исидором, а рослый самоуверенный чернокожий, выросший у них за спиной. Одетый по-западному, в рубашку и бежевые брюки, он был вооружен теодолитом землемера. Было еще холодно, из его рта вылетал пар.

– Мельхиор М’ба, – представился он. – Любуйтесь, здесь красивейший восход.

Для вящего наслаждения он достал из багажника своего автомобиля три раскладных кресла и разлил из термоса по стаканчикам ароматный напиток.

– Чай с бергамотом, – объяснил он. – Помогает оценить магию восхода.

Казалось, Мельхиор все предусмотрел, вплоть до появления гостей. Он предложил им одеяла, в которые они поспешили замотаться, чтобы терпеливо ждать назревавшее важное событие.

Вскоре медленно взошедшее над ущельем Олдувай солнце постепенно озарило грандиозную панораму. Под его лучами пробуждалась жизнь, там и сям вспыхивали ослепительные краски, природа во всей ее полноте приходила в движение.

Внизу, в разломе, радостно оживала несчетная фауна: слоны, гиппопотамы, зебры, страусы, реликтовые носороги, чей рог еще не пошел

на изготовление порошка-афродизиака, антилопы гну, гиеновидные собаки, гиены, гепарды, леопарды, львы, буйволы и газели, запрыгавшие, как на пружинах.

«Священное место, – пронеслось в голове у Лукреции. – Возможно, самое священное на свете».

– Здесь родился человек, – молвил Мельхиор, как бы отвечая на ее незаданный вопрос.

Не вызывало сомнения, что первый человек, кем бы он ни был и в чем бы ни заключалась его тайна, появился именно здесь. Исидор подумал, что это место больше любого другого заслуживает прославления. Возвращение в Эдем! Мысленно он уже организовывал паломничество со всего мира сюда, в начало начал. Он уже видел представителей всех континентов, всех государств, всех вероисповеданий, людей всех цветов кожи, всех культур, которые, сменяясь, дают здесь отчет, что народ каждого из них и он сам сделали с даром принадлежности к человеческому роду, полученному здесь, в ущелье Олдувай. Воистину, это было бы самое прекрасное, самое простое, самое естественное из всех паломничеств – к месту рождения человечества, чтобы отчитаться в том, кто как поступил со своей принадлежностью к нему. При этой мысли Исидор улыбнулся. Он почувствовал себя заключительным звеном долгого и тяжелого пути. Бескрайняя картина разлома наполнила его до отказа. Здесь не требовалось ни монумента, ни пирамиды, ни храма, ни священного камня, ни тысячелетнего дерева: вся эта долина сама по себе была Храмом. Он зажмурился, чтобы полнее пережить все то, что творилось у него внутри в этом месте.

Лукреция и Мельхиор тоже погрузились в противоречивые раздумья. Здесь каждый вольно-невольно подводил итог трех миллионов лет человечества, а также, вынужденно, считаным десятилетиям собственного существования.

– У вас есть своя гипотеза появления человека на Земле? – спросила Лукреция Немрод.

– Я геолог и анимист. Я дам вам ответ как геолог-анимист, – ответил Мельхиор М'ба. – Для меня человек не упал с неба, а вышел прямо из утробы Матери-Земли. Эта трещина в скале – огромный выход наружу. Люди вышли вон из того безлесьного центра, обезьяны – вон там, сбоку, где густые деревья, другие животные – еще дальше. Каждый приспособлен к среде, где появился.

«Теория матушки-земли», – пометила Лукреция в блокноте.

Они продолжили любоваться великолепным зрелищем долины

Олдувай, постепенно целиком озарившейся солнцем.

– Действительно, в этом месте есть что-то материнское, – согласился Исидор Каценберг.

Все трое смотрели на то, что могло быть выходом из чрева их планеты. Гайя. Планета-мать. *Alma mater*.

Лукреция Немрод пододвинулась вместе с креслом к самому краю трещины и закрыла глаза. Глубоко дыша, она втягивала в легкие ароматы всех цветов, всех растений, буйствовавших вокруг.

С наслаждением переводя дух, она сказала:

– Это расследование происхождения человека уже вернуло нас к истокам Матери-Земли. Как мне здесь хорошо! Такое ощущение, что нашла старушку-мать, которую всегда тщетно искала. Мою планету!

Послышался низкий рокот, почва завибрировала, содрогнулась земля. Не успев и пальцем пошевелить, чтобы удержаться на краю, Лукреция полетела вниз. В пропасть.

15. Землетрясение

Внезапно раздается дрожь земли. Стая останавливается как вкопанная, чувствуя свое бессилие. С хищниками можно драться, от огня спастись, но когда гневается земля под ногами, остается только уповать, что выживешь.

Деревья гнутся к земле. Только птицы в вышине беззаботно наблюдают горе тех, кто прикован к поверхности.

Катаклизм можно было предугадать. С некоторых пор многое указывало на его приближение. Звери зарывались в норы. Птицы дольше оставались в воздухе – они-то знали... Но стая, мня себя более развитой, чем другие животные, постепенно перестала понимать подсказки природы.

Тем временем дрожь усиливается.

Этому нет конца.

Слышится гул, почва движется, бурлит, брызжет во все стороны песок, дрожит трава.

Потом с грохотом разверзается земля. Двое из стаи падают в трещину. И, словно разом устав буйствовать, планета затихает. Дрожь прекращается. Последний толчок, как отрыжка после проглоченного мяса. Кончено.

Птицы садятся на землю.

Все вокруг переломано, много деревьев вырвано с корнем, перевернуты пласты земли. И все же стая знает, что отделалась легким испугом.

Вожак не намерен медлить после такой малости и подает привычный сигнал выступить. Разразилась катастрофа, а он поразительно невозмутим. Притворяется неустрашимым, не хочет, чтобы кто-то забыл, что худший источник напряжения – он сам. С этой целью он раздает пинки оказавшимся рядом с ним соплеменникам.

Внутренний страх сильнее внешнего. Так или иначе, сложившаяся в стае система выдерживает удар, она способна пережить и не такой ужас.

Земля пожелала явить свою силу? Сколько угодно! Так распределены роли.

А тем временем надо идти дальше.

16. Падение

Когда толчки прекратились, Исидор Каценберг осторожно заглянул в трещину, надеясь увидеть, куда упала его спутница. Та спаслась, схватившись за толстый корень, торчавший из самой кромки. Исидор протянул ей руку, но потерял равновесие и, увлекаемый собственным весом, тоже рухнул вниз. Спасением для него стала лодыжка девушки – он успел в падении за нее уцепиться.

Исидор был так тяжел, что Лукреция не смогла бы долго выдерживать его тяжесть. Под их сдвоенным весом спасительный корень грозно закрипел. Лукреция скривилась.

– У меня кончаются силы, – предупредила она Исидора, пытаясь крепче схватиться за корень.

Свободной рукой Исидор дотянулся до лианы, свисавшей с куста акации. Помогая себе зубами, он сделал из этой подsunутой природой веревки лассо, которое бросил девушке, чтобы та зацепила петлю за ствол у нее над головой – более надежную поддержку. Лукреция поймала лассо, но удивилась его гладкости и неподатливости. Приглядевшись, она содрогнулась: толстяк подsunул ей не лиану, а молодого питона.

Даже завязанная узлом с головы, змея умудрилась обвить хвостом шею девушки.

Лукреция поспешно освободилась от этого холодного колье и метнула его в ствол дерева. Одна змея вывела человечество из рая, другая могла бы помочь им избежать ада.

17. Ущелье

Достигнув ущелья, стая начинает спускаться вниз.

На дне течет река. Плавать никто не умеет, поэтому переправиться нельзя, но все понимают, что на другой стороне будет лучше. На другой стороне всегда лучше.

Им даже кажется, что оттуда тянет запахом мелкой дичи, наивно резвящейся в ожидании их. Но как преодолеть поток?

ОН определяет по характерному бурлению воды брод и показывает его остальным. Стая входит в воду, но появившийся откуда ни возьмись крокодил хватает и утаскивает на глубину двух доминантных самцов, охранявших фланг. Это ловушка! Крокодилы притаились у брода, чтобы беспрепятственно полакомиться теми, кто рискнет ступить в их реку.

Стая спешно поворачивает, принеся в жертву ящерам двоих-троих из своего числа.

Как же перейти через реку? Уже звучат предложения отказаться от этой затеи и покинуть ущелье.

18. Над пропастью

Все попытки подтянуться привели только к перелому позвоночника у змеи. Но время было выиграно, и им на помощь пришел геолог Мельхиор, вытянувший обоих наверх при помощи настоящей прочной веревки.

– Нельзя наклоняться над пропастями, – прагматически резюмировал чернокожий спаситель.

После этого он угостил спасенных успокоительным средством – чаем с рисом.

– Что еще за землетрясение? – спросила рыжая девушка, приводя в порядок свою одежду.

Мельхиор вопреки собственному совету заглянул в ущелье, оценивая ущерб.

– Вам повезло. Вы пережили в сильно уменьшенном масштабе событие, ставшее, без сомнения, прелюдией к рождению человечества. Рифт! Впредь это не будет для вас отвлеченным понятием. Вы почувствовали его буквально на собственной шкуре.

Исидор Каценберг опасливо повторил опасный поступок Мельхиора и тут же отпрянул.

– Как спуститься в эту долину?

Геолог предложил свои услуги проводника и указал на менее крутой склон. Этим путем следовали гну и слоны при своих кочевьях.

19. В ногах

Стая движется вверх вдоль потока, выискивая брод, который не стерегли бы крокодилы. Но ящеры залегли всюду, куда ни глянь.

В конце концов обнаруживается изгиб реки, свободный от этих зеленых тварей.

А почему?

Этот вопрос недолго тревожит стаю, и вскоре начинается переход реки вброд.

Только на середине русла открывается ответ. Этим путем обычно следуют слоны.

Как раз сейчас группа этих толстокожих тоже решает перейти реку и проверить, не свежее ли по ту сторону трава. От их бодрых шагов сотрясается земля.

Один бегущий слон уже производит впечатление, сотня внушает ужас. Особенно когда стоишь посреди реки по колено в воде.

Паника! Стая распадается надвое. Одни считают, что спасение впереди, другие – что сзади. Есть и горстка наивных, выдвигающих идею отплыть в сторону. Этим моментально пожирают крокодилы, среди которых своевременно разнеслась весть о доступной массе протеинов.

Переходные фазы всегда деликатны и напряжены. Стая на себе познает этот горький опыт. Слоны не обращают внимания на мелочь у себя под ногами и давят ее походя. Жить остаются только те, кто сломя голову устремляется к другому берегу. Там они могут наконец рассыпаться и убраться с дороги толстокожих.

Перепуганные уцелевшие прячутся в подвернувшейся яме. Стая лишилась по меньшей мере своей половины, тем не менее все еще достаточно многочисленна. На счастье, самки не прекращают рожать, иначе при таком быстром падеже стая уже прекратила бы существование.

Слоны тоже несут кое-какие потери. Некоторые слонята, удалившись от матерей, достаются крокодилам, которые хватают их за хобот и тащат на глубину. За погибших мстят взрослые, затаптывающие рептилий, поднимая грандиозные брызги. Зубастые пасти против вздетых хоботов и тяжелых ног! Глаза рептилий и глаза толстокожих горят злобой. Среди слонов толчея, раздавленные крокодилы лопаются с кровавыми брызгами. Теперь вздетые хоботы украшены вражьиими зубами.

Прячутся лягушки, взлетают от греха подальше цапли. Вокруг брода

бушует локальный шторм. Один крокодил подброшен в воздух. В этой войне есть и невинные жертвы – рыба.

Стая никак не может оправиться после того, что чуть было не угодила в эпицентр столкновения между обитателями воды и суши.

На ночлег остатки стаи укладываются внутри теплой туши погибшего слона, которого не разодрали и без того насытившиеся крокодилы. Туша смердит, зато образует пещеру, где достаточно протянуть руку – и в ней уже кусок мяса относительной свежести.

20. Долина Олдувай

На середине реки Олдувай машина увязла в ил по самые фары. Попытки вырваться из ловушки длились уже два часа, к ним уже приближались крокодилы.

– Ничего не поделаешь, дальше придется идти пешком, – сказал Исидор Каценберг, собирая внутри, на сиденьях, все, что удалось спасти: рюкзаки с фонарями, свитерами, футболками, походной посудой.

Едва выйдя на берег, он развернул карту.

– Здесь почти не бывает людей. По словам масайского вождя, здесь он видел Аджемьяна последний раз. Геолог утверждал, что вон там остались еще совсем не исследованные места.

Он указал на густой лес среди острых скальных отрогов.

– Логика подсказывает, что Софи Элюан и Анджело Ринцули должны сейчас находиться где-то вот здесь. – Он нашел на карте небольшой сектор и обвел его кружком.

– Так можно тащиться километрами и ничего не найти, – проворчала Лукреция, путаясь в высокой траве.

Исидор остановился и указал на следы на земле.

– Смотрите, здесь прошли мужчина и женщина. Мужчина старше сорока лет, при ходьбе заваливается назад – признак возраста. Чем человек моложе, тем сильнее нажимает на носки. Женщина умеет держать осанку.

– Это-то вы с чего взяли? – удивленно спросила Лукреция.

– Она прямая, как палка. Ноги держит строго параллельно. Такая искусственная походка только у женщин, учившихся танцевать или специально осваивавших упругую походку. Есть веские основания предполагать, что мы напали на след тех, кто нам нужен. Кроме того, я могу утверждать, что женщина забралась сюда по доброй воле. Она не волочит ноги, наоборот, шагает с энтузиазмом, то опережая своего спутника, то немного отставая.

Журналисты двинулись дальше на север по густым джунглям без малейших признаков цивилизации, стараясь выбросить из головы кишащие вокруг опасности. Одно не удавалось забыть – ощущение слежки. Над ними, высоко над кронами деревьев, описывали круги грифы, всегда готовые подчистить остатки чужого пиршества. После боен, где люди убивали животных, пришла их очередь оказаться в месте, где им грозила смерть. Теперь участь дичи была уготована им. Девушку эта мысль ничуть

не радовала. Она представляла себе на ходу рыбешку, спрашивающую мать, кто вышел из воды и ходит по суше, и получающую ответ: «Недовольные».

А кто встал на задние конечности? Ответ палеонтологов: это параноики, боявшиеся не заметить опасность на достаточном расстоянии.

– Мы согласны, что мир обязан развитием недовольным? – спросила вдруг Лукреция.

– Скорее да, – ответил Исидор. – У людей, которых устраивает система, нет оснований ставить ее под сомнение, а значит, нет причин развиваться.

Он лихо продвигался вперед, прорубая путь мачете.

– Сама двуногость говорит о многом, – продолжил он. – Опираясь на одну ногу, человек теряет равновесие и обязан в последний момент опереться на другую. При таком способе передвижения есть постоянный риск упасть. Одно то, что человек ходит именно так, свидетельствует, что ради движения он готов рисковать.

– Верно, очень ненадежный способ передвижения. Как я раньше об этом не подумала? – Лукреция споткнулась и чуть было не растянулась.

– Потому вы и не падаете, что не думаете об этом.

Лес вокруг них становился все гуще и враждебнее.

– Давайте вспомним версии, которые мы собрали, – предложила юная журналистка. – Кто это ускользящее от нас существо?

То ли обезьяна, покоренная доктором Ван Лисбет.

То ли обезьяна, прирученная профессором Конрадом.

То ли астроном Сандерсон, мстящий при помощи подручных за утрату слуха.

То ли эколог, воюющий с учеными.

То ли Софи Элюан, прикинувшаяся похищенной Анджело Ринцули, переодетым в примата. Непонятно, правда, зачем ей было возвращаться в Африку.

– Ответ на это дал вождь масаи: с целью окончательно уничтожить улики и похоронить открытия бывшего мужа, – отозвался Исидор Каценберг.

Он предложил сделать привал. Вот-вот должно было стемнеть, а в темноте велика была опасность заблудиться. Обгоняя темноту, они поставили большую палатку и там, в тепле, залезли в спальные мешки и стали утолять голод при свете керосинового фонаря.

Потом Исидор задул огонек и пожелал спутнице спокойной ночи.

В следующий момент в палатку просунулись и ткнулись им в лица два ствола.

– Руки вверх! – приказал грубый голос.

21. Люди, как они

Рядом враги. Они застали их спящими и окружили в их зловонном убежище. Стая выбирается наружу, чтобы увидеть, кто это. В этот раз им противостоят не бабуины.

Враги тоже ходят прямо, на задних конечностях, так же держат голову, так же смотрят, даже численно их столько же.

Вожак стаи приближается к другому вожаку и по привычке прибегает к устрашающим жестам. Но вожак другой стаи глазом не ведет. Еще более странно, что его доминантные самцы тоже сохраняют спокойствие, а самки безмолвие.

ЕМУ тревожно. Вожак ЕГО стаи продолжает угрожающе кривляться и скрежетать зубами, кричит, бьет руками по земле, скалится. Другой наблюдает, и ему, кажется, смешно. Самки ЕГО стаи помогают вожаку криками и пантомимой. Возможно, коллективными усилиями они добьются качественного устрашения.

Вражеский вожак сохраняет молчание и только внимательно смотрит.

Две стаи стоят друг напротив друга. Сходство очень велико, вот только те, другие, гораздо спокойнее.

Вожак ЕГО стаи знает, что больше ждать нельзя, и переходит к агрессии. Он ударяет соперника по макушке, давая понять, что тому следует принять позу подчинения.

Вражеский вожак наклоняет голову, но не в знак покорности, а просто чтобы подобрать с земли ветку. Он крепко сжимает ее в руке. Все происходит в каком-то замедленном ритме.

Видя, что противник склонил голову, вожак ЕГО стаи на мгновение ослабляет бдительность. Другой вожак размахивается веткой, но вместо того чтобы шумно сломать ее о колено, точным движением раскалывает тому череп. ЕГО вожак шатается, словно удар привел его в недоумение, а потом падает навзничь. Он мертв.

Вражеский вожак смотрит на свою деревяшку, на труп врага и приходит к заключению, что приобрел любопытный опыт, который двинет вперед науку и технологию эпохи.

Первая самка спешит отомстить за своего самца. Вражеский вожак снова размахивается своей деревяшкой и так же, как перед этим вожака, бьет ею по голове самку.

Она тоже мертва.

Палица творит чудеса!

В обоих лагерях все пятаются. До всех вдруг доходит, что вражеский вожак обладает силой умерщвлять.

ЕГО посещает предчувствие, страшное ощущение бессилия перед грозной силой. ОН вдруг осознает, что его стая отстает.

По сигналу своего вожака вся вражеская стая нападает на ЕГО стаю, по примеру вожака нанося смертельные удары деревяшками. Все бегут. Вражеская стая гонится за беглецами и разит их в большом количестве.

Несколько самок попались. Их отдадут в гаремы вожака и других доминантных самцов. Так гены стаи получают прививку чужих генов. Вражеский вожак интуитивно чувствует необходимость этого для спасения от вырождения.

Вражеский вождь изобрел не только палицу, но и такое явление, как военнопленные.

22. Софи Элюан

Они покорно подняли руки.

В глаза им ударил луч фонаря. Они слепо заморгали, а потом разглядели за стволами женщину с гордой осанкой в узкой охотничьей куртке, грубых штанах для буша и высоких кожаных сапогах. Облик у нее был аристократический: орлиный нос, ямочка на подбородке, суровый взгляд синих глаз. Софи Элюан.

Мужчина с ней рядом был, без сомнения, Анджело Ринцули: хитрые глазки, нависающие надбровные дуги, высокие скулы.

Две пары разглядывали друг друга с недоверием.

– Они? – спросила женщина в охотничьей куртке.

– Они самые, – подтвердил ее спутник. – Я заметил их, когда они спускались. Не иначе, они нас преследуют.

– Кто они такие? – спросила женщина, нагибаясь, чтобы войти в палатку.

– Сейчас мы вежливо обо всем их расспросим. А пока я хочу осторожности ради связать их, чтобы не сбежали. Начнем с девчонки.

Актер опрометчиво приблизился к Лукреции Немрод – и поплатился за это. Бывшая воспитанница сиротского дома безжалостно двинула его коленом в пах, потом предплечьем в ключицу. Схватив его ружье за ствол, она со всей силой врезала ему по коленям прикладом. Софи Элюан тоже вскинула ружье, но оно было выбито точным ударом ноги. Потом Лукреция сгребла нападающую за волосы и от души дернула. От этого занятия ее отвлек актер, вскочивший, напавший на нее сзади и схвативший за руки. Пришлось Лукреции выпустить волосы Софи.

Пока разгоралась схватка, Исидор Каценберг, чуждый всякого насилия, вылез из спального мешка, чтобы зажечь походный примус и вскипятить чай.

Увернувшись от слепого удара кулаком по подбородку, он отвернул газ, чиркнул спичкой и, найдя в рюкзаке пакетик чая «Даржелинг», опустил его настаиваться в термос. Ситуация у него за спиной тем временем изменилась не в пользу Лукреции, уже лежавшей связанной на голой земле. Исидор пожал широкими плечами и проверил цвет воды в термосе.

– Когда вам наскучит забавляться, можно будет побеседовать, – сказал он. – Я заварил вам чай.

Анджело Ринцули накинулся на него с той же целью – связать. Исидор

не сопротивлялся, но был так огромен, что Анджело никак не мог, как ни старался, заломить ему руки за спину.

– Охота же вам ребячиться! – укоризненно вздохнул Исидор, протягивая недругу стакан чая с одуряющим восточным ароматом.

– Вы отдадите себе отчет, что мне достаточно пошевелить указательным пальцем, чтобы вас прикончить? – прорычал Анджело Ринцули.

Толстяк посмотрел ему прямо в глаза.

– А вы отдадите себе отчет, что я могу без всякого сопротивления позволить вам меня прикончить? – ответил вопросом он, отхлебывая чай, пока не остыл.

Столь странный ответ удивил актера и заставил его опустить ружье.

Связанная Лукреция извивалась на земле.

– Зачем вы сюда притащились? – спросила колбасница.

– Развяжите мою коллегу, и я охотно все вам расскажу.

Анджело и Софи колебались. Конечно, они были вооружены, но им пришлось изрядно попотеть, обезвреживая эту ведьму, чтобы просто так взять и отпустить ее. С другой стороны, их смущало миролюбие гиганта, как ни в чем не бывало попивавшего чаек.

Его безразличие действовало актеру на нервы.

– Сейчас я его... – забормотал он.

Но Софи уже развязывала руки Лукреции.

– Только не наделай глупостей, – предостерегла она ее. – Не станешь сидеть спокойно, берегись, за мной не заржавеет.

В палатке еще повозились, а потом, поскольку Исидор Каценберг упорно соблазнял всех горячим чаем, да еще и печеньем с изюмом, все уgomонились. Усевшись вчетвером по-турецки поверх спальных мешков, все стали пить чай.

– Два куска сахара или один? – по-хозяйски осведомлялся Исидор.

– Благодарю, мне без сахара, – откликнулась Софи, даже в чаще джунглей не забывавшая о своей талии.

– А как насчет сахарозаменителя? – не унимался гостеприимный журналист.

– Одну таблетку – пожалуй.

Вся сцена была настолько сюрреалистической, что вооруженная пара не знала, как реагировать.

– Давайте знакомиться, – предложил Исидор, протягивая руку. – Встреча началась так скомканно, что было не до представлений. – Я – Исидор Каценберг, а это Лукреция Немрод. Мы – научные журналисты «Геттёр Модерн», мы расследуем два эпизода: гибель вашего бывшего

супруга, мадам, и происхождение человечества.

Освобожденная Лукреция была готова в любую минуту снова вступить в бой и отказывалась понимать благодушие своего коллеги.

Анджело Ринцули тоже считал происходящее ненормальным. В столкновениях антагонистов почти не требовалось соблюдения протокола. С врагом не распивают чаи – это раз. С ним не болтают – два. И три – сведения надо вырывать у него угрозами или даже силой, а не при помощи чая.

Актер не смог сдержаться.

– Нет, так не пойдет! – вырвалось у него. – Традиция... требует иного.

– Вы о чаепитии? Ах, о том, что мы сидим мирно! Что ж, традиции тоже меняются. Это просто вопрос образования, как говаривал один знакомый масаи. Вы дурно воспитаны, только и всего. Обычно к насилию склонны те, кто не владеет другими способами достучаться до людей. Мне представляется, что церемония чаепития очень даже способствует обмену информацией. Ваш чай достаточно крепкий?

Лукреции надоело это воркование.

– Мы не можем всю ночь проболтать о чае! – выпалила она и повернулась к Софи. – Мы были на вашем заводе, где у нас на глазах вас похитила обезьяна. Что произошло на самом деле?

Софи Элюан открыла было рот, чтобы ответить, но вмешался Исидор Каценберг.

– Согласитесь, дорогая Лукреция, похищение выглядело очень убедительно. Просто-напросто, прилетев в Африку, Анджело Ринцули объяснил мадам причины своего поступка и уговорил ее добровольно продолжить путешествие вместе с ним.

– Собственно, я...

Но Исидор не собирался предоставлять слово колбаснице.

– Без сомнения, Анджело сказал, что располагает схемой места, где находятся доказательства правоты теории профессора Аджемьяна, чем убедил вас его сопровождать, не так ли, мадам?

– Ладно, не буду спорить. Но в чем она состояла, эта теория Аджемьяна? – возбужденно воскликнула Лукреция.

– Это большой секрет! – отрезал Анджело Ринцули, как будто боялся, чтобы его спутница не сболтнула лишнего.

Все притихли, и в утлое убежище сразу ворвались, толкаясь, все шумы и голоса джунглей.

– Что же вы тогда готовы обсуждать? – недовольно спросила Лукреция, считавшая пощечины и угрозы более подходящим способом

общения.

– Предлагаю коснуться взглядов наших гостей на происхождение человека, – по-прежнему безмятежно молвил Исидор.

Это было произнесено как предложение устроить конкурс анекдотов. Недоверие читалось во всех взглядах, кроме его. Он не переставал жевать и, казалось, испытывал от сложившегося положения искреннее удовольствие.

23. После разгрома

Они бегут до тех пор, пока преследователи не отстают.

Тогда все останавливаются, с трудом переводя дух.

Выжившие собираются на опушке, чтобы подвести итог случившемуся.

После поражения все испытывают испуг. Нет больше ни вожака, ни привлекательных самок. Надежды тоже нет. Тем не менее они пытаются проанализировать причины неудачи и, может быть, найти виноватых.

Они полагают, что разбиты из-за недостаточной численности. Но ОН знает, что дело не в этом. Их разбили потому, что времена изменились. Теперь приходится жить в мире, где больше нельзя надеяться на устрашение. Здесь больше не спорят, здесь бьют и убивают.

Из гущи стаи слышны крики. Это последние оставшиеся самки – слишком старые, уродливые или дурно пахнущие, поэтому их не похитили, как других. Они напоминают, что нужно выбрать нового вожака.

Хороший повод отвлечься. Все, что угодно, лишь бы забыть поражение.

Выборы пройдут по старинке. Все доминантные самцы станут биться, и победителя все вместе выкрикнут вожаком.

ОН не в силах устраниваться. Драки начнутся сразу, без малейшего промедления.

Самцы кидаются друг на друга, как будто после проигранной войны не находят ничего лучшего, кроме как учинить взаимное смертоубийство. ОН дерется без убеждения и уступает честолюбивому юнцу с длинными клыками.

Тут появляются три самца, которых считали погибшими в бою. Они приволокли пленных вражеских самок. Как им это удалось?

Они объясняют, что в разгар боя додумались спрятаться. Видя, как враг силой уводит самых их красивых и молодых самок, они подумали, что плохо будет остаться с одними старухами и уродинами. Даже у самого невыносимого есть пределы. Вот они и похитили этих трех.

Похвальное рвение!

Пленные самки так испуганы, что боятся шелохнуться. Почему они не пытаются сбежать? Из страха перед новой стаей? Нет, ответ другой, и ОН его знает. Дело в страхе одиночества. Лучше жизнь в неволе и унижении во вражеской стае, чем одинокое скитание.

Кое-кто предлагает сразу их убить и съесть, чтобы отпраздновать избрание нового вожака стаи и отомстить за позор разгрома. Но доминантный самец, только что ставший вожаком, находит, что новые самки в его вкусе, и объявляет их своими. Звучат возмущенные крики и предложения все же их съесть. Некоторые утверждают, что другая стая одержала победу, потому что умнее их, а значит, чтобы сравняться с ней в уме, надо съесть мозги полонянок.

Это кричат в основном старухи и уродины, обеспокоенные внезапно возникшей конкуренцией.

Но новый вожак дает понять, что стае не выжить без молодых самок, способных рожать. Все понимают, что старые и некрасивые самки – доля низших самцов, тогда как трех красоток будет оприходовать он сам.

Вожак стаи показывает знаком, что больше не намерен препираться на эту тему и что всем пора приступить к поиску пропитания.

Довольные тем, что уцелели, полонянки принимают позы покорности: вытягивают руки, чтобы вожак стаи мог при желании их покусать. Он проводит смотр и хлопает самок по рукам в знак признания их подчинения. Все три не поднимают головы. Но одна поднимает глаза.

Так впервые ОН встречается глазами с НЕЙ.

24. Еще одна теория

Теория происхождения человека Анджело Ринцули оказалась довольно оригинальной.

– Я считаю, что начало начал – секс. Выпрямляясь, двуногие приматы показывали друг другу свои половые органы. У всех животных половые органы спрятаны. Посмотрите на обезьян. У самок пунцовый зад, а не перед. Чтобы рассмотреть органы воспроизводства шимпанзе, надо подлезть снизу, как под собаку.

Но наш предок начал время от времени вставать на задние лапы, и это создало новую ситуацию. Сначала это должно было смущать. Был изобретен язык, чтобы объясняться. А потом и новые чувства.

Даже высказанная актером из третьесортных фильмов теория заслуживала внимания. Лукреция полезла в рюкзак за блокнотом. «Теория суперсексуальности», – записала она.

– Вертикальное положение, – продолжил Анджело Ринцули, – привело к любви лицом к лицу – уникальной позе.

– Не совсем уникальной: то же самое наблюдается у дельфинов и у обезьян бонобо, – подсказал Исидор Каценберг.

– Так или иначе, когда партнеры располагаются лицом к лицу, они во время акта смотрят друг другу в глаза. Так родилось новое понятие – эротизм.

Софи Элюан эта своеобразная теория скорее забавляла. Актер разошелся.

– Верх эротизма – это наслаждение взглядом партнера в момент экстаза. Нет ничего краше, к тому же из этого взгляда родилось понимание красоты. Красиво то, что похоже на взгляд другого в момент, когда ему доставляют удовольствие. К тому же при вертикальном положении туловища груди превратились в эрогенные зоны. Раньше, у четвероногих, на соски никто не обращал внимания, они были нужны только для выкармливания младенцев. Но когда партнеры стоят и смотрят друг на друга, грудь становится элементом женственности, привлекательности, эротизма. То, стоит ли грудь, несет информацию о желании. При этом женский половой орган, меняющий цвет, при вертикальной стойке становится незаметным, отчего он утратил притягательность. Распробовав грудь как фактор эротизма, наши предки испытали, должно быть, такой прилив чувств, что это побудило людей придумывать одежду, прячущую

эту приманку и ослабляющую силу содержащегося в ней послания.

Исидор усмехнулся.

– Человек как животное, смущенное торчащим при вертикальной стойке членом, – теория, привлекающая по меньшей мере своей новизной...

– Не говоря о том, – подхватила Софи, – что самки получили возможность оценивать качество и силу желания партнеров издали. Стоя уже ничего не спрячешь.

– Волей-неволей пришлось изобретать язык, чтобы объяснять происходящее: весь этот интерес, эти взоры наверняка травмировали.

– Так родилась вежливость, – сформулировала Лукреция Немрод.

– И лицемерие, – подсказала Софи Элюан.

– И поэзия, – дополнил Исидор Каценберг.

– Уж по крайней мере стыдливость, – подытожил Анджело Ринцули. – Ведь женское желание труднее удовлетворить, чем мужское.

Все от души рассмеялись, особенно Софи и Лукреция, вспомнившие, наверное, как из стыдливости, бывало, не требовали от партнеров продолжения любовных игр.

Анджело Ринцули не унимался:

– Это желание другого, узнанное в лицо, стало глубоким потрясением. Наши далекие предки вдруг страстно возжелали сексуальности, а не просто размножения. Я считаю, что первые приматы, вставшие прямо, стали совокупляться у всех на виду. Как попало, со всеми подряд. Это был свальный грех, кровосмесительное остервенение. Мое мнение – человек стал плодом инцеста первобытной матери и ее сына. Или отца и дочери.

– Инцест? – скривилась Лукреция. – Но это же ведет к вырождению!

– Именно! Инцест и привел к природному вырождению, имя которому «человечество».

– Из ваших слов вытекает, что человек – это обезьяна с синдромом Дауна, плод противоестественной копуляции, – сказала Лукреция Немрод, строча в блокноте с утроенной скоростью.

– Именно так. По этой самой причине во стольких древних мифах фигурируют полубоги, у которых есть отец, тогда как их мать – «дева». Я вижу в поедании библейского яблока метафору запретного полового акта. Ну, а потом напридумывали табу, чтобы спрятать тайну происхождения.

В наступившей тишине каждый силился переварить эту странную теорию и вытекающие из нее выводы.

– Сексуальность – вот секрет эволюции! – припечатал Анджело Ринцули. – Надо, чтобы все занимались любовью со всеми, чтобы лучше

перемешивались гены и множились возможные сочетания.

И он стрельнул глазами в упругую задорную грудь Лукреции Немрод.

– По этой же причине я убежденный противник евгеники. Неудачники, тяжелые инвалиды, те, кого мы считаем не вполне людьми или больными, на самом деле могут быть мутантами. Лично я повидал в цирке потрясающих людей, на которых обыватели на улице смотрели как на ярмарочные диковины: карликов, гигантов, бедняг с врожденными уродствами, со слоновой болезнью... А ведь именно они могут оказаться представителями нового человечества. Благодаря прогрессу медицины всем родителям теперь подавай детей-красавчиков, здоровеньких, умненьких... но без малейшей изюминки. С людьми хотят сделать то же самое, что уже сделали с кукурузой, с коровами, с курами: получить методами селекции лучших и клонировать их. Но все они так похожи друг на друга в своем совершенстве, что вспыхнувшая болезнь косит сразу всех, тогда как у некоторых несовершенных особей могла бы развиваться оригинальная сопротивляемость.

Окончательно распоясавшись, актер перешел на крик:

– Поверьте мне, мир спасут только монстры и деревенские дурачки!

Лукреция Немрод теперь с сочувствием смотрела на этого обезьяноподобного субъекта, сначала вызвавшего у нее антипатию. Сексуальность была, пожалуй, самой привлекательной теорией из всех, которые ей довелось выслушать и записать.

Постепенно, сам по себе, в палатке воцарился мир. Четверо путешественников договорились наутро продолжить путь вместе.

Софи Элюан и Анждело Ринцули поставили собственную палатку рядом с палаткой журналистов.

Во сне Лукреция невольно прижалась к уютному мягкому пузу Исидора. Тот не мог не испытать волнение от близости миниатюрной смуглянки, вкусно пахшей карамелью. Он ласково погладил ее по рыжей головке и заснул с улыбкой на лице.

25. Ах, женщины!

ОН ищет в чаще, чем подкрепиться. Попавшаяся на глаза черепаха поспешно втягивает голову в панцирь. Сама защищенность этого лакомства панцирем вызывает аппетит.

ОН трясет черепаху, торопясь покончить с этой головоломкой. От этого занятия его отвлекает лежащая на плечо рука одной из трех захваченных в плен самок.

ОНА.

ОНА берет черепаху правой рукой, левой хватает палку и бьет по панцирю, пока черепаха не высовывает голову. В ход идут резцы – и черепашья голова съедена.

ОН восхищенно наблюдает за ней. Вот, значит, как следует поступать с панцирями! ОН благодарит самку за науку гримасой, означающей, что в обмен готов поискать в ее шерсти паразитов.

ОНА не против. Это самый романтичный в его жизни сеанс вычесывания. Во-первых, ОН находит в ее шерсти всевозможных личинок и клещей, которых спешит отправить себе в рот. А во-вторых, по мере продолжения косметической процедуры от самки все сильнее исходит хорошо ему знакомый гормональный дух. ЕЕ ягоды алеют и пухнут, приглашая к свирепой случке.

Однако в ответ на его попытки понравиться и овладеть ею сзади ОНА оказывает сопротивление. Этого ОН не понимает и машет членом, демонстрируя даме, от чего она отказывается. Но та, несмотря на оранжевый цвет ягод, выдающий ее чувства, упорно не принимает позу для коитуса. Ошеломительная наглость!

ОНА в плену. Из чужой стаи. И еще смеет воротить от НЕГО нос?

Но ЕЕ поведение не отталкивает, а интригует. ОН тянет ЕЕ за руку, ОНА отпихивается, но при этом вертит перед его носом своим пылающим задом. Он силится на нее запрыгнуть, чтобы овладеть хотя бы кое-как, но тут появляется самка из его стаи, обладательница светлых сосков. Она намерена устроить более соблазнительной конкурентке взбучку, но ОН не позволяет.

Себя самого ОН защищает не слишком ловко, но хорошо дерется, обороняя самку, так изящно полакомившуюся черепашью головой. Хозяйка светлых сосков торопится к новому вожаку стаи с доносом, что один из доминантных самцов похитил одну из самок, которых он себе

отобрал.

Но вожак стаи, плотно занятый с другой прекрасной полоняницей, отказывается останавливаться ради наказания смутьяна. Такие преступления, как оскорбление величества, вполне могут подождать завершения случки. Раздосадованная самка вымещает зло на первом подвернувшемся самце, громко требуя, чтобы он не сходя с места отдал должное ее прелестям.

ОН и ОНА ненадолго успокаиваются.

Потом оба встают и смотрят друг другу в глаза. ОНА не мигает. Никогда еще ОН не испытывал ничего подобного. ОН не смеет опустить глаза, но знает, что ОНА желает видеть его член, так же как ОН – ее соски.

ОН дрожит от страха и вожделения.

ОНА подходит и, не переставая на него смотреть, трогает его член, словно проверяет на ощупь то, что видно и так. Потом ОНА улыбается, берет его руку, засовывает ее себе между ног.

Станный способ использовать руки! Определенно во вражеской стае в ходу самые экзотические сексуальные замашки.

Они гладят друг друга, как будто это – часть совокупления.

ОН понимает, что приобретает урок.

Довольная взаимными ласками, ОНА прижимается тазом к его бедрам.

ЕМУ хочется поставить ЕЕ на четвереньки, но ОНА опять настаивает, чтобы они остались лицом к лицу. Не поймешь ЕЕ! Зачем было так ЕГО возбуждать, если совокупления все равно не будет?

Но его посещает новая мысль: она желает совокупления СПЕРЕДИ. Мысль перерастает в уверенность: ЕЙ подавай любви ЛИЦОМ К ЛИЦУ!

26. Стражники святилища

Анджело Ринцули сообщил, что они достигли обозначенного на карте периметра. Перед ними виднелись два крутых бугра, между буграми – густо заросшая джунглями лощина.

В нее они и стали спускаться.

Странные неровности, мешавшие их продвижению, были вызваны, скорее всего, продвижением Рифта. Они преодолевали неожиданные ущелья, скалы, возникавшие, казалось, на ровном месте, склоны в местах, где логичнее было ждать подъемов. В лощине они наткнулись на опушку, в центре которой находился маленький кратер. Тишина там была такая, что вся четверка решила, что оглохла, и остановилась.

– Чувствую, это здесь! – возбужденно сообщила Софи спутникам.

Она не сделала и двух шагов, как откуда-то сверху прилетел снаряд.

Зеленый плод манго.

Он ударил женщину в висок так точно и так сильно, что она пошатнулась и повалилась навзничь. Остальные трое кинулись было ей на помощь, но на них тотчас обрушился болезненный дождь твердых, как камни, зеленых манго. Когда они подобрались к телу, оно перестало шевелиться.

Исидор Каценберг попытался нащупать пульс Софи – тщетно.

– Она... мертва.

С верхушек деревьев вокруг опушки раздался дружный визг. Напавшие на людей маленькие создания дерзко бросали им вызов с ветвей.

Анджело Ринцули уже прижимал к плечу приклад ружья. Выстрел – и один из нападавших шлепнулся на землю, но остальные уже рассыпались по лесу, и пальба во все стороны стала бы только напрасной тратой боеприпасов.

Они зарыли Софи Элюан тут же, в склонной к смещениям земле.

– Что теперь делать? – спросила Лукреция Немрод после долгой траурной задумчивости.

Актер разглядывал в бинокль окрестные заросли, опасаясь нового нападения.

– Что это за обезьяны? Уистити? – спросила девушка, напряженно щурясь.

– Нет, это галаго, лемуры, тоже состоящие в близком родстве с homo sapiens. Та решимость, с которой они способны убивать пришельцев,

доказывает нашу с ними близость.

Передавая друг другу бинокль, они разглядели в ветвях густые грозди лемунов, висевших на тонких веточках. Личики, поросшие длинной белой шерстью, делали их похожими на лукавых старичков-лилипутов.

Хвосты у них были длиннее тела, шерстка светло-серая или серебристо-коричневая, вокруг глаз и мордочки она была темнее, чем на теле. Все до одного лемуры размахивали зелеными манго, готовые возобновить обстрел.

– Мы, конечно, вторглись на их территорию, но во всех скитаниях по джунглям мне еще не доводилось сталкиваться с такими агрессивными галаго, – испуганно признался Анджело Ринцули.

– Они хотят помешать нам выйти на опушку и что-то там увидеть, – поняла Лукреция, указывая подбородком на кратер.

– Поразительно! – откликнулся Анджело Ринцули. – Они защищают именно ту точку, которая отмечена на карте Аджемьяна!

– Стража святилища... – пробормотал Исидор Каценберг.

27. Она

ОН и ОНА поспешно прячутся в верхних ветвях и там любят друг друга, оставаясь лицом к лицу и с трудом сохраняя равновесие. Ветки трещат, листья колышутся. После кульминации они довольно хихикают, чувствуя себя первопроходцами.

Потом спускаются. Прыгают. Играют.

И снова любовь.

Обычно случка занимает у самца от силы несколько минут, но ОН позволяет себе доселе неведомое извращение: ему нравится длить это занятие. ЕЕ это сначала раздражает, потом начинает забавлять. У обоих ощущение, что до них так никто не делал.

Поскольку она упорно сохраняет стоячее положение, он даже не может увидеть, как у нее дела с охотой. Все, что он видит, – ее соски.

Раньше, говорит ОН себе, привлекательным местом были половые органы, набухавшие и торчавшие, когда самка стояла на четвереньках, но когда она стоит, то приходится руководствоваться только твердостью ее сосков. Не это ли – эволюция?

Они снова занимаются любовью и пьяны от этого.

ОН понимает, что все самки ненасытны. Понятие стыда еще не изобретено, и их ничего не сдерживает.

После пятого захода, немного подустав, они резвятся в кустах, пугают лягушек в луже, вдвоем совершают набег на улей, и ОНА делится с НИМ секретом добычи меда. Один из способов – схватить улей и быстро бросить его в лужу. Только надо торопиться, иначе пчелы успеют опомниться и перейти в наступление.

В ответ ОН сообщает ЕЙ, как лакомиться термитами. Просто суешь в дырку в термитнике палку и достаешь ее, облепленную солдатами. Посасываешь – и жмуришься от удовольствия.

Оба счастливы, и это злит стаю. ИМ на это плевать.

После шестой случки ОНА трет ЕМУ нос, и ОН впервые ощущает связь с другим существом. ЕГО охватывает желание сыграть небывалую штуку: ОН прикасается ртом к ЕЕ рту. Она в отвращении отскакивает и предлагает «нормальное» возобновление любви. ОН настаивает. У муравьев это получается: они касаются друг дружки ртами и даже отгрыгивают пищу. ОН дает ей понять, что наблюдал за муравьями. ОНА позволяет поцеловать ее в рот, но отгрыгивание отвергает. Но, раз уж рты

так близко, ОНА предлагает ему собрать вшей у нее вокруг губ.

Тут появляется новый вожак стаи. Его вид свидетельствует об одном: ОН злоупотребил терпением стаи и вызвал недовольство. Можно, конечно, испытывать счастье, но не до такой же степени, не так наглядно. Их идиллия – тормоз для слаженности стаи, она создает социальное напряжение.

Кроме того, он против их орального контакта: это выглядит грязно. Еще ему не нравится, как они теряют время на игры, предшествующие спариванию. Не нравится, как они занимаются любовью лицом к лицу.

От нового вожака стаи исходит угроза.

ОН в ответ показывает клыки, приподнимая губы, и вытягивает шею, давая понять вожаку, что Его личная жизнь касается Его одного. Вожак стаи не рвется в бой, внезапно он утрачивает ко всему этому интерес и качает головой, как бы говоря: «В конце концов, пускай делают что хотят».

Возможно, это первое его мудрое решение в роли вожака. Он инстинктивно понял нечто важное. ОН знает это, чувствует, уверен, что это так. Лютовать прямо сейчас нет нужды. Можно подождать, время есть. То, что ОН понял сейчас, сводится к мысли: «Чаще всего любовные истории плохо кончаются».

28. Дипломатия

Как подойти к этому месту, так успешно обороняемому галаго?

Лукреция Немрод отделилась от мужчин и решительно ступила на прогалину. Медленно шагая, она зорко следила, не полетят ли в нее метательные снаряды. Лемуры тоже внимательно наблюдали за девушкой, удивленные тем, что человек движется по их территории так неспешно.

Они пронзительно кричали, чтобы ее напугать, но Лукреция была сосредоточена на своей цели и приближалась к ней, не глядя на них.

Когда до кратера оставалось всего метра три, раздался пронзительный свист, как будто в небо вонзился мини-метеорит. Снаряд ударил девушку прямо в живот и повалил на землю. Галаго снова устроили дождь из плодов манго. Обратно Лукреция двигалась ползком. У края прогалины она поднялась и отряхнулась.

– Остается единственное решение, – холодно произнесла она. – Вернуться в ближайшую деревню, обвешаться боеприпасами и строчить по ветвям очередями, чтобы всех их перебить.

Анджело Ринцули ответил, что галаго слишком многочисленны, чтобы избавиться сразу от всех. За деревьями и среди ветвей прятались несколько сотен этих юрких созданий.

– Должен быть другой выход. Будем его искать, – решил Исидор Каценберг.

Они смастерили себе щиты из коры, но лавина снарядов была такой, что щиты оказались бесполезны.

– Спасовать перед лемурами, когда цель у самого носа, – это невыносимо! – процедила девушка.

– Лемуры-часовые полны решимости убивать людей, чтобы не пустить их на свою поляну, – напомнил актер.

– Должен существовать ненасильственный способ убедить их пропустить нас, – сказал толстяк журналист. – Вы, дорогой Анджело, жили в джунглях и знаете, как у приматов принято давать понять другим, что они не имеют воинственных намерений.

– Исидор прав. Представим себя на их месте. Вечно люди пытаются навязать животным свой язык! Лучше попробуем воспроизвести их язык.

– Тем более что в свое время у вас это отлично получалось, – бросил Исидор небрежно.

Актер прикинул свои возможности.

– Ничего не обещаю, но попытаюсь.

Он согнул колени, встал на четвереньки и медленно двинулся к прогалине. В знак покорности он втянул голову в плечи и стал издавать жалобные хнычущие звуки.

Ему навстречу выступил галаго ростом в какие-то полметра. Разглядев странное четвероногое вблизи, он пронзительно запищал, обнажив зубки-иглочки, воинственно выпятил грудь и задрал подбородок.

– Думаете, этот малыш лемур – тоже наш далекий предок? – спросила шепотом Лукреция.

Анджело Ринцули, добравшийся все тем же манером до опушки, похлопал себя по темени и вытянул вперед руку. Галаго осторожно приблизился и медленно прокусил до крови человеческую ладонь. Человек скривился, но не шелохнулся.

Так же медленно, как он погрузил свои острые резцы в ладонь, примат извлек их оттуда и с довольным видом дал понять, что теперь пришла очередь запястья.

Высшему примату нелегко было подвергаться такому неуважительному обращению со стороны низшего. Но актерское ремесло научило Анджело стойко сносить унижения. Продюсеры и режиссеры всегда были на них щедры.

Укусив человека за ладонь, за запястье и за ляжку, вождь стаи галаго остался доволен, о чем возвестил визгом. Чувствуя, что крохотный мучитель на этом не остановится, Анджело Ринцули наугад протянул ему другую руку. Но лемур возжелал большего.

Вокруг него запрыгали другие обезьянки галаго, выражавшие своей гнев на человека, не знакомого с азами выживания.

Они хотели большего, но чего?

Жесты вожака стаи стали более недвусмысленными. Ринцули не верил своим глазам: его визави определенно изображал спаривание. Подняв голову, он огорченно сказал журналистам:

– Боюсь, ваше предложение перебить всю эту нечисть было не так уж дурно...

– Нет! – отрезал Исидор Каценберг. – Этот зверек требует всего лишь сексуального подчинения.

– Но я не хочу! – возмутился Анджело Ринцули.

– Подражайте ему. Притворитесь. Это должно его устроить.

– По-моему, это позорно. Здесь замешана человеческая гордость. Это же какая-то косматая мелочь, тогда как я...

Галаго заверещал еще пронзительнее в знак нетерпения. Зрители среди

ветвей поощряли его в ожидании продолжения.

– Если об этом узнают, на моей карьере можно будет ставить крест.

– Бросьте, Анджело, вы отлично знаете, что актер должен уметь сыграть любую роль. Представьте, что это просто эпизод среди многих.

– Так-то оно так, но я не зоофил...

Галаго надрывался вовсю. По лицу Анджело Ринцули тек пот.

– Это так... унижительно!

– Вперед, Анджело, я уверен, что на протяжении карьеры вам попадались и не очень миловидные актрисы. Скажите себе, что этот юный самец галаго – такая же не слишком привлекательная особа.

– Но я всегда исполнял активную, а не пассивную роль!

Лукреция Немрод не стерпела всей этой торговли.

– Хватит вам! – крикнула она. – Все равно не отвертитесь. Принесите себя в жертву ради благородного дела: науки, знаний, истины о нашем происхождении.

Анджело Ринцули смирился и плюхнулся на живот, задрав зад, опустив голову и зажмурив глаза. Вожак стаи, зашедший сзади, продемонстрировал соплеменникам свой половой член размером с мизинец пигмея и шлепнул им человека. Пока он гордо изображал случку, все лемуры в округе издавали победные вопли, наслаждаясь этим триумфом своего вида.

– К счастью, это не попало на камеру, – утешился актер, опуская зад.

Вожак галаго обежал его, шлепнул напоследок своим крохотным членом по лбу и, довольный собой, прыгнул на ветку, чтобы хвастаться перед соплеменниками тем, как он возобладал над этими голыми великанами.

Исидор и Лукреция, пользуясь тем, что неприятель отвлекся, заглянули в кратер. В его центре зияла дыра. Они посветили в нее фонарем.

Вот это глубина!

29. ЕЕ гибель

Как глубок ЕЕ взгляд!

Для НЕГО ОНА совершенно необыкновенная.

ОНА – неразрешимая загадка. Горькая сладость. Изощренная проказница. Дитя и мать. Невероятная новизна, толчок к его индивидуальному развитию.

Глядя ей в глаза, ОН не может нарадоваться тому, как счастлива ОНА жить. Живости ее ума. Игривости. Ни в ком из самок его стаи нет ничего похожего. ОН говорит себе, что с НЕЙ ОН мог бы положить начало новому поколению.

В последний раз в этот день они занимаются любовью. В этот раз немного иначе. Получается эффектно. Сначала ОН думает, что ей больно, но может ли улыбка сопровождать боль? Потом ОН думает, что ОНА заболела, но ОНА просит его продолжать, и пусть ОНА болеет. ОН пытается понять – и понимает. Сначала долгий взлет, потом длинная, глубокая, сильная судорога. Содрогание. Оргазм.

ОН предполагает, что это явление вытекает из вертикальной позиции. ЕМУ такого не понять, но у природы все продумано.

Чтобы самки сразу после коитуса не вставали на задние конечности и не теряли семя, не прерывали начатое сперматозоидами сложное восхождение, новых «двуногих» самок после акта смаливает от удовольствия. Им надо немного полежать, что способствует успеху путешествия сперматозоида к яйцеклетке.

Женский оргазм – адаптация к вертикальной позе.

Раздавленная удовольствием, ОНА лежит и урчит, задржав ноги. ОН пользуется этим, чтобы, не выходя из нее, получить собственное удовольствие. Но если у женского пола чувства назревают и слабеют медленно, у НЕГО все это обычно происходит быстро. Однако не в этот раз: сейчас восторг назревает постепенно, зато какой он мощный!

ОН застывает в трансе. Это взлет, вертикальный взлет! В венах бурлят новые гормоны. Поразительно! Вся шерсть на спине встает дыбом, по позвоночнику пробегают неведомые прежде нервные волны.

«Мужской оргазм». ОН понятия не имел, что так бывает! Сильнейший электрический разряд по всему телу, от макушки до пяток. Еще одно открытие этого дня: у мужчин тоже бывает оргазм! Это не просто выброс семени, это нечто иное, гораздо сильнее. На вершине удовольствия в голове

ударяет фейерверк, а потом падает занавес – красный, оранжевый, белый. Занавес.

Последний выброс эндорфинов тут же погружает его в сладостный тяжелый сон.

Видя, что ОН спит без задних ног и что, следовательно, ОНА временно беззащитна, три самки стаи решают воспользоваться шансом и расправиться с пришельцей. Стоит ЕЙ опомниться после оргазма и отойти помочиться, как они окружают ее. К ней подскакивает самая ревнивая из трех, та, что со светлыми сосками. Ничего не говоря, она поднимает палку и делает вид, что играет с ней. Потом ее оружие неспешно, как в замедленном кино, обрушивается ЕЙ на голову.

ОНА издает крик.

ОН просыпается и вскакивает.

ОНА слишком далеко.

ОН с ревом бежит. Ему хочется крикнуть «нееееееет!», но так как это слово еще не изобретено, у него получается только «ooooooooo!»

ОН мчится что есть силы.

Слишком поздно. Удар нанесен, череп трещит, как расколотый орех. Самка со светлыми сосками нанесла в точности такой же удар, как тот, что прикончил прежнего вожака стаи. Кажется, она хотела показать, что усвоила урок.

ОНА падает навзничь, но жизнь еще ЕЕ не покинула. Голова окровавлена, но ОНА шевелится. Тогда две другие самки, подойдя, небрежно, как бы случайно бьют ее по голове. Это выглядит, как вопрос: «Так ли надо орудовать палкой?»

ОН издает страшный вопль. Когда ОН подбегает, все уже кончено. ЕЕ череп превращен в месиво. Не веря своим глазам, ОН в ужасе отшатывается, раздавленный этим бессмысленным насилием. Подходят другие самки и смотрят на труп. Некоторые окунают в череп пальцы, чтобы, съев кусочки мозга этой самки, приобрести ее соблазнительность, безупречно действовавшую на самцов. Возможно, они тоже надеются пережить такие же романтические идиллии...

Он воет, не щадя голосовых связок, расположенных слишком низко в гортани, чтобы произнести слова боли. ОН уносит изуродованное тело подруги.

Почему они это сделали? ОН испытывает странные чувства. ОН понимает вдруг, что для счастливой жизни им следовало спрятаться. ОН чувствует нечто, с чем не в силах совладать, – гнев. Положив тело любимой на землю, ОН идет убивать самку-убийцу. Но остальные ее загораживают.

ЕМУ дают понять, что лучше не множить насилие. Еще одна смерть ничего не исправит. Стая и так сильно поредела.

ОН все же берет палку и наступает. ОН хочет убить самку со светлыми сосками. Но вмешивается новый вожак. Он требует, чтобы ОН успокоился. ОН рычит, потому что вправе отомстить. Вождь стаи толкает его. ОН возмущен. Как?! Они смеют защищать убийцу?

Вожак стаи не знает, как объяснить ему ситуацию. Юстиция – еще не изобретенное понятие. Возможно, настанет день, когда такие вещи научатся регулировать. Пока что интерес группы в том, чтобы смертей было меньше, хотя бы ради успеха совместной охоты. Ничего личного!

Но для него это значит одно: система выгораживает преступников! ОН гневается, дерет глотку, колотит себя в грудь. Если стая вздумала защищать самку со светлыми сосками, то ОН перебьет всю стаю.

Доминантные самцы уже образуют «стенку», чтобы не дать ему осуществить месть.

ОН угрожает им, требует отойти, призывает в свидетели справедливости своего неистовства небеса, землю, облака, все стихии. ОН твердит, что если стая будет защищать самку со светлыми сосками, то тем хуже для стаи, ОН истребит ее всю.

Как будто с целью набраться храбрости и исполнить угрозу, ОН приподнимает мертвое тело подруги и оглушительно ревет. Его рев сотрясает джунгли. Птицы с криками взлетают с ветвей, лягушки выпрыгивают из трясины. ОН ревет все громче. Его разинутый до отказа рот изрыгает невыносимую боль.

В этот самый миг содрогается земля.

30. На дне дыры

При свете фонаря они увидели на дне песок, человеческие следы и чуть правее железный шкаф, подозрительно смахивавший на автомат с напитками.

Анджело Ринцули, лучший гимнаст в троице, первым спустился вниз по свисавшей тут же лиане. Лукреция и Исидор последовали за ним.

Первым делом они обследовали железный шкаф. Это действительно был торговый автомат, только немного переделанный. При нажатии на клавиши с символами лакомств он их выдавал, не требуя денег. Еда вываливалась в ответ на правильную комбинацию клавиш.

– Вот, значит, каков лемуров бог. Машина! – воскликнул Исидор Каценберг.

– Профессор Аджемьян обеспечил охрану своего святилища, соблазнив галаго килограммами шоколадок! – восхитилась Лукреция Немрод.

Исидор занялся клавишами. По лиане спустился один галаго, желавший проверить, не испортят ли люди их механическое божество.

– Пользоваться автоматом может только вид с зачатками интеллекта, – сообщил журналист. – Чтобы вывалилась сладость, нужно последовательно нажать на клавиши с подлежащим, сказуемым и дополнением. Иными словами, составить логичную фразу, хотя слова заменены рисунками.

Этот метод должен был послужить толчком для эволюции галаго. Только самые хитроумные могли спускаться сюда, общаться с машиной, раздававшей благодетельства, и выносить гостинцы наружу. Аджемьян постарался, чтобы мотором естественного отбора вместо силы и агрессивности стали языковые способности. Это приводило к изменениям в мозгу.

Неудивительно, что животные встретили маленький отряд градом твердых плодов. Галаго уже достаточно эволюционировали, чтобы обзавестись стратегией территориальной обороны на случай вторжения.

– Получается, профессор спустил в эту дырку машину, ускоряющую эволюцию близкого нам вида, – сформулировала Лукреция Немрод.

– «В начале был глагол», – продекламировал Исидор Каценберг, слегка изменив первую фразу Библии. – Перед нами машина, обучающая животных глаголам.

Механизм походил на тот, с которым репортеры познакомились у д-ра

Ван Лисбет, из чего следовал вывод, что либо палеонтолог позаимствовал его у нее, либо специалистка по пересадкам была его сообщницей. В любом случае хирург не могла не знать о работающей в глубине джунглей машине, разработанной ею.

Анджело Ринцули подтвердил, что так оно и было. После того как Софи Элюан перестала финансировать работу профессора Аджемьяна, это взяла на себя клиника д-ра Ван Лисбет.

– Почему медицинское учреждение, специализация которого – пересадка органов, берется финансировать исследования в области происхождения человека? – спросила Лукреция.

Галаго тем временем скользили по лиане вверх и вниз, как по вертикальной автостраде. Их вожак, разместившийся перед автоматом, составлял на клавиатуре логичные фразы, словно решил доказать людям свое умение разговаривать с механическим богом:

«Обезьяна хочет еда». «Солнце светит небо». «Банан кушать вкусно».

Люди осветили всю пещеру. Эта была сферическая пустота, вырытая просачивающейся дождевой водой. Геологи называют такие карстами. Гладкие стенки почти сходились на высоте пяти метров, там, где зияло полутораметровое отверстие, игравшее роль люка.

Справа, на высоте трех метров, из трещины в скале капала вода. Слева, во впадине, лежала коробка. Люди схватили ее и открыли. Там было письмо и коробка поменьше.

Они принялись жадно читать письмо и испытали сильнейший в жизни шок.

31. Рифт

Катаклизм.

В разверзшийся огромный разлом проваливается целый лес.

За долю секунды стоя исчезает в ожившей скале.

Все втянуты внутрь, проглочены, как мошकारа при небрежном зевке.

Стоя переварена матерью-планетой, тоже не вынесшей вопиюще несправедливого зрелища – ЕЕ убийства.

ОН пятится назад. Там, где росли лес и кустарник, населенные всевозможной живностью, теперь круто взлетела ввысь двадцатиметровая скала.

У него странное чувство, его ярость утратила смысл, ибо ОН отмщен. И что теперь? ОН застывает, не веря своим глазам.

Потом бездумно продолжает пятиться. За его спиной зияет пропасть, дальше пятиться нельзя. Земля продолжает разевать свою пасть. Он мчится прочь, преследуемый рвущим землю Рифтом. Все вокруг него рушится. Уцелевшее зверье бежит, летит, ползет дружным стадом, стараясь спастись от апокалипсиса. Газель рядом со львом. Змея рядом с мышонком. Древние страхи отступают перед катастрофой.

Поток раскаленной ало-оранжевой лавы течет вниз со склона, и теперь ЕМУ приходится убегать еще и от этой напасти. Лава растекается, кипящая и ненасытная, как некогда три гиены, бежавшие за НИМ по пятам. Только теперь его враг – жидкая порода, и ОН знает, что бессилен против нее.

ОН перепрыгивает через трещину, немного замедляющую лавовый поток, прыгает с ветки на ветку, но и деревья не выдерживают напора кипящей лавы.

ОН падает, скатывается в ложбину, соскальзывает в дыру.

Глубоко!

Сырой песок внизу смягчает падение. Но лава настигает ЕГО и тут, обрушиваясь сверху ало-желто-черным потоком фосфоресцирующей смолы. Он прижимается к стенке. Лава прекращает наступать, не сумев преодолеть очередную ступеньку.

Все стихает.

Спасен.

ОН ждет.

Угроза жизни миновала.

Обессиленный, ОН проваливается в сон.

Утром, обойдя свое убежище, ОН убеждается, что угодил в тюрьму, в каменный мешок с гладкими стенами. Не за что зацепиться, некуда влезть, чтобы отсюда выбраться. ОН спасся от кипящей лавы только для того, чтобы околеть от голода и жажды, в полном одиночестве.

Что поделаешь, без НЕЕ жизнь все равно лишилась смысла.

ОН ждет смерти, но она медлит. Тогда он принимает решение попробовать выжить.

Сидя он смотрит в дыру над собой, на клочок неба, и молит облака подсказать ему способ спасения. Как не умереть в этом узилище от голода?

И тут с неба падает нечто.

32. Рукопись профессора Аджемьяна

«Значит, у вас получилось. Вы здесь. Спасибо, что пришли. Спасибо, что прочли написанное мной. А теперь приготовьтесь удивиться».

Сцена походила на картину с религиозным сюжетом. Исидор Каценберг держал письмо, Лукреция Немрод, стоя рядом, светила на него карманным фонариком, Анджело Ринцули пытался его прочесть через ее плечо.

– «Я, профессор Пьер Аджемьян, – стал неспешно зачитывать Исидор, – находящийся в трезвом уме в этом чудесном месяце мае, всегда имел оригинальные представления о наших корнях. Например, наше родство с обезьяной я всегда считал тупиком. Не было никаких причин для того, чтобы обезьяна превратилась в человека.

В головоломке не хватает одного элемента, его я и искал всю жизнь, чтобы найти здесь...»

33. Оно

Упавшее с неба животное, по счастью, оказалось съедобным.

Двое переживших землетрясение смотрят друг на друга, принохиваются и определяют один другого как ходячее мясо.

Голод действует им на нервы.

Больше не колеблясь, они кидаются друг на друга, оскалив зубы и сжав кулаки. Противник быстро соображает, как действовать, и наносит ЕМУ удар в живот. Это битва не на жизнь, а на смерть. Она прерывается, только когда противникам надо отдышаться, и возобновляется с новой силой.

Силы равны, это только усугубляет единоборство, не прекращающееся два дня кряду.

На третий день бессонница и голод заставляют их расползтись в разные стороны. Обоим не до сна: за любой признак слабости придется поплатиться жизнью.

34. Другой зверь

– «...Здесь, в пещере, имеющей форму котла, произошла небывалая случайность. Я постарался воспроизвести ее обстоятельства, пользуясь оставшимися следами. Случайность эта, как я теперь убежден, была любовным актом. Здесь примат вступил в любовную связь с животным другого вида. И вот вам мое открытие: от этого противного природе соития родился гибрид, человек.

Но что это было за животное? Сначала я думал, что гиена. Это объясняло бы нашу уникальную предрасположенность к смеху. «Смех – человеческая особенность», – говорил философ Анри Бергсон, забывший про хохот гиен.

Потом я стал думать о связи примата и льва. Это объясняло бы небольшую гриву у нас на голове...»

35. Это существо

Два животных смотрят друг на друга в озлоблении.

И тут случается неожиданность: к ним в дыру падает спелый плод.

Манго.

Они неподвижно смотрят на плод. Для них эта непредвиденность имеет огромное значение. Из нее следует, что им не обязательно сжирать друг друга. Можно вместе утолять голод тем, что к ним упадет.

Итак, один: встреча.

Два: попытки выяснить, кто сильнее.

Раз ни у кого не выходит возобладать, начинаются мысли про:

Три: сотрудничество.

Оба знают, что если оставить попытки убийства, то можно будет отдохнуть, поспать.

Такое решение – огромный риск.

Первым примирительный жест делает ОН. Схватив плод, он ломает его надвое и протягивает половину другому животному. Сначала они едят манго осторожно, потом с нарастающей жадностью.

Плод выводит их из ада.

Манго.

Спасение от манго... Кто бы мог подумать?

Дальше, день за днем, к ним в яму падает и падает пища. Сначала растительная, потом и животная: малютки импалы; кролики; мангусты. Существа, спасавшиеся от хищников и на бегу провалившиеся в дыру.

Два первых обитателя ямы питаются все лучше. Оказывается, в пещере есть щель, из которой сочится приличная на вкус вода. Их тюрьма оказывается уютным гнездышком. Более того, оба соображают, что нуждаются друг в друге для умерщвления падающих к ним в дыру мелких тварей. Не говоря о том риске, который возник бы, провались к ним леопард или лев. С хищником удалось бы справиться только совместными усилиями.

36. Встреча

– «...Запертым здесь вместе с приматом оказалось не абы какое животное. Их встреча произошла неспроста. В ней присутствовала логика...»

37. Другой

В конце концов к ним падает змея и кусает ДРУГОГО в лицо. ОН тут же понимает грозящую обоим опасность. Без другого ему не выжить. ОН должен его спасти.

Он отсасывает яд, лижет рану, стараясь избежать отравления и для этого быстро сплевывая. Так поступал старый вожак стаи, и ОН бывал свидетелем успешного спасения укушенных.

ДРУГОЙ удивлен, но не сопротивляется.

Разделив манго и победив змею, они трогают друг друга. ДРУГОЙ смотрит на НЕГО с признательностью.

ОН теряет самоконтроль. Товарищ по неволе – не примат, но это самка. Возможно, дело в потребности в любви, из-за нее ОН позволяет себе немислимое. ОН спаривается с ДРУГОЙ, как будто это ОНА. Занимаясь с ней любовью, ОН думает о НЕЙ.

Так вместо ДРУГОЙ у НЕГО появляется НОВАЯ ОНА.

38. Негаданный партнер

– «...Ознакомление со статьей д-ра Ван Лисбет снабдило меня ключом. Она объясняла, что 99 процентов генов человека идентичны генам шимпанзе, чьи органы тем не менее отличаются от человеческих. Поэтому почки, легкие, поджелудочную железу для пересадки приходится брать у другого, неожиданного, не такого близкородственного животного, чей генетический код по неведомым причинам очень близок нашему...»

39. Его подруга

Оба участника любовного соития после его завершения чувствуют, что совершили непростительное святотатство. Тем не менее «противоестественный» акт произошел вполне «естественно». Они оторваны от своих соплеменников и надеются, что те никогда не узнают об этой «близости».

Они молча смотрят в глаза друг другу. Оба поражены: при всех морфологических различиях у них обоих одинаково нежный взгляд.

40. Вот оно что?..

Анджело Ринцули и Лукреция Немрод начали проявлять нетерпение. Слушая медленное, наставительное чтение Исидора Каценберга, они стали подозревать, что он нарочно испытывает их терпение.

– «...Другое животное нам хорошо известно. Оно настолько обычно в наших краях, что мы перестали его замечать. Тем не менее нельзя было не...»

41. НОВАЯ ОНА

Они присматриваются друг к другу. У них разные формы черепа. У НОВОЙ НЕЕ более острые уши, чем у прежней. Лицо удлинено, торчащие изо рта зубы делают ее вид странным. Зато мех похож: снизу розовый, сверху бурый.

ОН протягивает руку. НОВАЯ ОНА трогает его своей конечностью. Вот конечности у них совсем разные.

42. Вот оно что!

«...С этим животным у нас, как ни странно, наибольшая совместимость органов. На это особо указывала д-р Ван Лисбет. Этим наше сходство с животным далеко не исчерпывается. Тем не менее мы настолько его презираем, что не обращаем на него внимания. А ведь у нас одинаковый цвет кожи – розовый. Одинаковая – синяя или каряя – радужная оболочка глаз. Одинаковые привычки в семье: мать воспитывает детей. И мы, и оно всеядны. Мы общительны, привержены своей территории. Это животное подвержено нервным припадкам и в несчастье способно покончить с собой. Оно тоже умеет выказывать нежность...»

– Он когда-нибудь назовет эту проклятую тварь?! – взорвался Анджело Ринцули.

Исидор Каценберг, тоже испытывавший сильное нетерпение, перепрыгнул через несколько строчек.

– «...И животное это...»

43. Ева

ДРУГАЯ ОНА настолько другая! И при этом ОНА такая же.
НОВАЯ ОНА смущена не меньше, чем ОН.

44. ...

– «...И это животное...»

Исидор содрогнулся. Он не верил своим глазам. Делая над собой усилие, он выдавил:

– «...И это животное...»

45. Они

ОН не знает, что делает ЕЕ такой близкой, такой верной подругой. Возможно, оба они, каждый среди своих соплеменников, давно уже чувствовали свою особость. Были более открытыми. Испытывали больше сомнений.

Были в большей степени...

Пионерами.

Мечтателями.

46. Без обиняков!

– «...И это животное...»

Напряжение донельзя затянулось. Нужно было произнести наконец это до смерти пугавшее чтеца слово.

– «Свинья».

Исидор Каценберг умолк, словно грязно выругался, и теперь испытывал угрызения совести. Лукреция Немрод и Анджело Ринцули тоже утратили дар речи. Конечно, они готовились к удару, но не к такому. Все трое проглотили язык. Требовалось время, чтобы это переварить: их прародительница – свинья! Вот, значит, в чем заключается невероятная теория профессора Аджемьяна: Ева была свиноматкой!

Первым опомнился Исидор.

– «...По крайней мере, ее африканский предок, дикая свинья, называемая также бородавочником. Его родственники – свиньи и кабаны. Недаром народная мудрость гласит, что в каждом человеке дремлет свинья. Почему-то это никогда не понималось буквально. Мировые религии – сначала иудаизм, потом ислам – запрещают употреблять в пищу свинину. Иудаизм, кстати, никогда толком не объяснял этот запрет. Почему к свинье нельзя прикасаться? Не потому ли, что это наш дальний родич? Тогда ее поедание – вид каннибализма. Древние люди избегали уточнений, они просто требовали строгого исполнения закона, не объясняя почему.

В XVI веке один иезуит, вынужденный отведать человечину, живя в племени южноамериканских индейцев, заметил, что она имеет «в точности такой же вкус, как свинина, что жареная, что сырая».

Родство д-р Ван Лисбет обнаружила, следуя иным путем – пересадок. Именно пересаженные органы свиньи приживаются у людей лучше всего. Человеческий организм принимает свиную почку и свиное сердце, хотя отторгает сердце и почки шимпанзе. Диабетикам колют свиной, а не обезьяний инсулин.

И все же только здесь, на берегу реки Олдувай, в этой дыре, куда я сам случайно провалился, у меня упала пелена с глаз. Примат-самец оказался здесь на пару с самкой бородавочника. В отчаянии, навсегда отрезанные от соплеменников, они занялись... любовью.

Логика подсказывает, что эти два вида были генетически несовместимы, как они несовместимы ныне. А вдруг тогда хромосомы двух видов еще не окончательно стабилизировались? Вдруг еще не исключалась

возможность встречи с экзотическими генами? Так или иначе, у этой пары родился, наверное, гибрид, полу-обезьяна, полу-свинья. Обезьяносвинья. Отпрыск Адама-примата и Евы из породы свиней. Каина можно считать помесью. Это он, без сомнения, придумал, как вылезти из этой дыры».

Исидор Каценберг перестал читать и застыл, уставившись в пустоту. Как он ни пытался представить себе такую помесь, ему отказывало воображение.

Лукреция Немрод сжала себе ладонями виски и заткнула пальцами уши. Она понимала, что такого лучше бы вообще не знать. Весь мир предпочел бы неведение.

Все трое смотрели друг на друга, взбудораженные и встревоженные ответственностью, порожденной таким из ряда вон выходящим открытием. Исидор нехотя продолжил читать:

– «...Этот гибрид, первый «эскиз человека», выглядел, должно быть, поразительно, больше походя на свинью, чем на человека. Откуда взялось его потомство? У меня была мысль, что позже Адам-примат и Ева-свинья произвели на свет нового отпрыска, самочку, присоединившуюся снаружи к брату. Они стали размножаться, и...»

– Полюбуйтесь: инцест! – оживился Анджело Ринцули, довольный тем, что первым учуял скандальный факт.

– «...Но нет, такие помеси с трудом размножаются, – продолжил Исидор, перевернув страницу. – Скорее наш Каин, покинув родную яму, познакомился с необъятным наружным миром и завел там подружек. То есть стал совокупляться с самками приматов, усиливая обезьяньи свойства человека. По этой причине мы, нынешние, больше похожи на обезьян, чем на свиней...»

– Хотя... – подала голос Лукреция, вспоминая лицо Кристианы Тенардые.

– «Но остается загадка. Почему я нашел в этой пещере кости гибрида, раз он оттуда вылез? На сей счет у меня есть гипотеза, заслуживающая внимания наряду с другими. Думаю, размножаясь на воле, Каин ностальгировал по семье. Каин был, наверное, примерным ребенком, нежно любил родителей и не хотел бросать их в узилище. Он вернулся, чтобы помочь им тоже выбраться и похвастаться достигнутыми успехами. Увы, при одной из попыток извлечь родителей из дыры забвения он поскользнулся и упал вниз, к ним. Они к тому времени состарились и уже не имели сил, чтобы его посадить и вытолкнуть. Так все трое и умерли, выбросив на поверхность «человеческий опыт», подхваченный и продолженный вдалеке одной из самок-приматов, забеременевших от

Каина.

Здесь их могила, самая фантастическая из всех могил. Здесь встретили смерть Адам, Ева и Каин, изобретатели гомо сапиенс.

Сохранность костей далека от идеальной. Скелеты подпорчены кротами, утащившими многие части. От Адама остался только таз и несколько ребер, от Евы нижняя челюсть и часть коленной чашечки. Некоторые кости я так и не опознал – это, скорее всего, остатки семейных трапез.

От Каина осталась почти нетронутая правая конечность. Она доказывает правильность моих умозаключений, ибо она, эта конечность, похожа на... пятипалую свиную ногу!

Чтобы уберечь мощи от ненастий и хищников, а также в ожидании вашего появления здесь, я поместил их в изотермическую коробку, в ней им не страшны ни стихия, ни злоумышленники. Если вы нашли это письмо, то коробка тоже у вас. Откройте ее...»

Лукреция Немрод так и сделала. В коробке лежали обернутые полистиролом косточки, действительно складывавшиеся в пятипалую стопу. Оканчивались пальцы конусами, очень похожими на острые копытца.

– «...Перед вами Каинова конечность. Пятипалая! Наполовину свиная, наполовину человеческая...»

Троица передавала друг другу коробку с мощами.

– «Уверен, эта странная история вписана в наш генетический код. Если подумать, все мифы о происхождении человека так или иначе ссылаются на нее.

Изгнание из рая – это выдворение на земную поверхность, где в изобилии водилась дичь. Каин описывается как волосатый, то есть похожий на обезьяну. Многочисленные упоминания грязи, из которой вышел человек, намекают на этот провал в земле, где он томился и откуда вылез. Есть еще платоновский миф о пещере, есть легенда о манне небесной – чем не пища, падавшая в яму сверху? Можно привести еще уйму примеров из религий и мифов.

Правду знал не один я, но никто никогда не осмеливался высказать ее напрямую. Все прибегали к иносказаниям, к символам, к намекам. Но в один прекрасный день истина обязана была выплыть наружу.

Рано или поздно должна была разнестись весть: человек произошел от человека И от свиньи.

Это и есть моя тайна. Мое сокровище. Теперь вы, кто бы вы ни были, ВСЕ ЗНАЕТЕ. Надеюсь, что это завещание попало в хорошие руки.

Благодарю за уделенное внимание.

Пьер Аджемьян».

Они потрясенно застыли. Взгляд Анджело Ринцули был совершенно пустым. Лукреция Немрод до крови кусала себе губы. Молчание не прерывалось добрый час. Им так хотелось знать – и вот теперь они узнали.

Узнали тайну отца наших отцов.

47. Каин

ОН занимается любовью с НОВОЙ ЕЮ.

Девять месяцев спустя ОНА производит на свет детеныша мужского пола, ПЕРВОГО СЫНА.

ОН становится ОТЦОМ.

ОНА – МАТЕРЬЮ.

Первый сын гибок и игрив. Втроем они пытаются вылезти из ямы, забираясь друг другу на плечи. МАТЬ стоит снизу, ОТЕЦ, стоя у нее на плечах, привстает на цыпочки и поднимает на вытянутых руках ПЕРВОГО СЫНА. Но от свободы их отделяет еще несколько десятков сантиметров.

В следующие месяцы ОТЕЦ подбрасывает и подбрасывает ПЕРВОГО СЫНА в воздух, но тот еще слишком мал для успеха побега.

Надо попробовать что-то еще. МАТЬ предлагает сделать второго ребенка.

48. Полный крах

Первой нарушает молчание Лукреция.

– Теперь мне ясно, зачем Аджемьян нарисовал на своем зеркале букву S. Убийца тут ни при чем: в последние мгновения жизни он хотел открыть правду о недостающем звене. S значит suicide^[6].

Работать с Софи Элюан он больше не мог. Чтобы колбасница финансировала исследования, приводящие к открытию нашего родства со свиньями? Немыслимо!

– Понятно, почему ученые, знавшие главный тезис профессора Аджемьяна, отказались его поддержать, – сказал Исидор. – Свинья – предок человека? Нет, это смехотворно!

Вдвоем они стали перечитывать рукопись и так увлеклись, что не заметили бегства Анджело Ринцули, прихватившего с собой коробку с бесценным пятипалым содержимым. Когда журналисты спохватились, было уже поздно. Бесшумно, не шелохнув лианой и не оторвав их от чтения, акробат поднялся на поверхность и там порвал лиану и отвязал веревку, чтобы не позволить спутникам броситься за ним в погоню. Теперь, стоя над дырой в земле, он прижимал коробку к груди.

Оказалось, что актер утащил также и ружье.

– Что на вас нашло, Анджело? – крикнула девушка.

Тонкий силуэт наверху чернел на фоне светло-голубого неба.

– Мне очень жаль, друзья, но я всю жизнь был неудачником: плохим актером, плохим акробатом, плохим искателем приключений. Пора отомстить судьбе. Аджемьян на том свете, его научное завещание досталось нам троим. Двое явно лишние. Поэтому я вынужден оставить вас здесь. В этом нет ни враждебности, ни неприязни к вам. Виновато общество, не позволявшее мне расправить плечи. Теперь мне подвернулся шанс что-то совершить.

Он по-петушиному выпятил грудь.

– Можно задать последний вопрос, Анджело? – крикнула Лукреция Немрод. – Это вы убили профессора Аджемьяна?

Актер наклонился над дырой, чтобы громко и отчетливо произнести:

– Нет, я был его другом. Он назначил меня продолжателем своего дела. Этим я занимался и намерен заниматься впредь.

– Это вы – та обезьяна, что преследовала членов клуба «Откуда мы взялись?»?

Анджело Ринцули не стал отпираться. Какой смысл? Незадолго до смерти профессора он получил от него письмо с просьбой напомнить членам клуба об их обязательствах. Прикидываясь обезьяной, он призывал их к порядку, больше пугая, чем причиняя вред. «Не будьте пленниками своих ложных теорий, – означало это послание. – Не забывайте об истинном недостающем звене. Не забывайте данное профессору Аджемьяну обещание сделать в случае беды все, чтобы найти и разгласить его тайну». Акробат действовал исключительно из дружеской приязни к ученому, желая встряхнуть всех этих умников, замариновавшихся у себя в лабораториях и неспособных заглянуть дальше ошибочных классических постулатов.

Анджело Ринцули посещал заседания клуба и знал, какой у кого конек. Но даже скандальные выходки «обезьяны» не побудили никого из них пойти по профессорскому следу. Ни один не отправился в Танзанию. Как они разочаровали Анджело своей трусостью!

Все они были осведомлены о теории гибридной обезьяны, и никто не желал первым ее огласить, каждый ждал, пока на это решится другой. А кто он такой, всего-то бывший цирковой акробат, бывший актеришка из низкопробных порнофильмов, кто принял бы его всерьез, провозгласи он правду без малейших доказательств?

Полностью разочарованный, лишившийся всех иллюзий о научном мирке, он в конце концов решил похитить Софи Элюан. Вдруг его бывшая ученица проявит большую широту взглядов, чем эти шишки?

В этом человек-обезьяна не ошибся. В самолете он все ей растолковал, и она сразу все поняла и проявила если не образцовую отвагу, то по крайней мере любопытство. Помимо этого, Анджело Ринцули был убежден, что даже если Софи Элюан не обладает таким же научным авторитетом, как другие члены клуба, ее финансов хватит на то, чтобы обеспечить завещанию профессора Аджемьяна наибольшую огласку.

Он показал коробку с пятипалой конечностью.

– Теперь доказательство существует, это все меняет.

Он в последний раз наклонился над дырой и, прежде чем уйти, на прощание подмигнул.

– Дам вам последний совет: живите счастливо в ожидании смерти.

49. Авель

ВТОРОЙ СЫН сильно отличается от первого. Он не такой лохматый, он меньше обезьяна и больше свинья.

ОТЕЦ и МАТЬ говорят себе, что если продолжать рожать детей, то получатся новые варианты с разными степенями его и ее генетических характеристик.

Пока же они воспитывают ВТОРОГО СЫНА, готовя его к великой миссии: вылезти наконец из пещеры, на дневной свет.

50. Каменная тюрьма

Исидор Каценберг и Лукреция Немрод, находясь на дне ямы, сели и оперлись спинами о каменную стену.

– Какая жалость застрять здесь, достигнув цели! – простонала девушка.

– Нам везет больше, чем Адаму и Еве, оказавшимся в этом карсте. За нами как-никак пять тысяч лет технологий и всяких хитростей, порожденных мозгом с тысячью шестистами кубическими сантиметрами нейронов.

В доказательство своих слов Исидор вытряхнул их рюкзаки и провел инвентаризацию содержимого.

– Признавайтесь, гомо сапиенс, что вы задумали! – потребовала Лукреция.

Почему бы не сделать лук из большой берцовой кости, валяющейся у них под ногами, и ее лифчика в качестве тетивы? Пусть предки хоть так поучаствуют в их спасении.

Сказано – сделано. Сделав лук, они вложили в него стрелу – ребро. Журналистка прицелилась и выстрелила. Ребро-стрела взвилось ввысь, ни за что не зацепилось и упало обратно в яму.

– Это только в кино стрелы застревают среди ближайших камней.

Отвернувшись, девушка снова надела бюстгальтер. Исидор успел полюбоваться ее гладкой спиной.

– А не заняться ли нам любовью? – предложил он.

Девушка разразилась кашлем, потом спросила:

– Простите, я не ослышалась?

– Не заняться ли нам любовью? – важно повторил Исидор.

– Не намерена зачинать ребенка с целью выбраться из ямы, – отрезала Лукреция.

– Раз так, мы умрем, – сказал он, снова приваливаясь к стене.

Девушка сжала кулаки.

– Что за шантаж, Исидор? Я была о вас лучшего мнения.

– Считайте, что мне просто приспичило заняться с вами любовью, – последовал флегматичный ответ. – Полагаю, если мужчина и женщина угодили в яму и рискуют здесь сгинуть, им стоило бы получить от жизни немного удовольствия, прежде чем начать агонизировать. По-моему, это совсем недурно: заняться сумасшедшей любовью прямо здесь, в надежном

чреве нашей кормилицы планеты. Признаться, вы в моем вкусе: пусть миниатюрная, зато миленькая.

– Все вы, мужчины, одинаковые, – проворчала Лукреция. – В вас точно дремлет свинья.

– Свинья и обезьяна, – уточнил толстяк.

Девушку поразила дерзость товарища по несчастью. Правда, вместо того, чтобы настаивать, он флегматично разложил свой спальный мешок и растянулся.

– Не хотите, как хотите.

Девушка последовала его примеру со словами:

– Даже если бы мы взялись размножаться с целью вылезти отсюда, у нас не хватило бы еды, чтобы продержаться девять месяцев, пока не родится малыш.

– Адам с Евой продержались. Мы бы сначала съели печенье из автомата, а потом принялись бы за обезьян, которые спускались бы сюда, чтобы разобраться, в чем дело.

– У них больше нет лианы, как они спустятся?

– Мы питались бы кротами, слизнями, земляными червями. Вкус еще тот, зато протеины, необходимые, чтобы выжить.

За неимением подушки он подложил под голову мшистый камень.

– Допустим. Но через девять месяцев новорожденный не смог бы сам отсюда вылезть. Почувствуйте разницу: наши дети начинают ходить только в год. Думаю, через год мы бы друг друга сожрали – при всем моем к вам уважении. Не хочу доводить дело до такой крайности, лучше сразу покончить с собой.

– Ладно. Но сперва немного позабавимся.

Она приподнялась на локте.

– Лучше не настаивайте.

В первый вечер они сытно поужинали печеньем, составляя на автомате профессора Аджемьяна логичные фразы. Ночь они скоротали в разных углах пещеры.

Наутро были предприняты безрезультатные попытки бегства, день ушел на споры и ссоры.

Третий день прошел так же.

На четвертый день спор начался прямо с утра. Вечер был посвящен происхождению человечества и обсуждению их расследования.

Происхождение человечества стало темой также и пятого дня. Вечером Лукреция предложила поиграть в «три камешка». На ночь они немного сдвинули свои спальные мешки.

На шестой день тема происхождения человечества плавно сменилась обсуждением способов бегства. Днем они несколько часов играли в «три камешка», после чего уснули еще ближе друг к другу.

На седьмой день они только и делали, что играли в «три камешка». Партий набралось уже 452, в игре была достигнута высочайшая степень совершенства. Каждый знал, когда другой хотел создать впечатление, что он думает, что другой думает, что он хочет создать впечатление, что в руке у него определенное число камешков.

Каждая дуэль заставляла их напрягать воображение для разрушения дедукции противника и угадывания хода его мыслей. Нужно было прибегать к квазителепатии, чтобы проникнуть в чужие мысли, не давая другому сделать то же самое. Благодаря этой игре они теперь понимали друг друга лучше, чем если бы месяцами повествовали о своей жизни. Благодаря интересу к «трем камешкам» они меньше ели и совершенно перестали ссориться.

Вечером седьмого дня Исидор Каценберг замерз и попросил разрешения прижаться к Лукреции. Та не возражала. Его попытка перейти к ласкам была мягко пресечена. Еще рано, сказала она.

Наутро восьмого дня, вскоре после пробуждения, когда уже разгоралась новая партия «камешков», они обнаружили кое-что новенькое – свисавшую сверху лиану.

51. Каин и Авель

ОТЕЦ, МАТЬ, ПЕРВЫЙ СЫН и ВТОРОЙ СЫН влечат существование в пещере, во враждебной среде. Они убивают животных, падающих с неба, и зарывают остатки в земле, для большей сохранности. После падения в дыру пары крыс ВТОРОЙ СЫН предлагает развести целое крысиное стадо. Второй сын невероятно умен.

ПЕРВЫЙ СЫН, не желая от него отстать, разводит культуру плесени, оказывающуюся очень питательной.

Все ждут, пока ВТОРОЙ СЫН подрастет и снова попробует, вскарабкавшись на плечи старших, выбраться из ямы. Попытки множатся, успех близок. Решено дождаться, пока ВТОРОЙ СЫН подрастет еще.

Но внутри пещеры, в атмосфере скученности, возникает тяжелая атмосфера. ПЕРВЫЙ СЫН и ВТОРОЙ СЫН друг друга не выносят. Они соревнуются за отцовские ласки и за материнское вылизывание. Первый упрекает второго за его руки-копыта и за смешное рыло.

Второй корит первого за склонность к насилию и за недостаточное почтение к родителям. Их игры часто перерастают в потасовки, потасовки – в серьезные драки.

Однажды, когда они в очередной раз набрасываются друг на друга, ПЕРВЫЙ СЫН убивает ВТОРОГО.

Родители не успевают вмешаться. Сын гибнет у них на глазах. После этого они смотрят на сына-убийцу. С их надеждой покончено.

Как поступить? Покарать ПЕРВОГО СЫНА? Убить его?

Зачать его было так трудно, что расправиться с ним теперь воистину немислимо. После рождения ВТОРОГО СЫНА МАТЬ беременела еще несколько раз, но дети рождались мертвыми. Они знают, что больше у них не будет детей.

ОТЕЦ впадает в страшный гнев. Он воет, колотит кулаками по стенам тюрьмы. Первый сын не просто убил его любимого ребенка, он лишил их всякой надежды на освобождение. Вся их жизнь пошла насмарку. Даже матери не удастся его успокоить. В гневе ОТЕЦ хватается первого сына и с невероятной энергией, порожденной неистовством, бросает его вверх, чтобы раз и навсегда с ним разделаться.

Но ПЕРВЫЙ СЫН не разбивает голову о потолок. Траектория броска выносит его из дыры, рефлекс обезьяны-примата дают о себе знать, и он делает кульбит, чтобы не упасть вниз.

ОТЕЦ внизу не перестает вопить.

ПЕРВЫЙ СЫН слишком испуган гневом родителя, поэтому он прилагает все усилия, чтобы оказаться на поверхности.

ОТЕЦ и МАТЬ больше не кричат, так они поражены. ПЕРВОМУ СЫНУ удалось покинуть пещеру!

52. Неожиданные союзники

Лиана. По ней спускаются вниз лохматые существа. Исидор Каценберг и Лукреция Немрод почти с сожалением прерывают свою игру в «три камешка».

Для галаго исчезновение лианы тоже стало проблемой. Они знали, что, просто упав в яму, переломают себе кости. Поэтому они стали искать способ туда спуститься. На решение этой задачи ушло несколько дней. Помог, без сомнения, их развитый мозг – спасибо клавиатуре торгового автомата.

Они сообразили привязать лиану к стволу дерева, придумали даже крепкий узел. О его крепости свидетельствовала целая гроздь лемунов, сразу несколько десятков, одновременно заскользивших вниз по лиане.

Внизу их ждало разочарование: люди успели съесть много «их» печенья. Два доминантных самца стали выяснять отношения, обвиняя друг друга в излишнем доверии к людям.

Какая оплошность!

Целая неделя головоломки – и только для того, чтобы убедиться, что два великана сожрали немалую часть их запаса лакомств, которого не пополнить во всем лесу!

К драчунам спустился вожак стаи, чтобы, хватая их за руки, заставить немедленно вылезти наружу и там разбежаться в разные стороны.

Лукреция спешно похватила их пожитки и взялась за лиану.

– Ничего страшного, месье, – бросила она на прощание вожаку галаго, потрясенному причиненным ущербом.

– Без других животных нам, людям, никак не обойтись, – заключил Исидор, торопясь следом за ней.

Галаго криками торопили их поскорее убраться.

Когда чужаков след простыл, галаго сместили вожака, обвинив его в примиренчестве, и принесли коллективную клятву больше никогда не доверять людям, как бы те ни изображали покорность.

53. Прощай, яма

ПЕРВЫЙ СЫН задирает голову. Солнце слепит глаза. Всю жизнь он прозябал в яме, свет куда проникал только через дыру в скале.

Дневной свет для него почти невыносим. Он закрывает ладонями глаза. Свет пьянит.

ПЕРВОГО СЫНА тянет обратно в яму, в семейный круг, но оттуда продолжает звучать отцовская брань. Он знает, что у него нет выбора.

Свет немилосерден. Какое странное чувство! Кажется, его мозг выжигает огонь. Он ничего больше не чувствует – только это губительное пламя. Он опускается на корточки и пытается руками защититься от разящей струи фотонов.

Но мало-помалу его мозг привыкает к яркому свету, он выпрямляется и видит небо. Со дна ямы он видел только его клочок. А здесь небо бескрайнее!

Следующее незнакомое чувство после ослепления – холод. Внизу, в яме, температура практически никогда не менялась. Здесь его обдаёт то жаром, то холодным ветром, тонкая шерсть, вставшая дыбом, не спасает, и он ежится.

Третий удар наносит обоняние. Снаружи витают десятки, сотни, тысячи сплетающихся, дополняющих один другой ароматов: фруктов, пота, цветочной пыльцы, дерева, мочи, помета, мха, лишайников, пыли, земли... Крохотные частицы несут мириады посланий, но он ещё не умеет их расшифровывать.

Он как только-только вылупившийся из скорлупы птенец. Он втягивает голову в плечи, защищаясь от света, ветра, запахов.

Четвертая распахнувшаяся в нём дверь – слух. В пещеру звуки доносились ослабленными, здесь же, на поверхности, стоит неумолчный шум. Трещат птицы, сталкиваются стволами деревья, стрекочут кузнечики. А крики, а тьяканье, а хрюканье, а рычание!.. Во всем этом смещении несущихся со всех сторон сигналов он различает голос отца.

Отец продолжает клясть его со дна ямы. ПЕРВЫЙ СЫН вспоминает ужасные обстоятельства своего бегства оттуда. Гибель брата. Гнев отца. Воздетый отцовский кулак. Как может отец так озлобиться на родного сына, плоть от плоти?

ПЕРВЫЙ СЫН не шевелится, внимая этому приступу ненависти. Отец сожалеет, что оставил его в живых. На это он отвечает звуками,

означающими: «Пойми, папа, у меня получилось!»

Он издает звуки. Он хочет заговорить, хочет оправдаться перед отцом. В горле оживают и напрягаются не применявшиеся прежде мускулы. С отцом надо объясниться. Горло, рот, щеки – все рвется издать звуки, которые помогли бы ему добиться понимания.

Звуки раздаются, он повторяет их снова и снова. Ему нужно столько всего рассказать родителям. Главное, он хочет, чтобы они им гордились. «Но, папа, у меня получилось!» Лишь бы до них дошло, что не важно как, не важно, какой ценой их род спасен.

Но оттуда, снизу, не слышно ни похвал, ни поздравлений. Отец, похоже, тоже силится издать осмысленные звуки, но в них будет только его боль, только упреки и проклятия.

Непонимание.

Обе стороны стараются высказаться не одним криком, а как-то иначе. Горла опробуют новые нюансы. Одно чтобы обвинить, другое чтобы объяснить. Диалог невозможен. Наконец ПЕРВЫЙ СЫН говорит себе, что пора уходить. Его прощальное бурчание значит примерно: «Раз ты не в силах меня простить, папа, раз не можешь признать, что горд мною, я ухожу».

В последний раз он наклоняется над дырой и видит удивленный взгляд матери, труп младшего брата и безумные глаза ОТЦА.

Этот гневный отцовский взгляд из подземелья он никогда не забудет.

Неудобный предок

1. Блестящий сюжет

Из-под земли выплывали тысячи глаз. Покидая подземные коридоры метро, люди слепли от света дня. Придя в себя, они разбегались по тротуарам, спеша по своим повседневным делам. Жерло метро безостановочно изрыгало на поверхность людскую массу.

Куда все они направлялись? Большинство на работу. В тысячи других теплых кубических нор, где кипит работа современных людей. Телефонные звонки. Чтение газет. Чтение почты. Ответы на письма. Звонки. Обсуждение с коллегами вчерашних телепередач. Кофе из автомата. Колонки цифр. Проверка цифр, вписанных в колонки подчиненными. Объяснение подчиненным их ошибок. Вызовы к начальству. Диаграммы роста прибыли. Кофе из автомата. Утверждение контрактов. Телефонные звонки. Приставание к секретаршам в мини-юбках. Еда в ресторане. Телефонные звонки. Звонки мастерам по ремонту компьютеров. Звонки мастерам по ремонту телефонов. Заигрывание с секретаршей. Покупка нового компьютера. Покупка нового телефона. Покупка новой секретарши. Звонки. Кофе из автомата. Обсуждение недавних приобретений с коллегами. Обсуждение того, кто с кем спит в своем и в других отделах. Сколько там на часах? Что там еще в списке дел? Звонки.

Шумный мотоцикл «Гуччи» подъехал к зданию редакции «Геттёр Модерн». Лукреция Немрод сняла мотоциклетные очки и кожаный шлем и побежала вверх по лестнице.

Она опаздывала. Пробравшись между стульями, она уселась рядом с Фрэнком Готье. Кристиана Тенардые не удостоила ее даже взглядом. Обсуждение тем статей для очередного номера было уже в разгаре.

Максим Вожирар, сочинявший юмористические статьи на социальные темы, вознамерился написать про скандал с вялыми салатными листьями, подкладываемыми «для украшения» к ресторанным мясным блюдам с гарниром. Предложение вызвало всеобщий энтузиазм, прозвучали даже предложения создать ассоциацию борьбы с этим бедствием. Сюжет был одобрен. Ободренный автор вызвался написать о царапающих спину нейлоновых этикетках, но ему напомнили, что всякой борьбе свое время.

Ведущий криминальный репортер Флоран Пеллегрини собрался заняться матерью, утопившей сына после того, как тот застал ее в объятиях любовника. Засунув отпрыска в мешок для мусора, она бросила его в местную речку. Сюжету добавляла интереса фотогеничность матери-

детоубийцы, а также то, что в нее влюбился разбиравший дело следственный судья. Сюжет был принят на ура.

Клотильда Планкаоэ, специализировавшаяся на экологии, сообщила об опасности исчезновения, грозящей лесу в Папуасии, одному из величайших в мире: ему суждено было пойти на одноразовые шампуры для суши-ресторанов и на одноразовые носовые платки для западного мира. Индонезийцы, завладевшие южной частью острова, стремительно продавали лесные концессии японским и американским консорциумам. Для упрощения ситуации они безжалостно истребляли местных папуасов.

Заведующая скорчила гримасу и сказала «нет», ничего не объясняя. Тогда Клотильда Планкаоэ предложила статью об исчезновении рыбы в Мировом океане. Индустриальный вылов настолько опустошил поверхностный водный слой, что траулерам приходилось тралить недостижимые прежде океанские глубины. Выловленные оттуда страшные монстры быстренько теряли всякую узнаваемость и перерабатывались в «филе сайды».

Все это ничуть не заинтересовало Кристиану Тенардье, велевшую девушке оставить затею дискредитировать лесную и рыбную отрасли. Журналист-эколог понуро села, бормоча, что к следующему разу постарается исправиться.

Жан-Пьер Дюбоск, заслуженный репортер-международник, напомнил, что только что вернулся из Центральной Африки, где наблюдал, как люди забивают друг друга палками и камнями ввиду дефицита патронов, не позволяющего убивать как полагается.

– Очень хорошо! – оживилась Тенардье. – Этим можно открыть раздел «новости». Только учтите одну деталь: вы всегда начинаете репортажи с маленькой девочки с засиженными мухами глазами, рыдающей над убитой матерью. Пришла пора обновления, дорогой Жан-Пьер. Альберт Лондон и тот избегал повторений, когда стремился привлечь внимание к своим репортажам. Они снижают достоверность. Попробуйте, не знаю, хоть мальчика с распухшим от голода животом, плачущего оттого, что его отца захватили в плен...

В комнате снисходительно захихикали.

– Кто следующий?

Фрэнк Готье разоблачал гомеопатию, акупунктуру и прочие нежности в медицине. Ему не терпелось свести наконец счеты со «всеми этими шарлатанами, наживающимися на доверчивости пациентов». Жан-Пьер Дюбоск сказал, что лично он прибегает к гомеопатии и что лично ему она вполне помогает. Пеллегрини напомнил, что у читателей «Геттёр» вся эта

«мягкая» альтернативная медицина в большой моде. Тенардые призвала их к молчанию.

– Не важно, действуют или нет эти бабушкины снадобья. Подобные статьи призваны развязать полемику. Разве задача всякой прессы – не раздуть затухающий пожар? Если у Фрэнка получится использовать его фирменный обвинительный тон – а он, полагаю, с этим справится, – то мы минимум на год будем обеспечены мешками писем. Безосновательная провокация и последующие извинения – главное, чем кормится расследовательская журналистика.

Все устали на Лукрецию Немрод: настал ее черед говорить. Она встала, машинально одернула короткую юбку, избавляясь от воображаемой складки, и поведала, что на пару с Исидором Каценбергом добралась аж до Африки, отыскивая то самое недостающее звено, и теперь готова изготовить об этом сенсационную статью.

Взгляд заведующей рубрикой посуровел. Имя Исидора Каценберга, судя по всему, не вызывало у нее добрых чувств. Она потребовала, чтобы девушка продолжала, – так волк приглашает ягненка пожаловать к нему в пасть.

– В дебрях танзанийских джунглей мы нашли разгадку тайны профессора Аджемьяна. Теперь мы знаем, в чем заключалась его теория. Похоже, он действительно раскопал нашего древнейшего предка. Отца наших отцов. Это наделает шуму.

Заведующая закурила сигару и выпустила мутное облачко.

– Вы располагаете доказательствами ваших утверждений?

– Да. Вернее... Скажем так, мы видели доказательство, но его у нас похитили. Но вы сами только что говорили, что расследовательская журналистика стоит на провокации и на принесении извинений...

– Стоит, когда речь о гомеопатии. С палеонтологией все немного не так, – ответил за заведующую рубрикой Фрэнк Готье. – Тайна нашего происхождения – слишком животрепещущая тема, чтобы браться за нее бездоказательно. Здесь нельзя швыряться необоснованными гипотезами, не тот предмет.

Предательство коллеги сбило Лукрецию с толку.

– Бездоказательность обесценивает любую теорию, – не унимался Готье. – Предъяви череп, осколок кости, что угодно, что смогут подвергнуть экспертизе настоящие ученые. Нельзя публиковать первые попавшиеся измышления. На кону доверие к нашему журналу.

Лукреция сделала глубокий вдох, чтобы сохранить спокойствие.

– Профессор Аджемьян... – начала она.

– ...мертв, – перебил ее Фрэнк. – Значит, он не сможет тебя поддержать. А главное, коллеги всегда считали его чудаком.

Тенардые с удовольствием следила, как Готье расправляется со своей стажеркой. Но та еще не была готова признать поражение.

– Отлично, я предъявлю доказательство! – крикнула она окутанной сигарным дымом заведующей рубрикой.

Тенардые зловеще ухмыльнулась: ее посетила неплохая мысль.

– А что, сюжет может оказаться занятным, – вдруг пошла на попятный она. – Почему бы им не заняться? Фрэнк, дорогой, как насчет составления научного досье, только по-настоящему серьезного, обо всех современных знаниях касательно происхождения человечества? По-моему, один вы обладаете необходимым профессионализмом, чтобы заняться настолько важной темой.

Фрэнк Готье поспешил с ответом, что сюжет интересует его до глубины души и что ради него он готов отложить статью о гомеопатии. У него хватает друзей-палеонтологов, которые охотно поведают ему «истинную» историю наших предков. Максим Вожирар дал понять, что эта тема – один из его любимых «коньков» и что он охотно разбавит материал Фрэнка юмором, пройдясь по страсти французов к тайне их происхождения.

– Но... – оскорбилась было Лукреция Немрод.

– Это было бы целое досье. Даже с выносом на обложку! – поднажала Тенардые.

Клотильда Планкаоэ робко предложила соорудить врезку о случайных палеонтологических находках во Франции при строительстве автомагистралей.

– Прекрасная мысль, дорогая Каролина. Вот видите, стоит вам захотеть, как...

– Но... – снова заикнулась Лукреция, не веря своим ушам.

Но Тенардые уже свернула совещание.

– Это будет объединение, а не обложка! – сказала она под конец. – Кто хоть раз не задавался этим страшным метафизическим вопросом, волнующим всех нас: «Откуда мы взяли?»

2. С высоты

– Индейцы сиу считают, что человека создал кролик, случайно набредший на сгусток крови и принявшийся играть им своей лапкой. Сгусток превратился в кишку. Кролик продолжил игру, и на кишке выросло сердце, потом глаза. Постепенно возник мальчуган, первый на свете.

Исидор Каценберг увлеченно листал свои книги мифов. Лукреция тоже взяла одну.

– С точки зрения мексиканских индейцев XVI века, Бог создал человека из обожженной в печи глины. Только первого человека Он передержал в печи, и человек получился горелый, черный. Бог остался недоволен и не глядя отшвырнул первый экземпляр, который упал прямоком в Африке. Во второй раз Бог был осторожнее с обжигом. Человек получился бледный, белый-белый, сырой. Он тоже полетел прочь и упал в Европе. В третий раз Бог вообще не отходил от печи, чтобы вышло изделие медно-бронзовое, в меру смуглое. Он добился успеха, человек получился ни недожаренным, ни пережаренным, а в самый раз. Так возникли мексиканцы, которых Бог поселил в центре Америки.

– А вот египтяне, жившие в Гелиополисе за 2300 лет до рождения Христа, полагали, что человек – плод мастурбации бога Атона. Из его спермы возникли близнецы Шу и Тефнут, первые люди.

Лукреция уже была готова принять эстафету.

– У меня тут шумеры, 1200 лет до нашей эры. По их верованиям, боги устали все делать сами и решили принести одного в жертву, чтобы появился род слуг, а они сами впредь только лентяйничали бы.

– Надо же, сколько гипотез и вариантов! Ну, и до кучи безумные измышления об отце наших отцов, связавшемся со свиноматкой!

Оба расхохотались.

Он уставился на нее. Когда она смеялась, у нее на щеках появлялись ямочки. Тут сам собой включился телевизор.

– Время современной мифологии! – объявил ведущий в безупречном блейзере и принялся зачитывать заголовки новостей. Предлагался, в частности, эксклюзивный репортаж о сиротских приютах Румынии. По словам репортера, в этой стране существовала манера оставлять детей на церковных папертях, откуда их доставляли в грязные и шумные государственные сиротские приюты. Комментатор уточнял, что, так как в стране не хватало денег и персонала для ухода за всей этой оравой,

новорожденных найденышей держали в зарешеченных, как тюремные камеры, кроватках, в которых они беспрерывно надрывались криком. Некоторые сходили с ума и царапали себе лицо. На самых буйных уже с двух лет силой надевали смирительные рубашки. Приглашенный к микрофону социолог объяснял, что в мире множится количество брошенных родителями детей. На данный момент таковых 146 миллионов, и эта цифра стремительно растет во всех странах. Исидор резко выключил телевизор. Он был потрясен.

– Сто сорок шесть миллионов! – прошептал он, качаясь, как пьяный, и обхватив руками голову.

Теперь Лукреция понимала, почему он одержим Путем Наименьшего Насилия и почему придумывает радужное будущее. Настоящее повергало его в ужас. Была как будто странность – его приверженность теленовостям; впрочем, она нашла ответ и на это: желание знать. Нежелание прятать голову в песок. Желание смотреть в лицо миру, в котором живет.

– Все в порядке, – спохватился он. – Извините.

– Я понимаю, – сказала она. – Я сама сирота, меня это касается в первую очередь.

– Раз мы бросаем своих детей, значит, весь наш вид...

– ...перестал интересоваться будущим своего потомства, – закончила она за него.

Он решительно поднялся.

– Наверное, пришло время познакомить вас с еще одним моим секретом.

Толстяк повел девушку к массивной колонне, высившейся, как огромная цилиндрическая мачта, в центре комнаты. Открыв дверцу, он указал на винтовую лестницу.

Она последовала за ним. Он отпер очередную дверь, погасил электрический свет и зажег семь свечей на подсвечнике. Они подошли к маленькой платформе, окруженной водой. Они находились в верхней цистерне.

Лукреция смекнула, почему Исидор предпочел свечи: чтобы было не слишком светло. Потолка здесь не было, над их головами сияли звезды.

– Здесь я провожу мои отпуска.

Он задул все семь свечей. Света звезд хватало с лихвой.

Он указал на дощатый мостик, ведущий к окружавшему воду пляжу.

– Люди далеко, зато звезды близко.

Он извлек откуда-то диск и поставил его в проигрыватель. Зазвучала «Гимнопедия» Эрика Сати, от которой по воде побежала рябь. Он ткнул

пальцем в два шезлонга.

– Потряса...

Он приложил палец к губам и указал на звезды.

– Программа этого вечера – Сати и галактики.

– Я...

Он опять прижал палец к губам.

– Тсссс... Слушать. Понимать. Молчать.

Он усилил звук. Музыка заполнила весь объем.

Все небо заполнили звезды. Чем больше она на них смотрела, тем больше видела совсем новых.

В атмосферу вошел метеорит, оставляя за собой тонкий след. Она загадала желание.

– У меня такое ощу...

Исидор уже не призывал ее к молчанию. Он просто заговорщически улыбался, и она поняла, что он чувствует то же, что она, и что именно для этого он сюда приходит. Здесь не нужно было разговаривать, чтобы понимать друг друга.

Потом она услышала звук, похожий на плеск. Сначала трудно было разглядеть в полутьме поверхность воды, но теперь, когда зрачки расширились, она видела лучше. Из воды торчали и смотрели на нее три головы.

Она испуганно отшатнулась. Но три насмешливых морды принадлежали знакомым созданиям – дельфинам.

– Дель...

Исидор жестом призвал ее к молчанию, встал, разделся и прыгнул в теплую воду. Прыжок вызвал брызги и волны, но дельфины с пронзительными криками бросились к нему и затеяли игру.

– Можно мне? – спросила она.

– Нет, еще рано.

Оставшись на берегу, она любовалась звездами и слушала звуки игр ее друга и дельфинов. Размышляя о происходящем, она поняла, что здесь Исидор избавляется от всего дурного. В воде меньше ощущаешь даже такое насилие, как сила тяжести, прижимающая нас к земле и давящая на наши кости. Дельфины были его врачами, ночь – целительной лазейкой.

На своем «курорте» он излечивался от колоссального стресса и уже не испытывал ни жажды мести, ни злости.

Исидор плавал и прыгал в воде. Казалось, дельфины понимают, что сегодня они ему особенно нужны. Все три были покрыты шрамами. Видимо, Исидор выходил их после ранений, нанесенных корабельными

винтами. Начни со спасения тех, кто спасет тебя.

Дельфины увлекали Исидора во все более длительные погружения, кружились вместе с ним вокруг центральной мачты с лестницей внутри. Исидор цеплялся за спинной плавник то одного, то другого, жмурился и блаженно улыбался.

Потом он вылез из воды и обмотался полотенцем.

– Вы узнали их мнение?

Внезапно Исидор обрел решимость.

– Лучше! С ними я... вернулся к себе. – Он обернулся. – Думаю, эта история с недостающим звеном имеет ключевое значение. Нам надо торопиться, если мы не хотим исчезновения пятипалой конечности.

– Как бы Анджело не загнал ее тому, кто даст хорошую цену, – зло сказала журналистка.

– Ему требуются и деньги, и доверие, – напомнил Исидор.

Они сошлись во мнении, что среди покупателей никак не могут фигурировать астроном Сандерсон и биолог Конрад, в силу своих занятий не располагающие достаточными для этого средствами.

Оставалась одна д-р Ван Лисбет.

– Она не только имеет доступ к неограниченным финансам клиники для миллиардеров, но и стояла у истоков открытия связи со свиньей, – напомнила Лукреция. – И эта ее клиника какая-то странная...

– Проклятье! – Исидор Каценберг замер и стал забрасывать себе в рот лакричные ириски. Топка его мозга требовала все больше сахара. – Как я раньше об этом не подумал?!

– О чем?

– Об их пресловутой зоне CIRC.

– Там они проводят эксперименты, не пойму, что в ней интересного... – удивилась Лукреция.

– Все дело в инициалах!

– CIRC?

– А если произнести быстро?

Лукреция забормотала бессмысленные буквы, а потом застыла, как от удара током.

– Цирцея, богиня из греческой мифологии!

Только теперь девушке стало понятно волнение друга.

– Помните, чем она отличалась?

Девушке излишне было напоминать, что греческая волшебница Цирцея из «Одиссеи» превратила людей Улисса... в свиней.

Они покинули водокачку и помчались на мотоцикле с коляской сквозь

НОЧЬ.

3. Один

Он замечает вдалеке стаю приматов.

Они похожи на Папу.

ПЕРВЫЙ СЫН бросается к ним в надежде, что стая примет его. Но три доминантных самца сразу дают ему понять, что лучше ему держаться от них подальше. Он настаивает, тогда в него швыряют камни. За камни берутся даже дети. Здесь не жалуют чужаков.

ПЕРВЫЙ СЫН не знает, как он выглядит, но их враждебность наводит его на подозрение, что он отличается от них.

Тогда он приближается к семье бородавочников. Как Мама.

Но самцы с самыми длинными клыками отгоняют его, давая понять, что лучше ему проваливать.

Ему хочется с ними поговорить. Сказать, что его отличия – вовсе не изъян, что его отец и мать, будучи такими разными, только обогатили его личность. Но ему намекают, что он не просто нежелателен, а неуместен.

Животные не узнают его ни на вид, ни по запаху. Для них ПЕРВЫЙ СЫН – выродок, мутант. Все надеются, что он подохнет, не оставив потомства.

Он сворачивается в клубок, замыкается в себе. Надо было остаться в пещере, с семьей. Родителей по крайней мере не шокирует его облик.

4. Клиника

Лукреция Немрод без труда вскарабкалась на забор клиники «Мимоза». Другое дело – тяжелый и неспортивный Исидор.

Прибежали собаки. Исидор бросил им заготовленные на этот случай лепешки с хлороформом.

Усмирив псов, они пересекли парк и проникли в здание. У входа толкались люди. Пациенты, страдавшие бессонницей, требовали внимания терпеливых медсестер. Стараясь оставаться незамеченными, двое журналистов заспешили по коридору в зону CIRC.

Из конференц-зала доносились голоса. Д-р Ван Лисбет собственной персоной учила уму-разуму дюжину студентов. Как можно было понять, прильнув ухом к вентиляционной решетке, она объясняла, как брать у свиньи поджелудочную железу и как потом «очеловечить» этот орган, пересадив шимпанзе бонобо. На третьем этапе орган имплантировался человеку. Затем она показала график успешности операции.

В зале находились свинка и обезьяна. Как объяснила докторша, свинка была подвергнута генетической модификации для снижения процента отторжения при пересадках. Затем была поставлена видеокассета с пациентом, страдающим неизлечимым заболеванием.

– До операции на него не действовал даже морфин. Мы имплантировали ему в центральный канал позвоночника микрокапсулы с клетками хроматинами из свиных надпочечников. Эти клетки естественным образом начали продуцировать обезболивающие вещества, в частности допамин, энкефалины, соматотин. Результат превосходит все ожидания. Некоторым больным можно было уже не давать морфин. Отторжение импланта произошло у одного-единственного пациента.

Как подчеркивала хирург, подобными опытами занималась не одна «Мимоза». На биологическом факультете университета Провиденса в американском штате Род-Айленд и в Медицинском училище Луизианы пытались лечить болезнь Паркинсона при помощи пересадок тканей от свиньи. Внушительными удачами завершались пересадки поджелудочной железы, надпочечников, даже сердца.

– Вы что-то ищите?

Исидор и Лукреция вздрогнули и обернулись. Охранник вежливо пригласил их в конференц-зал.

– Кажется, эти двое – не ваши студенты.

Д-р Ван Лисбет узнала журналистов и сказала охраннику, что он может продолжать обход, так как гости неопасны. Тем не менее она свернула занятие и поспешила увести их к себе в кабинет.

Усадив гостей и сама сев к столу из красного дерева с подарочными ручками и тщательно разложенными папками, она заговорила:

– Мне известно, что вы побывали в Танзании. Итак, вы все знаете, потому и оказались здесь. Но вы ошибаетесь, если думаете, что пятипалая нога теперь у меня. Конечно, Анджело Ринцули связался со мной, но только чтобы сообщить, что он устраивает аукцион. Он состоится на следующей неделе в Зимнем цирке, сразу после его представления.

Д-р Ван Лисбет показала репортерам папку с фотографией пятипалой ноги и с датой и местом аукциона. Потом скрестила стройные ноги в черных чулках и откинулась в кресле.

Глядя ей в глаза, Лукреция Немрод сказала:

– Вы с самого начала знали о гипотезе профессора Аджемьяна – помеси человека и свиньи. Почему вы ничего нам не сказали?

– Это скользкая тема. Свинья всегда вызывала негативные чувства. На ферме крестьяне награждают ее пинками. Здесь, в нашей клинике, многие клиенты – нефтяные миллиардеры с Ближнего Востока. Если они узнают, что им вшили сердце, почку, поджелудочную железу свиньи, разразится грандиозный скандал. Они затаскают нас по судам и, скорее всего, разорят.

Внимательно посмотрев на них, она приняла решение.

– Идемте! – позвала она.

Они перешли в отдельную маленькую постройку в глубине парка, которую не заметили в первый раз. Внутри все было посвящено свиному культу: и внушительные скульптуры, и афиши на стенах.

– Я изучала свиней и потеряла покой. С одной стороны, они близки к нам и умны, с другой, их безжалостный забор поставлен на конвейер. Какой стыд для человека! Как можно мнить себя вершиной эволюции при таком отношении к другим животным? Поэтому я не довольствовалась экспериментами в CIRC и стала при помощи Фронта освобождения животных финансировать его особый французский филиал, Фронт освобождения свиней. Я сумела убедить акционеров «Мимозы», что для имиджа клиники было бы полезно показать, как активно мы поддерживаем борьбу с плохими условиями содержания животных. Так от нас, по крайней мере, отстали различные организации борьбы с вивисекцией. Акционеры согласились предоставить для наших коллекций старый павильон и оранжерею по соседству.

Молодые люди в дверях разгружали пачки брошюр, тубы с афишами,

футболки с символикой во славу свиней.

– Это добровольцы, понявшие важность реабилитации свиньи, – уточнила она.

Лукреция и Исидор вошли следом за ней в этот музей свиньи. В главном зале высилась огромная статуя свиньи с бронзовой табличкой на постаменте: «В сердце каждого человека дремлет свинья».

Докторша любовно погладила статую.

– Это самое сговорчивое, привязчивое, близкое нам животное, какое я знаю. Древние галлы поклонялись свинье, считая ее священным животным, единственным, умеющим находить трюфели. В Древнем Египте богиню неба, мать звезд Нут иногда изображали подобной свинье, кормящей молоком поросят. В Турции существовал культ кабана.

Лукреция Немрод вытащила свой истрепанный блокнот и стала делать записи, поглядывая на многочисленные символы, статуи, картины, фолианты, прославлявшие свинью.

– ...Но времена свиной славы оказались недолгими. Один из двенадцати подвигов Геракла, бой с вепрем Эримантоса, символизирует ее падение с пьедестала. Свинья повсеместно терпела поражение и лишалась былого ореола. Мелеагр убивает гигантского вепря из Калидонского леса, Тезей – Кроммионскую свиноматку...

Они вошли в зал, заставленный клетками. Каждая была любовно приспособлена для максимального комфорта ее обитателя, включая удобные подушки и «умные» поилки. Освещение здесь было приглушенное. На всех ячейках висели таблички с именем свиньи и с ее генетическими характеристиками. Здесь были Шарль-Эдуард и Максимилиан, Вольфганг Амадей и Ахилл, Иоганн Себастьян и Людвиг. Научные отметки сбоку предназначались, как поняли журналисты, для целей пересадки органов.

Соланж Ван Лисбет приласкала поросенка и предложила экскурсантам сделать то же самое.

– Обратите внимание на его мягкую, гладкую розовую кожу. Это животное очень легко приручить. Оно чище кошки, преданнее собаки. Его не надо выгуливать. Оно отзывается на свое имя, любит лизать хозяину руку, охотно осваивает трюки. Может приносить газету, способно идти по следу, потому что превосходит чуткостью многих других. Неслучайно только оно умеет находить трюфели.

Исидор тоже взял поросенка на руки.

– Свинья – благородное создание во всех смыслах этого слова, – продолжила докторша с прежним воодушевлением. – Она разумна,

обладает чувством семьи. Ценит свою пару. При спаривании так волнуется, что это иногда приводит к летальному исходу. Вот какое это страстное животное! Чрезвычайно любопытное, все время заботится об улучшении условий своей жизни.

Теперь и Лукреции захотелось приласкать поросенка.

– Видите, вы тоже включились в игру, – сказала Соланж Ван Лисбет. – Если у свиньи есть шанс вам понравиться, она в этом преуспеет. Утверждают, что в сердце каждого человека дремлет свинья, но правильное было бы сказать, что она дремлет только в сердцах лучших людей!

– Бедняжка, – сказал поросенку Исидор, – не повезло тебе, ты родился на нехорошей планете. – Он повернулся к хирургу. – Когда вы впервые осознали, что свинья представляет особый интерес?

Жестом предложив гостям полюбоваться изображениями различных пород свиней на стенах, д-р Ван Лисбет рассказала им сказку.

В старину в Китае свинья была любимым животным у детей. В те времена китайцы откармливали на мясо собак, а свиней приручали как друзей человека. Однажды в Сычуане у одного мальчика загорелся дом. Ребенок бросился внутрь, спасти своего друга поросенка. Но тот уже погиб, задохнувшись от дыма, и наполовину обуглился. Ребенку захотелось напоследок прижать его к себе, но вытекший кипящий жир обжег ему руки. Тогда, желая унять боль, ребенок поднес пальцы ко рту... и выяснилось, что жир очень вкусный. Весть разнеслась, и китайцы стали жарить своих прирученных друзей на вертелах. Так завершилась карьера свиньи как друга и спутника человека.

Тогда же во всем мире свинья превратилась в отменное сельскохозяйственное животное. Ей не надо много места, она всеядна, неагрессивна. В том и состоит ее драма – в приспособляемости, робости, привязанности к человеку, обрекающему ее на гибель.

Фотографии вокруг иллюстрировали первые шаги интенсивного свиноводства. Массовое содержание. Машины для рубки, перемалывания, переработки туш. На одном плакате были представлены предметы, изготавливаемые человеком из свиньи: от щеток до кистей, сальные свечи, клей из копыт, кожгалантерея, кисеты для табака из мочевых пузырей.

– Хотите знать, сколько свиней содержится в мире на момент нашего разговора? Примерно 650 миллионов, в два раза больше, чем население США!

Исидор и Лукреция уставились на фотографии: пирамиды банок с изделиями из свинины, горы сосисок в целлофане, мортаделлы, рулетов, белой и черной кровяной колбасы, колбас с яблоками, с перцем, салями...

– Вот как их собирают...

Веселая свинья на старинном рекламном плакате протягивала свои кишки в виде сосисок, приговаривая: «В свинье все вкусно!»

Д-р Ван Лисбет подошла к фотографии группы ученых.

– Тридцать лет назад в одной английской лаборатории случайно обнаружили удивительную совместимость наших и свиных органов. По неведомым причинам наш организм совместим со свиным.

На полках выстроились емкости с органами в формалине.

– Когда нехватка органов для пересадки вырастает в серьезную проблему, когда в странах третьего мира убивают бродяг, чтобы вырывать у них глаза, или даже детей, чтобы забрать почку, спасением становится свинья.

Д-р Ван Лисбет снова взяла на руки поросенка.

– Это Максимилиан, самый хитрый из всех наших здешних поросят. Непревзойденные результаты теста на интеллект. Хотите, покажу?

Она привела их в комнату с клетками, замки которых были похожи на замки клеток с шимпанзе бонобо. Стоило ей посадить в клетку поросенка, как он провернул колесики с символами, составив фразу: «Я иду к тебе». Дверца открылась, и поросенок бросился лизать хозяйке руку.

– Максимилиан – самый стремительный и умный из моих бонобо!

Лукреция стала листать исписанные страницы блокнота.

– Но ведь это противоречит проповедуемому вами ламаркизму! В прошлый раз вы утверждали, что примата превратила в человека среда.

Специалистка по трансплантации призналась, что в прошлый раз огласила только половину своей теории происхождения человека.

– Открытие профессора Аджемьяна идет гораздо дальше. Оно показывает, что решающими не обязательно оказываются мощные течения, пронзающие биологический вид. Порой для изменений в нем бывает достаточно воли одного индивидуума.

– Одного-единственного? – поразилась Лукреция.

– Представьте, да! Одной особи под силу изменить поведение целого стада, а значит, всего ее вида.

Она вымыла руки в маленькой раковине.

– Вопреки принятому мнению, я думаю, что самая отъявленная мелочь может приводить к серьезнейшим последствиям. Капля воды может переполнить океан.

Лукреция Немрод разгладила страницу в блокноте, на которой раньше зафиксировала теорию Ван Лисбет, и, наказав себе внести потом дополнения, записала: Теория Ван Лисбет (продолжение): «Одной

индивидуальной воли достаточно для изменения мира».

Хирург призвала в свидетели своих гостей.

– Один самец примат покрыл свиноматку – и мутировал целый вид. Гибрид, родившийся от этого соития, сумел выжить и размножиться, поэтому случайные генетические свойства, созданные этим спариванием, подарили миру целый вид. Этот вид, в свою очередь, принудил к мутации все свое окружение и, быть может, еще заставит мутировать всю вселенную. Одна капля – и выходит из берегов целый океан!

Они вдруг осознали очевидное: достаточно было самой малости – и на земле жили бы только обезьяны и свиньи.

И ни одного человека...

5. Вместе со стервятниками

ПЕРВЫЙ СЫН чувствует острый голод.

Охотиться непросто. Он еще не научился ловить животных. В семейной пещере добыча валилась с неба, и падение отшибало ей мозги.

Там, внизу, кормиться было легко. Здесь, наверху, добыча к себе не подпускает.

Он преследует страуса, но недолго. Грациозное пернатое запросто убегает, показывая и спринтерские, и стайерские качества. Он задыхается и должен отстать.

Вынужденная смена стратегии.

Он пытается поймать детеныша носорога и в испуге бросается наутек от мамы, наставившей на него рог.

Побит недавний рекорд скорости, но голод не тетка. Бег лишает сил.

Он чувствует, что действует неправильно. Если бы природа замыслила его быстроногим существом, то снабдила бы более длинными и мускулистыми нижними конечностями. Вертикальная стойка, которую он машинально принимает, не очень годится для бега, так как он совсем не аэродинамичен и плохо бежит против ветра.

ПЕРВЫЙ СЫН бредет по степи.

Ведь что противнее всего: у него впечатление, что дичь убегает от него не только как от хищника, но и как от конкретной особи. Можно подумать, что он в глазах всех – форменное чудище, никто не желает приближаться к такой твари.

Еще удивительнее, что его не преследуют хищники. Его плоть не привлекает ни львов, ни леопардов, ни гиеновидных собак. Даже змеи его не кусают, тарантулы тоже. Комары жужжат на почтительном отдалении, мухи его облетают.

Он подозревает, что все они знают о его преступлении. Или ему присущ особый запах? Все остальные никак не определяют его место среди знакомого зверья.

ПЕРВЫЙ СЫН жует корешок. Выбравшись из ямы, он за неимением лучшего ест одни корни. У растений по крайней мере нет ни глаз, ни носа. Корень не выносит суждения на ваш счет.

Солнечный свет все еще его угнетает. Он решает днем спать на дереве или в какой-нибудь дыре в земле, а ночью пытаться охотиться. Так он надеется ловить животных, сморенных сном.

Он подкрадывается к неподвижной ящерице. Как только он ее касается, она убегает. Нет, так не пойдет. Так же неудачно кончаются его попытки поймать сову, мелкого грызуна, даже слизняка. Нехватка протеинов ощущается все сильнее.

ПЕРВЫЙ СЫН опасается, что обречен до конца своих дней питаться кореньями. Это будет явный шаг назад в эволюции. Его предки давным-давно начали разнообразить свое меню мясом, негоже ему деградировать в травоядное. Он должен любой ценой раздобыть себе мясо. Но как его поймать, когда оно при твоём приближении сразу убегает?

Однажды ПЕРВЫЙ СЫН натывается на полуразложившуюся тушу жирафа. Похоже, на ней уже попиrowали падальщики. Решение найдено! Мясо, ясное дело, с изрядным душком, зато это мясо, причем готовое к употреблению.

Он хватает кость, на которой еще чернеют сухие вонючие волокна, и тащит в рот. Сначала он чувствует вкус мяса, и только потом – гадкий привкус гнили. Он не оставляет попыток. Это важный этап. Он знает, что такое питание отбрасывает его назад, равняет со стервятниками, но по крайней мере закрепляет среди плотоядных. Главное, он жив и не так голоден.

Сначала выжить, подумать можно потом.

Он поднимает голову. В пещере потолок был ближе. После того как он оттуда вышел, все стало для него недостижимым. В том числе звезды.

6. Звездный полет

Рокот барабанов, звон цимбал. В шатре Зимнего цирка Парижа прожектора сияли, как раскочегаренные звезды. Некий месье Луаяль в костюме с блестками вышел на арену под жидкие аплодисменты.

Телевидение и кино изрядно потеснили живое зрелище. Кроме школьников, бесплатно посещающих цирк по договору с муниципалитетами, и немногочисленных ностальгирующих по усадям былых времен, сюда пришли только Исидор Каценберг, Лукреция Немрод и Соланж Ван Лисбет, но они ждали конца представления, когда в фургоне Анджело Ринцули под номером «66» должен был состояться аукцион. На нем выставлялась та самая пятипалая конечность.

Погас свет, грозно зарокотали барабаны, пронзительно звякнули цимбалы, раздались фанфары, ребяшня радостно захлопала в ладоши. Месье Луаяль объявил заготовленные номера.

Мужчины в черных фартуках расставили на арене просторные клетки. Укротитель в алом трико с золотыми позументами вышел на арену под конвоем из двух львов и трех львиц. Повинуясь его хлысту, конвой стал прыгать в подставленные им кольца. Потом звери выстроились цепочкой в углу. Ассистентка в короткой юбочке зажгла кольцо, и хищники друг за другом прыгнули в огонь. Барабанный рокот, щелканье кнута. Самый крупный лев упал перед укротителем на колени и широко разинул пасть. Укротитель засунул туда голову, и зверь не сомкнул челюсти, хотя мог бы. Его безумный взгляд подсказал Исидору и Лукреции, что лев только и ждал повода, чтобы свести счеты с этим типом, давно не оказывавшим ему положенного уважения. Человек убрал голову из пасти зверя и сорвал аплодисменты.

Свет сменился тьмой. Появившийся в круге света месье Луаяль объявил следующий номер: «Дамы и господа, перед вами мастер гипноза!» Означенный виртуоз оказался низеньким субъектом в черном смокинге. Он вызвал из публики трех добровольцев. Под испуганный ропот к нему спустились трое юнцов.

Гипнотизер заглянул им в глаза, счел готовыми к следующей стадии и предложил первому из трех испытать муки палящего зноя. Парень поспешно разделся, прожектор высветил на его лице и на груди крупные капли пота. Аплодисменты. Второму молодому человеку было велено превратиться в обезьяну. Тот вполне естественно упал на четвереньки и так

описал круг по арене, издавая крики шимпанзе. Гипнотизер наградил его бананом, который был благодарно сожран на глазах восхищенной публики. Аплодисменты. Гипнотизер объяснил в микрофон, что действует сугубо убеждением, выявляя природные склонности зрителей цирка. Третьего добровольца он убедил совершить путешествие вспять во времени и представить себя последовательно подростком, ребенком, новорожденным. Доброволец послушно встал на четвереньки и залепетал, как младенец, засунул в рот палец, а потом край рубашки, как соску. Гипнотизер попытался вырвать у него изо рта ткань, но подопытный заревел, получил «соску» обратно, чем счастливо и удовольствовался. Аплодисменты.

Свет. Темнота. Месье Луаяль объявил завершающую часть программы – воздушных акробатов. Коверные вынесли инвентарь, трио гордо вышло на арену.

В роли Тарзана солировал Анджело Ринцули, следом за ним выбежал Кинг-Конг в потертом синтетическом мехе, третьей появилась стройная Джейн с выставленными почти напоказ обильными прелестями, обвитыми мишурой и увешанными звенящими монетками. Месье Луаяль потребовал аплодисментов, предупредив, что бесстрашные акробаты будут выступать без страховки.

– У меня нехорошее предчувствие, – сообщил шепотом Исидор Каценберг.

– Бросьте, это не дешевый роман, – отмахнулась Лукреция. – Убивать Анджело не найдется желающих.

Фанфары. Под звон тарелок троица ринулась вниз, перелетая с трапеции на трапецию и всякий раз в последний момент хватаясь друг за друга под восхищенные испуганные крики зрителей.

– Приближается опасный момент! – предупредил в микрофон месье Луаяль. – Сейчас Анджело Ринцули совершит двойное воздушное сальто, оно же «прыжок ангела», названный так в честь его небесного тезки, ибо один он способен на такие губительные пируэты!

– У меня нехорошее предчувствие, – упрямо повторил Исидор Каценберг.

Барабанщик оркестра сыграл сольную партию.

– Да не волнуйтесь вы! – сказала Исидору доктор Ван Лисбет. – Анджело – профессионал. Я уже много раз присутствовала при этом номере. Он несравненный мастер!

Анджело Ринцули принял под куполом стойку, выпрямив ноги и скрестив руки на груди. Последовало грациозное двойное обратное сальто, и когда затаившая дыхание публика решила уже, что Тарзан камнем падает

вниз, его умело поймал на лету Кинг-Конг.

В аплодисментах слышалось большое облегчение.

– Вот видите, ваш пессимизм был необоснованным.

– Чем дальше, тем опаснее! – продолжил пугать публику месье Луаяль. – Сейчас вам покажут тройной «аксель» с прыжком вперед «рыбкой». Другое название трюка – «прыжок смерти»!

Тишина. Барабанный рокот. Анджело забрался на трапецию с напряженной улыбкой. Он совершил заявленный кульбит, вытянул руки, Кинг-Конг тоже. Произошел захват.

Бурные аплодисменты.

На этот раз фанфары прозвучали весело, обозначая спад напряжения. Трое акробатов, как по инерции, все еще летали под куполом. Анджело Ранцули, видимо, чувствовавший себя в отличной форме, показал месье Луаялю жестом, что сейчас исполнит самый свой коронный номер – вертикальную «бочку».

Снова грозный барабанный рокот. Публика, уставшая зря дрожать и тянуть шеи, уже утратила интерес к происходящему под куполом, у них над головами. Малые дети просили есть, мамы копались в сумках. Анджело выждал, прыгнул, сделал кувырок, вытянул руки. Его партнеры находились теперь дальше, чем при предыдущих номерах. Кинг-Конг вытянулся, как мог, чтобы поймать Тарзана.

Четыре руки должны были сойтись – две обезьяны с двумя человеческими. Вся сцена походила на фреску Микеланджело в Сикстинской капелле: Бог, простирающий указующий перст и тем наделяющий человека знанием. Человек тоже тянулся пальцем к обезьяне. Композиция была аллегорическая, даром что спасителем выступал поддельный примат в нейлоновой шкуре.

Руки должны были соприкоснуться и почти соприкоснулись. Но в последнее мгновение, когда это уже должно было произойти, обезьяна уклонилась. Заметить это движение было почти невозможно, и все же публика испуганно ахнула.

Анджело Ринцули удивленно расширил глаза, ища взгляд под обезьяней маской, чтобы понять, почему так вышло, и увидел в прорезях маски что-то сильно его удивившее.

Тарзан упал.

Этот Ангел не умел летать. Он разбился об арену, огласив цирк тупым звуком дробящихся костей.

Исидор и Лукреция бросились вниз.

Анджело узнал их и успел улыбнуться.

– Рад... что вы... от этого отвернулись...

Он еще раз улыбнулся, потом захрипел и выплюнул сгусток крови. Поднеся ко рту ладонь, он увидел кровь, испугался, потом еще раз засмеялся странным смехом.

– Тайна... останется тайной... Они никому не покажут... пальцы.

Он хихикнул, кашлянул, выплюнул кровь, закрыл глаза. Лукреция потрянула его за плечо.

– Где пятипалая нога?

Анджело распахнул глаза и окинул ее затуманенным взглядом.

– Деревья...

– Какие деревья?

– Деревья прячут свои корни под землей.

Исидор и Лукреция силились понять подсказку.

– Может, он имеет в виду, что корни человечества обязательно должны остаться скрытыми? – предположила девушка.

Прибежали санитары, чтобы везти неудачливого акробата в отделение неотложной помощи. Положив его на носилки, они почти бегом понесли его с арены, расталкивая толпу любопытных, которых всегда манит чужая смерть. Журналисты торопились за ними сквозь толкотню. Лукреция нагнулась на бегу к носилкам.

– Скорее, скорее! Умоляю, скажите, где нога? Говорите, вам больше нечего терять!

Видимо, Анджело Ринцули уже понял, что ходу событий ничто больше не помешает, поэтому указал куда-то вглубь шатра.

– В моем... фургоне. Под... корнями бонсаи.

После этих слов беднягу скрутила предсмертная судорога.

Журналисты метнулись к фургону посреди стоянки, на котором была цифра 66 и табличка: «Анджело Ринцули, акробат». Дверь фургона успели взломать до них, внутри все было перевернуто вверх дном, деревце бонсаи валялось среди осколков горшка.

Они выскочили наружу. Вор не мог уйти далеко. Скоро впереди показалась бегущая фигура с коробкой под мышкой. Лукреция оседлала свой мотоцикл и через минуту, к своему великому изумлению, узнала отца Матиаса, священника, летевшего с ними из Парижа в Дар-эс-Салам. Спрыгнув с мотоцикла, она повалила святого отца на землю. Тот отчаянно сопротивлялся, вращая безумными глазами, как загипнотизированный.

Исидор Каценберг неспешно подошел к ним и оценил ситуацию.

– Бедняга Ринцули не предусмотрел, что найдутся желающие завладеть его аукционным лотом бесплатно.

Священник со стоном выпустил из рук прозрачную емкость.

– Надо это уничтожить! Так, чтобы следа не осталось! Это нога дьявола! Уничтожить! – повторял он, как заклинание.

– Нет, – спокойно возразил Исидор. – Хватит смертей и погромов.

– Он прав, святой отец, – попробовала вразумить священника Лукреция. – Вы поступили неразумно.

– Такова Божья воля. Заклинаю вас, это надо предать огню! Это пятерня дьявола с раздвоенными пальцами!

Исидор Каценберг заглянул в емкость, чтобы удостовериться в сохранности экспоната. Ну и задала им эта окаменелость хлопот! Он уже собирался снять крышку, как вдруг рядом с ними с визгом покрышек затормозил автомобиль. Рука, высунувшаяся из дверцы, вырвала у него коробку с бесценной реликвией.

7. Освоение одиночества

Хочешь стать умелым падальщиком – следуй за грифами.

Они укажут тебе на подходящую падаль. А дальше – дожидайся своей очереди.

Первыми обыкновенно лакомятся гиены, дальнейший порядок таков: стервятники, шакалы, вороны и крысы. Ну, а дальше Он.

Он, изгнанный ПЕРВЫЙ СЫН, полный чужак, низшее звено экосистемы.

Не сказать, чтобы между звеньями пищевой цепочки не наблюдалось трений. Льву случается расправляться с гиеной – как иначе научить нахалку дожидаться своей очереди? Гиены вымещают злобу на грифах, те – на шакалах и так далее. Много стресса и мало толку.

Ему приходится отбивать пайку у крыс. Презренные соперники!

Не раз он пытался подняться вверх в пирамиде хищничества, обойдя крыс, но те кусали его до крови и ставили на место. Эти мелкие твари сильны единством, таким одиночкам, как он, с ними не сладить. Лучше даже не пытаться. Он усвоил первый урок. В природе у каждого свое четкое место, надо его держаться и не высовываться. Дерзость сурово карается.

Грифы начинают снижаться. Он торопится занять свое место на раздаче мертвечины.

8. Погоня

Они гнались за машиной похитителей конечности.

Лукреция Немрод не успела надеть свой кожаный авиаторский шлем, и теперь ее рыжие волосы залепляли на ветру лицо ее спутника. Похитители мчались на предельной скорости, проскакивая на «красный» и распугивая пешеходов.

Лукреция прибавила газу, мотоцикл поравнялся с автомобилем. Им управлял мужчина в обезьяньей маске. Исидор Каценберг поприветствовал его дружеским жестом. Водитель от неожиданности свернул в первую же улочку, но мотоцикл с коляской не отставал от него и там.

Гепард в погоне за носорогом!

Мужчина в обезьяньей маске не отрывал взгляд от зеркала заднего вида и то и дело оглядывался, чтобы точно знать, где находятся преследователи. Он намеренно проехал по глубокой грязной луже, полагая, что окаченная грязью мотоциклистка вынужденно притормозит, но Лукреции удалось вильнуть и не сбавить ход.

Исидор, роясь в коляске, находил там самые неожиданные предметы. В конце концов он нашарил древний «маузер», реликт Первой мировой войны. Прицелившись, он выстрелил в правое заднее колесо машины. Колесо лопнуло, водитель потерял управление, автомобиль занесло, он врезался в мусорные баки на обочине и остановился.

Прыгучая Лукреция сорвала с водителя маску и изумленно попяtilась.

– Вы?!... – пролепетала она.

9. Маски сорваны

ПЕРВЫЙ СЫН наклоняется над лужей и видит свое отражение.

«Кто я?»

Глаза примата. Но кожа слишком розовая, слишком гладкая. Скулы тоже особенные. Уши более острые и менее волосатые. Морда менее плоская. А уж зубы...

ПЕРВЫЙ СЫН изучает свои зубы. Красавцем он бы себя не назвал, но и уродцем тоже. Просто он особенный.

Впрочем, чего уж там... Урод! Он знает, что все считают его именно уродом, потому что он ни на кого не похож. Его брат был почти таким же, как он, но он убил брата. Брат был красивее его, умнее, мягче, изящнее.

Отец предпочитал брата. Наслаждался его младенческим лепетом. А он, ПЕРВЫЙ СЫН, урод не только внешне, он еще мерзок душой.

ПЕРВЫЙ СЫН смотрит на свое отражение в луже. Его посещает мысль: «Никто меня не любит».

Следующая мысль еще страшнее: «Я сам себя не люблю».

Он не просто некрасив, он безобразен. Он – живое оскорбление всей красоты и взаимодополняемости природы. Ни богу свечка, ни черту кочерга. Родная семья его отторгла. Он – ненужный довесок, досадное отягощение.

«Умереть».

Он хочет умереть, но знает, что слишком неуклюж, чтобы у него получилось. Да и храбрости не хватит.

– «Зачем я живу?» – посещает его четвертая по счету мысль.

«Зачем мне существовать, не лучше ли не быть?..»

Скатившаяся по щеке слеза падает в лужу и искажает отражение. Его охватывает леденящая тревога. Он один-одинешенек на всей планете. Опускается ночь, и он думает, не лучше ли было бы ему вовсе не рождаться.

Он плачет. Интуиция подсказывает, что он лишен будущего. От его слезы лужа не выходит из берегов, но поднятая слезой волна становится все шире.

10. Более сложная теория

За обезьяньей маской скрывалось искаженное крайним смятением лицо астронома Бенуа Сандерсона. Ученый выронил коробку с окаменелостью. Исидор Каценберг удостоверился, что пятипалая конечность цела и невредима.

– Это надо уничтожить! – безвольно выдавил Бенуа Сандерсон.

Он был готов раздробить ненавистный предмет вместе с футляром ударом кулака, но Исидор держал коробку на безопасном расстоянии. Лукреция на всякий случай вывернула астроному руку, и тот ударился головой о дверцу машины.

– Вы не представляете, в какие игры ввязались! – запричитал он. – Вы не отдаете себе отчета в своих действиях. Ставки чудовищно велики, угроза нависла над всеми нами, землянами. Даже моя жизнь в сравнении с этим не стоит ни гроша.

Он посмотрел на своих собеседников и вдруг хихикнул.

– А вообще-то у вас в руках фальшивка. Мне лучше знать, откуда быть пошло человечество.

– Опять ваши метеориты?

– Я еще не все вам рассказал.

– Ну, так рассказывайте! – прикрикнула рыжая фурия. – Что за новая теория?

Она выпустила его руку, и он немного приосанился.

– Собственно, новой ее не назовешь. Это скорее продолжение того, что я вам рассказывал раньше.

Исидор предложил убрать оба транспортных средства с проезжей части и переместиться в ближайшее кафе, где будет спокойнее беседовать, чем посреди мостовой.

Устроившись на скамейках из поцарапанной пластмассы в ближайшем бистро, они заказали крепкую выпивку для расширения кровеносных сосудов. Астроном наладил слуховой аппарат и поделился своей причудливой теорией.

– К жизни на Земле не приспособлен один лишь человек. Все остальные животные чувствуют себя здесь как рыба в воде. Им все кстати: и тепло, и свет, и коммуникация. Они в ладу с условиями своей жизни. Киты способны общаться на расстоянии многих километров, а что люди? Их предел – считанные метры, дальше уже возникают трудности. В природе

животные превосходно зимуют, человек же околеваает, когда температура опускается ниже десяти градусов. Мы называем животных «глупыми» потому, что они не развивают технологий. Так ведь они им и не нужны, они и так приспособлены к жизни на планете. Вот вам и проблема, и важнейший вопрос: почему человек – единственное животное, не приспособившееся к этой планете?

– Сами и ответьте.

Сандерсон выпил и заявил со своей странной улыбкой:

– Потому что мы не земляне.

И дальше астроном объяснил, что человеческий вид произошел не просто от примата, зараженного прилетевшей на метеорите бактерией. Человек, дескать, прямо в своем нынешнем обличье прилетел из космоса.

– Нет сомнения, что люди устроили кавардак на своей родной планете и уже не могли там оставаться. Многие наверняка погибли. Выжившие улетели и пожаловали сюда. Они забыли свою драматическую историю, как и свои опустошительные технологии. Они все начали с нуля. Доисторический человек был, должно быть, экологическим хиппи, добровольно отказавшимся от технологий своих предков.

– Близко к теории эволюции нашего друга из племени кикуйю, – высказалась Лукреция, вспомнив хозяина танзанийского бара.

Рядом с теорией Б («метеориты») она нашла в своем блокноте местечко для приписки «теория высадки инопланетных гуманоидов».

Исидор Каценберг опрокинул свой коньяк.

– Итак, мы здесь ради искупления, – резюмировал он. – Ваша теория близка к буддизму: люди перевоплощаются до тех пор, пока не находят правильный способ поведения. Наш вид кочует с планеты на планету, чтобы отыскать место, где мы сможем вести себя как «животные, достойные так называться».

Астроном кивнул.

– Люди – вид, искупающий на Земле свой грех. Они явились сюда «испытать свою чашу», потому что в других местах натворили дел. Высадившись здесь, они решили доказать, что они «хорошие» существа. Что способны жить в полной гармонии с плодородной планетой. Сначала им, конечно, приходилось быть паиньками, но постепенно, век за веком, их сущность вылезала наружу. Как пружина, распрямляющаяся после долгого сжатия, на поверхность выступили дурные наклонности. Человеческая порода снова открывала огонь, колесо, железо... И несчетные способы всем этим злоупотреблять.

Все эти знания хранились до поры до времени в глубинных слоях

человеческого мозга. После переселения на Землю все запомнили не только о злобности прежней жизни, но и об опасности этих добровольно отринутых знаний.

«Не прикасайся к древу познания, не кусай от яблока добра и зла», – предостерегает Библия.

Но люди все же вонзили в него зубы и теперь до смерти давятся косточками. Современный человек совершает те же ошибки, что его предки. Уроки прошлого не усвоены, поэтому оно непременно воспроизведется. Рано или поздно люди уничтожат свою планету, заселят другую, и снова начнется прежняя история. Сколько раз человечество будет совершать одну и ту же ошибку? Сколько планет погубит, прежде чем взяться за ум? Сколько планет мы, «паразиты Вселенной», уже успели погубить?

Астроном Бенуа Сандерсон в отчаянии заломил руки. Журналисты в тревоге наблюдали за ним. На столе стояла коробка с пятипалой конечностью, и они помнили, как трудно им было ее добыть. Теперь им не хотелось отказываться от открытия профессора Аджемьяна.

– Эта конечность может помочь просветлению умов, – сказал Исидор, передвигая коробку в пятно света.

В следующее мгновение в бистро ворвалась очередная обезьяна и в очередной раз завладела бесценным предметом. Лукреция и Исидор бросились к двери. Официант задержал их, требуя расплатиться. Они наблюдали через витрину, как обезьяна прыгает за руль припаркованной во втором ряду машины, трогается с места и тонет в транспортном потоке.

11. Время учиться

ПЕРВЫЙ СЫН ковыляет по равнине. Он знает, что исполняет важную роль. Его отец застрял в яме.

Теперь ОН – это он. И ОН смутно чувствует необходимость учиться.

Отец часто показывал ему облака, плывшие наверху, над дырой. Вдруг в наблюдении за облаками содержится какой-то урок?

Он долго наблюдает, как клубы пара в вышине медленно меняют форму и образуют невообразимые фигуры.

Если приглядеться, то эти фигуры приобретают смысл. Некоторые похожи на зверей. Теперь он уверен, что облака беседуют с ним на языке символов. Он закрывает глаза, воспроизводит в памяти небесный рисунок и извлекает из него информацию. В его голове пылает готовая мысль: «Я должен открыть то, что и так знаю».

ОН снова открывает глаза. Чепуха какая-то! Не более чем нелепости, возникающие у него в голове во сне.

«Я должен открыть то, что и так знаю».

Если он уже это знает, то к чему трудиться и снова это открывать?

«Потому что я все забыл», – следует немедленный ответ.

Он еще молод. Если разобраться, то единственные его два открытия – это свет снаружи и то, что теперь он вынужден рассчитывать только на себя.

Таковы его знания.

Он не спускает глаз с облаков. Не спрятано ли в его мозгу сокровище? Облака должны ему помочь. Он напрягает воображение, чтобы понять, на что намекает ему вот это облачко. Круглое, заостренное спереди и сзади.

Оно смахивает на... крысу.

12. Еще более сложная теория

Лукреция Немрод и Исидор Каценберг преследовали на мотоцикле «Гуччи» нового вора в обезьяньем обличье. Столица постоянно томила в пробках, поэтому нагнать его не составило труда. Но в этот раз они не набросились на него, а решили ехать следом, чтобы посмотреть, куда направляется обезьяна за рулем.

Оказалось, что на мясокомбинат «Элюан».

Журналисты оставили мотоцикл в ста метрах от проходной и пошли за обезьяной пешком. Мужчина в маске быстро миновал холл, нырнул в один из кабинетов и там сразу схватил телефонную трубку. Лукреция и Исидор постарались остаться незамеченными.

– Все в порядке, она у меня, – услышали они в полуоткрытую дверь.

Он стянул маску и оказался инженером Люсьеном Элюаном. Исидор, прокрадываясь в кабинет у него за спиной, неуклюже уронил на письменный стол тяжелую линейку. В следующее мгновение журналистам пришлось задрать вверх руки: Люсьен наставил на них револьвер.

– А вы ловкачи, сумели за мной проследить!

Не опуская оружие, он обыскал их и нашел в кармане у Лукреции складной нож. Нож перекочевал в ящик стола, принадлежавшего раньше его сестре.

– Это вы убили Анджело Ринцули, – догадалась Лукреция.

– Разумеется. Не мог же я позволить, чтобы жалкий актеришка разбогател за наш счет, а потом еще посмел нас шантажировать! Чем меньше людей будут знать о теории Аджемьяна, тем лучше.

– Вы убийца.

Люсьен Элюан скривился.

– Скорее идеолог. Я отстаиваю правое дело пищевой промышленности.

– Деньги! Как можно больше денег! – перефразировала его девиз Лукреция.

– Вы заблуждаетесь. У меня более обширные планы. Моя борьба преследует куда более честолобивую цель: счастье через вкус. Я – изысканный гастроном. Свинина – это вкусно. Вы уже пробовали свиные ножки с чечевицей? Упоительная вкуснятина! А свиные щечки с соусом «равигот»? Немного уксуса, лука-шалот, каперсы, петрушка. Знаком ли вам экстаз от белой кровяной колбасы по-антильски с картошечкой под

ромовым соусом?

– Знаю, это плазма свиной крови, – подсказал Исидор Каценберг.

– Или взять галантин из свиных голов с удалением сапа. Кое-что, конечно, остается, похоже на зеленое желе... Но мне нравится, вкусно!

Его развеселило их отвращение.

– А что сказать о простой чесночной колбаске с ржаным хлебом и туренским винцом? Или хотя бы о мортаделле с фисташками, кольцами помидора и бокалом пино блан? Не говоря о свинине с карамелью, как ее умеют готовить в китайских ресторанах? Я – увлеченный профессионал в своем деле и готов защищать его от клеветников.

– Вплоть до убийства? – спросила Лукреция.

– Ни одна страсть не обходится без жертв и без горечи потерь. Вообразите, что было бы, если бы все это дело выплыло наружу? Мало нам...

– Чего? – насторожилась Лукреция.

– Мало нам своих проблем? С некоторых пор свиньи словно с ума посходили. Знаете, что они вытворяют? Выпрыгивают из ячеек и кидаются на электроды высокого напряжения!

– Добровольно?

– Ага! Свиньи-самоубийцы! На вкусе мяса это не отражается, но многие работники недовольны.

Он подтолкнул их дулом револьвера и повел в разделочный цех.

– Это вы пытались устроить пожар в квартире Аджемьяна?

Люсьен убрал дулом револьвера рыжую прядь со лба Лукреции.

– То была первая наша встреча, мадемуазель Немрод...

– А кем были те трое в обезьяньих масках, похитившие меня и заставлявшие заговорить?

– Я и двое подручных из колбасного цеха. Думаете, легко было вас найти? Мне повезло, я узнал вас в той эльзасской таверне и выследил. Я уже видел, какая вы каратистка, опасался и явился за вами не один.

– Это не карате, а «интернат-квондо», – поправил Люсьена Исидор, не допуская неверных эпитетов.

– Я велел им надеть маски. Так же поступают активисты Лиги борьбы с вивисекцией. Я убивал одним камнем двух зайцев. Надо было выяснить, что вы нашли, и заодно напугать вас, чтобы вы больше не совали в это дело нос.

– Вы бы меня убили?

– А как же! Жаль, что тогда с вами не разделался, но сейчас эта оплошность будет исправлена.

– Аджемьяна тоже вы убили? – спросил Исидор Каценберг.

– А вот это нет! Должен сознаться, что это не моих рук дело. Очень хотелось бы узнать, кто преследует те же цели, что и я...

Перед ними раскинулся цех забоя. Люсьен Элюан подергал за рычаги, взревели и загрохотали пилы и дробилки.

– Пришла ваша очередь разделить судьбу столь дорогих вам животных, – объяснил промышленник.

– Не могу постичь, как вы можете так рисковать во имя колбас и рулетов! – воскликнул Исидор.

Люсьен Элюан приказал им подняться по лестнице на командный мостик.

– У меня есть более существенный мотив – комфорт вида.

– Это вам важнее истины? – возмутилась Лукреция Немрод.

– Безусловно. На истину всем плевать. Как и на справедливость. Спокойствие людского стада – вот что важно.

– Не станете же вы утверждать, что тоже имеете новую теорию, продолжающую ту, которую уже нам изложили? – пробормотала Лукреция, переживая, что не может открыть свой блокнот.

– Стану. Мне не страшно поделиться ею с вами. Теперешний человек имеет право решать, каким было его прошлое, от кого он произошел. Он сам может указать на своих предков. И он подберет их не по критерию истины, а исходя из своего «душевного комфорта». У нас, доминантных самцов, часовых, гонящих стадо в нужную сторону, имеются обязательства по отношению к нему. Кто бы мы ни были – промышленники, ученые, журналисты (эти – в особенности), наш долг – не выявить Истину с большой буквы, а найти такую истину, которая успокоила бы стадо.

– А вы циник! – бросила Лукреция.

– Нет, реалист. Гарантирую, что меня никто не станет упрекать. Комфорт людского стада – это то, что иногда называют «государственными», иногда – «высшими» интересами. Речь, собственно, о том, чтобы не создавать неловкость у социальной группы гомо сапиенсов. Римляне говорили об этом: *quieta non move*, что примерно означает «не буди лиха».

Он вел их по узкому проходу в сторону самых шумных агрегатов.

– Помню случай с моим маленьким кузеном. Ему было девять месяцев, он еще не ходил и не говорил. Я показал ему фокус с шариком, толкающим другой и так далее. Я повторил эту демонстрацию раз десять. Он уяснил, что когда толкаешь один шарик, то в движение приходит и другой. Потом я капнул в желоб для шариков клея, после чего после удара

первого шарика по второму ничего не происходило – второй шарик оставался на месте. Впервые это увидев, малыш удивился, во второй раз расстроился, в третий разревелся, как будто ему сделали больно. После четвертого раза он прорыдал всю ночь. Ничто не могло его успокоить.

Журналисты изображали пристальное внимание, завоевывая его доверие.

– Я задумался, и вы, думаю, тоже задумаетесь. Людям любого возраста подавай незыблемые ориентиры. Происшедшее один раз должно повторяться, иначе им становится неуютно. То же относится ко всему обществу: если рутина прерывается, это воспринимается как коллективная угроза. Вот что такое утрата ориентиров. Один из таких ориентиров – свинья. Известно, что из свинины делают вкусную колбасу. Если вы скажете, что она наш далекий предок и поэтому подлежит охране, это не просто уничтожит свиноводство и всю переработку свинины, но и нарушит логику стада. Из-за вас разревется наш внутренний младенец, не любящий, когда второй шарик прирастает к месту.

– То, что вы называете «логикой», я называю «архаизмом», – возразил Исидор Каценберг. – Во имя этой архаичной логики всегда вспыхивали войны. Это логично, это – ориентир. На территории Франции с 1945 не воюют, и все довольны, хотя производители оружия иногда льют слезы...

Люсьен Элюан остался непоколебим.

– Во Франции не воюют, а в мире? Человеку свойственно убивать. Это не под силу изменить никакому политику, никакому идеологу, никакому утописту. Мы – плотоядные, более того, мы – хищники! У нас сохранились гены предков, дравшихся за выживание. Нам вкусна теплая кровь добычи на нёбе. Потому свинину и засаливают: чтобы сохранить вкус соленой крови. Этот вкус будит наш охотничий инстинкт.

Люсьену явно нравилось излагать дорогие ему мысли.

– Кстати, именно идя навстречу этой естественной предрасположенности, – продолжил он, – я и собираюсь вас убить. Но тут важен способ. Вы защищаете свиней? Отлично, вы разделите их судьбу.

– Что вы задумали? – спросила Лукреция, напуганная шумными агрегатами вокруг них.

Люсьен Элюан вместо ответа подтолкнул их к большому механизму посреди зала. Его венчала широкая прозрачная воронка, в которую падали сотни свиней, казавшиеся издали крупными розовыми порошками. Снизу они по одной вываливались на конвейер, доставлявший их прямо к электродам.

– Вы же не отправите нас ТУДА? – крикнула Лукреция.

Люсьен захохотал.

– Скажете, это недостаточно гуманно?

– А вы задумывались, какой вкус это придаст вашим любимым сосискам? – спросил Исидор. – Не хочу на вас давить, но гурманы наверняка уловят в изделии привкус человечины.

Инженер по-прежнему держал их на мушке.

– А вот и нет. Человечина по вкусу близка к свинине. Не то что ваша одежда, вот она испортила бы репутацию моих колбас. Колбасы «Элюан» и текстиль несовместимы. Раздевайтесь!

Лукреция Немрод стянула через голову джемпер. Люсьен жестом приказал ей продолжать.

– Полностью? – уныло спросила она.

– Догола.

Потом он связал обоим щиколотки и запястья и первым толкнул в воронку толстяка. Свиная куча несколько амортизировала его падение.

Люсьен уставился на Лукрецию, кое-как закрывавшую себе грудь и лобок. В таком виде она показалась ему достойной внимания; он бы не возражал ее помиловать. Но, придя в себя, он и ее толкнул в воронку, к свиньям.

– Очень жаль, присутствовать при вашей кончине я не смогу, у меня и так много дел, надо окончательно похоронить всю эту достойную сожаления историю. Прощайте. Честно говоря, я не уверен, что вы не повлияете на вкус изделий, завтра надо будет поинтересоваться у дегустаторов.

– Нас вы можете убить, но истина бессмертна, – сказал Исидор.

– Возможно, вы и правы. Но истина ли это? Я не спешу уничтожить пятипалую ногу, сперва я произведу экспертизу. Я один буду знать, происходим ли мы от свиньи. Ну, а после экспертизы я ее истреблю.

Люсьен Элюан помахал им рукой и убрался, унося с собой коробку с пятипалой ногой.

13. Подобны ли мы крысам?

Вот уже несколько часов ОН наблюдает за стаей крыс, найденной в трухлявом пне.

Раненая крыса писком зовет на помощь, но тщетно. Когда она устает пищать, ее убивает и съедает доминантный самец.

Из этого и многих других наблюдений ОН извлекает несколько уроков. Крысиное сообщество сурово. Раненых, старых и больных пожирают при первых признаках слабости. Всех слабосильных, бесполезных для стаи, бросают или убивают. Даже новорожденные выживают только благодаря тому, что их мать яростно сопротивляется и не дает папаше их сожрать.

При своей суровости это процветающее сообщество. Крысы ко всему могут приспособиться. Они питаются семенами, мелкими млекопитающими, падалью, сухими растениями, гнилыми плодами. Не боятся стаями нападать на хищников средних размеров. Даже мелкие шакалы боятся их острых зубов. Но в этом сообществе не прекращается конфликт. Каждый в нем недоволен своим статусом, доминантные самцы вечно дерутся. Вожаки покрыты шрамами, полученными на пути к вершине. Один такой издох у НЕГО на глазах после того, как восторжествовал над всеми другими.

ОН знает, что в стаях его отца и его матери похожие законы.

Там не прекращаются дуэли, определяющие сильнейшего.

ОН снова смотрит на облака и благодарит их за совет. Но они уже приняли форму другого животного, и теперь ОН станет наблюдать за ним.

14. В воронке

Стенки воронки были гладкими и скользкими, Лукреции и Исидору не удавалось оттуда выбраться, оставалось барахтаться среди свиней. Всюду одни свиньи! Тонны свиней – гладких, розовых, пышущих жаром. Вместе с ними они проваливались вниз, все ближе к выпускной дыре.

– В этот раз нам кранты! – констатировала Лукреция.

– Рано или поздно любой умирает, – отозвался ее невозмутимый компаньон.

Их стиснуло розовыми хрюкающими тушами, ходившими ходуном. Сквозь прозрачную стенку воронки было видно, как свиньи по одной падают на конвейер внизу.

После удара током неподвижная свинья поступала на механическую разделку.

– Какой страшный конец! – сказала девушка с дрожью. – А запах! Какая гадость! Это не жженое мясо, а какой-то особенный, свинский дух! Что это такое?

Исидор Каценберг принялся.

– Это запах страха. Им страшно. Они знают, что умрут, и испытывают ужас.

И действительно, многие свиньи крупно дрожали. Некоторые мочились. И все со смесью мольбы и безнадежности смотрели на людей.

– Почему они не кричат? – спросила Лукреция.

– Знают, что это бесполезно. Мы с вами тоже ведь не кричим.

Она еще понаблюдала за товарищами по несчастью.

– Почему они так покорны, почему хотя бы не шарахаются?

– Потому что знают, что это только отсрочит неизбежное. Они сознают, что обречены. А еще, наверное, устали от жизни в интенсивных свинарниках, без света дня, без возможности даже шелохнуться, так они там спрессованы, без надежды на какое-либо будущее. Не исключая, что они видят в приближающейся смерти освобождение.

Люди вдруг почувствовали себя на гребне волны. Свиньи вокруг них старались раньше вывалиться из воронки и последовательно оттирали их от дыры. В этом можно было рассмотреть и слаженные усилия, чтобы не дать Исидору и Лукреции соскользнуть вниз.

– Невероятно! – крикнула Лукреция. – Они стараются удержать нас наверху котелка!

Исидор, подталкиваемый вверх сразу шестью рылами, пришел к аналогичному умозаключению.

– Кажется, я понял. Они инстинктивно поняли, что двое людей обречены погибнуть вместе с ними, и знают, что никогда не смогут отстоять себя перед людьми. А мы смогли бы. Вот они и пытаются... нас спасти!

– Вы правы, Исидор, – согласилась Лукреция. – Свиньи вокруг меня грызут веревки у меня на руках и на ногах!

Тем же занялись соседи Исидора. Скользя сверху вниз, они хватали веревки зубами, стараясь при этом не повредить кожу, и толкались, словно оспаривали друг у друга право участвовать в спасении людей.

– Как они умудрились понять, что в интересах всех свиней нас отсюда вызволить? Не могут же они обладать коллективным сознанием! – крикнула девушка, у которой уже были свободны руки.

Свиньи в смертельной воронке выстроились так, что образовали пирамиду, поднявшую людей на самый верх. Журналисты смогли даже выпрямиться, стоя на свиных спинах. Но всякий раз, когда Лукреция уже была готова схватиться за край воронки, пирамида немного проседала, и она соскальзывала вниз. Беда была в том, что внизу свиньи продолжали проскальзывать в дыру.

Заметив это, новые добровольцы укрепили живую лестницу, благодаря чему Лукреция сумела наконец перевалиться через скользкий край воронки. После этого она помогла сделать то же самое Исидору. Пирамида тотчас развалилась.

Нагие, обессиленные, они находились на железном помосте. Первым делом им нужна была одежда. Рядом была раздевалка работников. Девушка схватила халат, он оказался ей велик, она поспешно запахнула полы. Исидор последовал ее примеру, хотя ему найти вещь подходящего размера оказалось еще труднее.

Они оглянулись на кипящую массу розовых туш в воронке.

– Они спасли нас, а теперь умрут, – печально сказала девушка.

– Ничего не поделаешь. Предположим, мы бы выпустили их отсюда и выгнали в город. Все равно они не выжили бы там и считаных дней. Они уже ни к чему не приспособлены.

– А в лесу?

– Они не умеют самостоятельно кормиться. У них даже меха нет, чтобы пережить зимний холод. Раньше они были кабанами, а теперь...

– Не бросим же мы их на произвол судьбы! Они – наши спасители!

– Да, но нам их спасителями не бывать. Они не умеют жить без людей,

не умеют рыть логова, находить себе правильную пищу. Так или иначе они обречены.

Лукреция запахла на груди халат.

– Наверное, вы правы.

Она направилась в отделение молодняка, выбрала поросенка и прижала его к себе.

– Это новое поколение, еще не такое покорное. Может, хоть их попытаемся спасти? Психологически они еще не рабы.

Поросенку очень понравилось на руках у рыжей девушки. Исидор Каценберг погладил его по холке.

– Подберем ему имя! Лишим анонимности! Например, Адонис. Так звали греческого бога, убитого кабаном.

– Брать его под опеку неразумно, – засомневался вдруг Исидор. – Столько каждодневных забот...

– Я попрошу доктора Ван Лисбет сделать ему необходимые прививки и рассказать, как его содержать и обучать. Свиньи спасли нам жизнь, мы перед ними в долгу. Спасем хотя бы одну, это уже что-то... Правда, Адонис?

Поросенок в ответ стал усиленно лизать юной журналистке щеку и шею.

Исидор Каценберг не разделял ее энтузиазм, но уважал ее выбор.

– Прежде чем отправиться в клинику «Мимоза», я бы хотел кое-что проверить... – сказал он задумчиво.

– Что именно?

Толстяк снова стал похож на «Шерлока Холмса от науки», взявшего новый след.

– Кажется, я знаю, где сейчас находится пятипалая нога.

15. ...или мы, как муравьи?

ОН посвящает долгие часы наблюдению за муравейником.

Что будет, если оторвать муравью лапку? Другие находят и уносят пострадавшего. Две лапки? Уносят. Шесть лапок? Все равно уносят. А если брюшко? Такого уже никуда не несут. Вывод: пока остается хотя бы небольшая надежда на выздоровление, группа спасает своего члена.

Способ социального функционирования муравьев заметно отличается от крысиного. Здесь не убивают ни слабых, ни больных, ни старых.

Он производит несколько экспериментов с муравейником, в последнем из которых попросту разворачивает муравьиный город и следит за поведением отдельных особей. Все организовано так, чтобы максимально устранить последствия катаклизма. Рабочие спешно прячут расплод, солдаты тем временем кусают виновника произошедшего.

После муравьев ОН переходит к гиенам и изучает их социальное поведение, пытается постичь их способ охоты, определения территории, поддержания отношений.

Дальше наступает очередь львов, стад буйволов, гиппопотамов, жирафов.

Каждая группа по-своему отвечает на корневой вопрос: как правильно жить вместе.

Но, как видно, некоторые отказались от поиска решения и предпочитают оставаться охотниками-одиночками. Таковы леопарды, черепахи, змеи. Другим для полноценного существования подавай толпу. Таковы гну, слоны, зебры. Весь день ОН наблюдает за поведением животных. Изучение других форм жизни придает смысл его собственной.

ОН уже привык к свету дня. Ему хватает падали. Либо ОН наблюдает за населением земной тверди, либо подолгу смотрит на облака. Этим вечером ОН криком оповещает облака, что, кажется, понял кое-что важное.

Наилучший способ группового проживания помещается между двумя отмеченными им крайностями: между крысами, убивающими всех ослабших, и муравьями, спешащими на выручку всем раненым.

Теперь ОН убежден, что его вид должен создать собственную модель, нечто среднее между «крысиной» и «муравьиной».

16. Теория непонятого друга

Исидор Каценберг привел Лукрецию Немрод в Большую галерею эволюции. Свинка, которую Лукреция вела на шлейке, радовалась жизни.

Они быстро пересекли пустой музей. В этот поздний час там уже никого не было, только из одной приоткрытой двери сочился слабый неоновый свет. Они заглянули туда.

– Добрый вечер, профессор, – молвил Исидор.

Профессор Конрад, приникший к микроскопу, подскочил от неожиданности. Он узнал гостей, и в его глазах появилась паника, он завозился, что-то пряча. Толстяк-журналист сделал шаг вперед. Профессор быстро овладел собой.

– Что вы здесь делаете? Кто вас сюда впустил? В эту часть музея посетителям вход запрещен, да и час уже...

– Мы пришли вот за этим. – Исидор Каценберг указал на коробку с пятипалой ногой.

– Это не ваше.

– И не ваше.

Конрад пригрозил вызвать полицию.

– Сколько угодно. Главное, чтобы ногу оставили в покое, – спокойно ответил Исидор.

Лукреция отпустила шлейку Адониса.

– Как вы догадались, что нога здесь, Исидор?

– Люсьен Элюан обмолвился об экспертизе. А кто лучше разберется с костью недостающего звена, чем лучший в стране специалист? Вы, профессор Конрад! И потом, я подумал: кого в клубе «Откуда мы взялись?» сильнее всех смутила теория профессора Аджемьяна, настолько, чтобы пожелать тому смерти? Вас! У кого самый очевидный мотив расправиться с ним? У вас!

Девушка подошла к ученому и собрала в кулак халат у него на груди.

– Клянусь, я его не убивал! – запротестовал палеонтолог.

Лукреция уже была готова его задушить, но спутник поспешил ее успокоить.

– Прошу вас, Лукреция, бросьте эти уличные замашки!

– Сейчас я развяжу ему язык!

Свинка по имени Адонис тем временем обследовала лабораторию. Сочтя это место занятым, она обнюхала приборы, а затем отправилась

изучать Большую галерею эволюции.

– Я все вам скажу, только отпустите, я задыхаюсь!

Лукреция Немрод разжала хватку. Профессор Конрад поправил воротник и выпрямился.

– Когда профессор Аджемьян поделился со мной своей экстравагантной теорией недостающего звена – помеси свиньи и примата, я запаниковал. Надо во что бы то ни стало его остановить, сказал я себе. Я поговорил с Софи Элюан, и та тотчас отказала ему в финансировании. Не хватало транжирить деньги на такую нелепость! Чуть позже они развелись. Люсьен Элюан встревожен еще сильнее сестры. Он стал следить за Аджемьяном, чтобы понять, как продвигается его работа.

– «О рождении таланта можно догадаться, когда вокруг затевается заговор идиотов», – процитировал Исидор Каценберг Джонатана Свифта.

– А потом Люсьен сказал мне, что при необходимости пойдет на крайние меры, чтобы заткнуть ему рот. Я тогда счел это излишним, хотя понимал, как много поставлено на карту. Вы хоть представляете, что произошло бы, если бы людям сказали, что они – родственники свиней?

Издали доносилось хрюканье Адониса, отдававшего должное музейной коллекции и удивленного тем, что животные вокруг него застыли, как истуканы.

– Вам-то не грозит сотрясение основ. Дарвиниста ничто не столкнет с его позиции.

– Ошибаетесь, – раздался голос у них за спинами.

Это был Люсьен Элюан.

– Конрад совершенно растерялся. Узнав, что нога у меня, он сказал мне: «Если ее уничтожить, кто-нибудь обязательно разворошит эту историю, и сомнение будет толковаться в пользу теории Аджемьяна». Наилучший способ перечеркнуть эту дурацкую теорию, по его словам, – доказать, что так называемое доказательство является подделкой. То, что вы здесь, доказывает его правоту. Дурные идеи живут долго.

Он опять держал их на мушке своего револьвера.

– Ступайте! Не знаю, как вы сбежали с моей бойни. Придется начать снова. Руки за спину, сядьте и не шевелитесь.

Он связал их, не пожалев веревок и сильно их затянув.

– В этот раз не сбежите, даю гарантию.

– Пожалуйста, Люсьен, только без насилия в храме знания! – взмолился профессор Конрад.

– Какое насилие?! Наоборот, если вы докажете, что это подделка, то я их отпущу, пусть оповестят честной народ об этом жульничестве.

– А если он докажет, что это настоящая нога гибрида? – спросила Лукреция.

– Тогда мне придется вас убить. Профессор Конрад говорил мне, что ему не хватает моделей для изготовления парочки презентабельных чучел австралопитеков. Из ваших скелетов и из останков горилл он соорудит распрекрасную пару австралопитеков, в других музеях таксидермисты передохнут от зависти. Ну, кому придет в голову искать ваши трупы в Музее естественной истории?

Профессор был не в восторге от такой перспективы.

– Уймитесь вы с вашими ужасами, Люсьен! И не мешайте работать. Лучшее оружие – истина.

Он взял ногу и отделил от нее скальпелем чешуйку кости, которую поместил на стеклянную пластинку.

– Начну с датировки по изотопу углерода-14.

Он что-то наладил, что-то подстроил и уставился на изгибающиеся линии на мониторе компьютера. Потом потер подбородок и неуверенно сообщил:

– Этой кости более пятидесяти тысяч лет.

– Всего пятьдесят тысяч? Аджемьян считал, что недостающее звено обитало на Земле 3,7 миллиона лет назад!

– Знаю, знаю! Просто на данный момент это предел датировки по радиоизотопу углерода-14. Я сделал это, чтобы проверить, не принадлежит ли кость недавно издохшему животному. Теперь мы знаем, что имеем дело с подлинной окаменелостью. Осталось получить результаты анализа частиц земли, взятых между альвеолами на поверхности кости.

– Он делается прямо здесь? – насторожился Исидор Каценберг.

Ученый посмотрел на часы.

– Нет, я отправил материал в Жиф-сюр-Иветт, там есть специальное оборудование для датировки почвы. Сейчас им позвоню, результат уже должен быть готов.

Он стал нажимать на кнопки телефона. Выслушав ответ, он резко побледнел и положил трубку.

– Соскобу почвы с поверхности кости действительно 3,7 миллиона лет, – объявил он хрипло.

– Аджемьян был прав! – воскликнула Лукреция Немрод. Люсьен Элюан молча проверял барабан револьвера.

Профессор Конрад уже опомнился от потрясения.

– Подождите! Да, почве, как мне сказали, 3,7 миллиона лет, но с древними костями возможны любые манипуляции. Так было в деле с

черепом из Пилтдауна. Мошенник смешал окаменелые кости двух разных животных, и получилась подделка.

– Как это можно проверить? – спросил Люсьен Элюан.

– Визуально. Сейчас я изучу кость под вот этим сканирующим электронным микроскопом.

Он перешел к высокой башне, усеянной кнопками, проводками и индикаторами, открыл лючок внизу и осторожно поместил внутрь пятипалую ногу. Потом провел настройку для максимального улучшения изображения и надолго припал к окулярам.

– Взгляните, Люсьен!

Инженер тоже замер перед микроскопом.

– Ничего не вижу, только поверхность кости.

– А вы присмотритесь!

– Какие-то блестящие полосы сверху...

– То-то и оно. Это крохотные металлические отложения, сплав, железо. Три миллиона лет назад его не существовало, значит, эти следы появились недавно. Полубуйтесь, металл совершенно не поражен коррозией, это нержавейка. Теперь смотрим на участок, где я заметил эти следы. Хорошо видно, что эта поверхность подверглась обработке.

– Намекаете, что над этими фалангами поработали?! – вскричал колбасник.

– Не намекаю, а утверждаю. Сама кость и земля «окаменелости» имеют возраст 3,7 миллиона лет, но форма кости искусственная. Форма фаланг изменена, чтобы получилось подобие человеческой стопы. Да, перед нами древняя конечность, но принадлежит она четырехпалому бородавочнику, просто к ней добавили пятый палец, от другой конечности.

На сей раз свое удовлетворение не мог скрыть Люсьен Элюан.

– Вы хотите сказать, что это все-таки артефакт?

Ученый победно улыбался.

– Он самый. Подделка, гарантирую! Это древние кости, но с двух разных конечностей!

Люсьен расхохотался, Конрад тоже. Последовали взаимные поздравления.

– Я знал, знал! Аджемьян всегда был шутником. Это его последняя шутка. Как череп из Пилтдауна: сборный комплект, призванный охмурить наивных и заставить невежд-журналистов откупорить чернильницы.

Ликующий Люсьен Элюан развязал своих пленников.

– Вы свободны! Советую поведать эту историю всему миру. То-то радость для читателей! Сколько напряжения! И какой крах!

Конрад и Элюан уже захлебывались от хохота.

В этот момент вернулся поросенок Адонис, почувствовавший, что разговор имеет отношение к нему. Крики двоих мужчин так его напугали, что он предпочел найти убежище на руках у Лукреции. Та утешила его, как смогла. В глубине души она понимала, что ничем уже не сможет помочь ни ему, ни его соплеменникам.

Люсьен Элюан сразу сообразил, что журналистка похитила у него свинью, но был так рад, что нога оказалась подделкой, что не возражал лишиться одной единицы из своего несметного поголовья. Раз рыжей очаровашке нравится ласкать хрюшку, он не намерен ей мешать. Он был готов проявить благородство и преподнести ей этот дар.

Лукреция Немрод усиленно гладила своего любимца.

Журналисты впали в уныние, как болельщики, чья команда победителей продулась с крупным счетом, и, понурые, сели на мотоцикл.

– Последнее усилие для очистки совести... – буркнул Исидор Каценберг.

– Куда ехать? – спросила Лукреция Немрод, заводя мотор.

17. Смерть богини-матери

Сюда.

А потом сюда.

ОН знает дорогу и переходит на бег. Хочет вернуться к родителям и объявить, что стал другим, что теперь они могут им гордиться. ОН научился охотиться на мелких млекопитающих. Умеет теперь ориентироваться в одиночку в лесу. Не боится больше ни ночи, ни дня.

ОН умеет усваивать уроки облаков и даже порой понимает их.

ОН вспоминает брата. Простит ли ему когда-нибудь отец убийство брата?

Взгляд отца, сидящего на дне ямы, наверняка по-прежнему полон гнева. ОН сбавляет шаг. Появляться перед родителями еще рано. ОН задирает голову, чтобы спросить совета у облаков. Облака небывало всклокочены, и их подсказки не понять. ОН идет дальше, не спуская с них глаз.

Внезапно он слышит голос, отчаянную мольбу, бежит на голос и видит раненого примата, брошенного своими. Заднюю ногу животного зажал корнем, и оно не может ее высвободить. Приблизившись, ОН убеждается, что это самка. Соплеменники бросили ее, потому что им не хватило терпения, чтобы ее спасти, а стае не хотелось медлить.

«Крысы!» – думает он. Враждебные создания уже шуршат неподалеку листьями. Эти чистильщики всегда тут как тут.

ОН ворчанием спрашивает у молодой самки, что произошло. Она смотрит на него, испытывает отвращение при виде черт, полученных им по наследству от матери, и от ужаса визжит. Можно подумать, что угодить в такой природный капкан, быть брошенной своими и оказаться в окружении злобных хищников – мелочь по сравнению с ужасом, внушаемым появлением такого, как ОН.

ОН проглатывает гордыню и подходит еще ближе.

Она говорит себе, что ее бедам нет конца: сначала застряла нога, теперь на нее готово наброситься чудовище. Она издает пронзительный визг.

ОН медлит, чтобы не пугать ее еще больше.

Она полумертва от ужаса, но судорожно дергается, чтобы освободиться, убеждается, что все тщетно, и принимается грызть свою конечность.

ОН касается ее.

От ужаса она грызет себя еще сильнее.

ОН торопится вмешаться, ломает корень и высвобождает ее конечность. Она жмурится, ожидая нападения. Но ОН стоит неподвижно и только смотрит на нее.

Она хочет сбежать, но что-то ее удерживает. Уже не корень, а мысль.

Признательность.

ОН берет ветку с листьями и машет ею в воздухе по периметру поляны, давая понять, что спектакль окончен и что на сей раз грифам не достанется мясо примата. Обнаглевший шакал получает убедительный пинок. ОН всех разогнал – но и она сбежала. ОН ищет ее взглядом, находит среди ветвей дерева и сам лезет туда. Со страху она забирается все выше, туда, где тонкие ветки уже не могут выдержать ее тяжесть. ОН замирает и криком пытается предупредить ее об опасности. Но она неверно понимает издаваемые им звуки и продолжает карабкаться. Ветка ломается, она падает вниз. Повинуясь невероятному рефлексу, он ловит ее на лету. Она закрывает глаза и сжимается в комок.

ОН касается мордой ее морды. Наконец-то она вроде бы понимает, что ОН не намерен причинять ей зло.

ОН неумело улыбается, показывая десны. Попробуй вызвать к себе симпатию, если ты чудовище!

ОН протягивает ей ветку со съедобными листьями. Она колеблется, но потом берет ветку у незнакомца с головой бородавочника.

18. Тайна профессора Аджемьяна

Снова квартира Аджемьяна. Исидор Каценберг решил ничего не упускать, еще раз все тщательно осмотреть.

Толстяк всматривался, внюхивался, впитывал все вокруг, силясь понять, в чем кроется ошибка. Лукреция Немрод чувствовала, что ему нельзя мешать. Она просто семенила за ним, ведя на шлейке Адониса. Внезапно Исидор Каценберг остановился, словно на него снизошло озарение.

– Пускайте Адониса!

Девушка послушалась. Свинка метнулась в кухню и там стала прыгать на дверцу холодильника, с каждым прыжком все выше, словно вознамерилась добраться до ручки.

– Кажется, Адонис знает, что делает, – сказал Исидор.

– Чем еще интересоваться свинье, как не местом, где хранится еда? – возразила Лукреция.

Но «Шерлок Холмс от науки» не разделял ее пессимизма и внимательно наблюдал за поведением ее питомца. Сначала он распахнул дверцу холодильника, чтобы Адонис мог пошарить в главной камере, потом открыл морозильник. Но и там и там было хоть шаром покати.

– Мимо! – прокомментировала Лукреция.

– Эврика! – возразил Исидор.

Взяв из емкости для овощей гнилые капустные листья, он угостил Адониса, и тот стал их шумно поедать.

– Вот болван! Как я раньше не додумался!

– Не хотите объяснить?

Но Исидор уже торопился в ванную. Там, открыв аптечный ящичек, он выгреб все щетки, тюбики и флаконы, зачитывая заодно, как и чем пользоваться. Его внимание приковал один из флаконов.

– Да в чем дело? – не выдержала Лукреция.

У ее спутника был такой вид, будто с его плеч свалилась огромная тяжесть.

– Ну, спасибо, Адонис! – воскликнул он. – Как я сам не догадался заглянуть в холодильник и сюда! Послушайте, завести свинью было великолепной идеей! Бесценная помощница!

Он поманил Лукрецию в гостиную, сам плюхнулся в кресло и указал ей на диван. Адонис дурачился где-то поблизости.

– Ну, рассказывайте! – потребовала она.

– Я попытаюсь воспроизвести ход событий так, как они, по-моему, развивались. Профессор Аджемьян был болен. Сильно болен. Вот это средство – сильное обезболивающее. Его принимают только обреченные люди.

Сначала он надеялся, что благодаря поддержке доктора Ван Лисбет сможет доказать природу недостающего звена, но находил только малозначащие кости. Тем временем его пожирала болезнь, и он понял, что не успеет достичь цели. Тогда он и придумал весь этот изощренный спектакль, в некотором роде свою последнюю шутку.

Он письменно обратился ко всем членам исследовательской группы «Откуда мы взялись?». Наконец-то, написал он им, он располагает доказательством своей теории о том, что человечество произошло от свиньи. Так он форсировал ход событий, направил их по новому следу, как свору гончих. Чтобы окончательно свести их с ума, он вовлек в эту историю Анджело Ринцули, а тот сработал как пусковой механизм.

Ринцули должен был, прикидываясь обезьяной, нападать на всех членов группы, этим напоминая им о необходимости броситься на поиски недостающего звена. Но те от трусости ничего не предпринимали. Тогда Ринцули похитил Софи Элюан и во время путешествия убедил продолжить исследования ее бывшего мужа.

– Столько ухищрений, лишь бы привлечь внимание к святилищу в Танзании?

– Представьте себе! Он хорошо подготовил весь этот розыгрыш. Предстояла сенсация столетия! Куда там черепу из Пилтдауна! Ринцули был очень предан Аджемьяну и нашел именно ту, кто ему требовался. Кто мог выступить лучшим пропагандистом столь причудливого дела, чем колбасница, раньше открыто провозглашавшая, что совершенно не испытывает к нему интереса!

– Если бы все сработало, если бы замысел Аджемьяна осуществился, то он посмертно приобрел бы титул «нового Дарвина»!

– Естественно, ведь он дал бы неожиданный ответ на вопрос «откуда мы взялись».

– Мы – потомки обезьяны и свиньи... – Лукреция забежала по гостинной. – Все равно не понимаю. Аджемьян был непревзойденным ученым, зачем ему этот подлог?

– Потому что мошенничество иногда подстегивает серьезную науку. У ученых часто происходят взлеты интуиции, но доказать свою правоту они не могут за неимением средств или времени. Здесь и приходится очень

кстати небольшое жульническое ускорение.

– Вы серьезно?

– Как никогда! Хотите пример? Грегор Мендель, отец генетики. Подделал результаты скрещиваний горошка, чтобы доказать правильность своих теорий. Когда другие ученые воспроизвели его опыты, оказалось, что ничего не выходит, тем не менее теория Менделя оказалась верна, и в конце концов родилась современная генетика.

Аджемьян интуитивно верил в правильность своей гипотезы о недостающем звене – помеси свиньи и обезьяны. Болезнь не оставляла ему времени довести исследования до конца, вот он и прибег к самому яркому способу.

Увы, Ринцули при виде пятипалой конечности выбыл из игры. Он испытал такое же чувство, как мы с вами, но для него это стало прежде всего возможностью разбогатеть. Он всегда был неудачником, акробатом на подхвате, вторым номером – а тут такой шанс реванша! Он решил продать конечность с аукциона.

– Но это не принесло ему удачи.

Исидор Каценберг вернулся в кабинет профессора Аджемьяна.

– Мы так и не знаем, кто убил профессора, – напомнила ему рыжая журналистка.

Толстяк достал свой пакетик лакричных ирисок и стал шумно лакомиться, как слон – арахисом из мешка.

– Это было самоубийство.

– Неправда. Инспектор утверждает, что он получил ледорубом в живот. Орудие убийства пропало. Как можно нанести себе удар ледорубом, а потом куда-то его задевать? Он что, спрятал его и отправился агонизировать в ванну? Ладно еще, но тогда всюду была бы кровь. К тому же какой энергией надо было обладать! Нет, немыслимо!

Но Исидор Каценберг припас для нее сногшибательную неожиданность.

– Все-таки это был непревзойденный гений. Оружие убийства... растаяло.

– Простите?..

– Загляните в морозильник. Видите там длинный узкий след? Перед вами орудие убийства. Аджемьян изготовил длинный ледяной шип и нанес им себе удар в живот, совсем как японец, делающий харакири.

Девушка попыталась вообразить эту сцену.

– Лед недостаточно твердый, чтобы пробить кожу.

– Достаточно. Если сначала размокнуть в горячей ванне.

Она скорчила гримасу, попытавшись представить, что чувствовал бедняга Аджемьян. Исидора тоже впечатлила железная воля ученого.

– Самым трудным было, наверное, так прямо и умереть с пальцем, указывающим на зеркало, на котором он написал букву S.

– Зачем вся эта сложная мизансцена?

– Он был фанатиком криминального чтения. Вот и решил вписать свою смерть в плеяду великих неповторимых смертей, оставивших след в истории детектива. Это линия тянется от Эдгара По через Агату Кристи в наши дни: самоубийство сосулькой.

Два научных журналиста выдержали минуту молчания, мысленно отдавая дань этому необыкновенному человеку.

– Столько усилий, воображения, подготовки – и все ради того, чтобы побудить потребителя есть меньше свинины, а промышленность – причинять свиньям меньше мучений!

– Не только, еще чтобы люди задались вопросом о загадке своего происхождения.

– «Откуда взялся человек?» Профессор Аджемьян дал на это свой ответ: «Пока звучит этот вопрос, не может быть определенного ответа на другой – «Куда человек идет?» – сказал Исидор.

– Нам осталось только предупредить доктора Ван Лисбет, что пятипалая конечность – подделка. Свиньи обречены на невеселое будущее, – молвила со вздохом Лукреция, прижимая к себе счастливого Адониса.

19. Передача эстафеты

Где-то в Восточной Африке. 3763452 года, 10 месяцев, 2 дня, 13 часов назад.

ОН занимается с ней любовью. Глаза в глаза. Это удивительный, волшебный, неповторимый момент.

У НЕЕ оргазм.

У НЕГО тоже.

Потом, отдохнув, она отправляется на поиски стаи, в которой могла бы вырастить своего малыша, как «нормального».

ОН остается один. Но по-прежнему не осмеливается вернуться к родительской яме. Как и прибиться к какой-нибудь стае. Создать собственную семейную ячейку и то не смеет. Потому что знает, что ни на кого не похож. Постепенно его спутником становится одиночество. Оно, по крайней мере, не предаст. ОН говорит себе, что в жизни ты всегда одинок. Даже в паре. Даже в стае.

ОН лезет на дерево. Удерживает равновесие на верхних, самых тонких ветвях. Рядом порхает бабочка. ОН протягивает палец, бабочка опускается на него. Она синенькая, с сиреневым отливом, с длинными черными усиками. Бабочка красивая, думает он и чувствует себя уродом.

Бабочка таращит на него свои глаза-шары, огромные по сравнению с ее головкой. ОН дотрагивается до бабочки, та не возражает. ОН бы мог ее убить, даже должен был бы. Убить и съесть.

Бабочке не страшно. Немного побродив по его кисти, она взмывает к облакам. ОН провожает ее взглядом, потом долго смотрит на облака, единственных своих друзей.

ОН говорит себе, что теперь ему никто не поможет. ОН зашел в тупик. ОН стремился совершенствоваться и теперь полагает, что все знает о мире и о Вселенной. ОН горд своим знанием – абсолютным знанием, превзойти которое, как он уверен, не сможет никто и никогда.

Глядя на облака, он мысленно перечисляет, из чего состоит его наука: держаться прямо, как Папа; определять отравленную пищу, как Мама; отгонять хищников палкой, как Папа; пихаться рылом, как Мама.

Он засыпает и прежде, чем его, спящего, задирает леопард, успевает подумать:

«Я прожил прекрасную жизнь!»

20. Последняя теория

Башня-водокачка по-прежнему гордо торчала посреди пригородного пустыря. Наверху, в бассейне, устроенном Исидором Каценбергом, плескались дельфины, безразличные к миру внизу.

Почуяв лавандовое молочко, Исидор открыл глаза и загляделся на Лукрецию Немрод, разлегшуюся на шезлонге в крохотном бикини в горошек.

Из стереоколонок негромко лилась музыка – «Гимнопедия» Эрика Сати.

Дельфины вторили ей свистом и плеском.

– Они никогда не спят? – спросила девушка.

Он сел на синий плиточный пол рядом с ней.

– Нет, они же одновременно и рыбы, и млекопитающие, поэтому вынуждены, находясь в воде, вдыхать воздух. Из-за этого им противопоказана неподвижность. Но отдых нужен все равно, и они решили проблему: две половинки дельфиньего мозга спят по очереди. Одна просыпается, другая перехватывает эстафету сна.

– Сон и бодрствование в одно и то же время?

– Именно, – подтвердил хозяин пляжа. – Резвясь в реальном мире, они одновременно пребывают в мире грез.

– Вот бы и мне так! – лениво простонала Лукреция.

Дельфины, словно услышав ее, удвоили интенсивность шума и брызг.

– У меня иногда получается, пусть всего на несколько секунд, – как ни в чем не бывало проговорил Исидор. – По-моему, это доступно и людям.

Девушка потянулась и открыла последний номер «Геттёр Модерн». Прямо на обложке было крупно набрано: «СЕНСАЦИОННАЯ НОВОСТЬ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА». Фрэнк Готье давал обширный материал, сопровождаемый эксклюзивным интервью профессора Конрада.

– Видали?

– Нет. Что он там наплел?

Девушка открыла первую страницу.

– Фрэнк Готье взял интервью у Конрада. Тот выдал сухую официальщину. Еще тут обычные журналистские анекдоты: дескать, первого австралопитека окрестили Люси в честь песни «Биттлз», а бедняжке Дарвину пришлось сражаться за свою теорию с духовенством, привычная болтовня! За сенсацию выдано заурядное дежавю.

Исидор приподнялся на локте.

– И ни слова об Аджемьяне?

– Ни словечка: ни о профессоре, ни о пятипалой конечности.

– Наверное, Конрад хорошенько поразмыслил и решил, что лучшая месть Аджемьяну – это вообще его не упоминать. Убить забвением и безразличием.

– Худшее, что может произойти с изобретателем, – заговор молчания вокруг его прорыва. Даже если Аджемьян смошенничал, он открыл новое направление мысли. Ведь так и остается непонятно, почему только свиные органы совместимы с человеческим организмом.

– Да, а кроме того, по-прежнему неизвестно, почему человек вообще появился на Земле. Как объясняет зарождение человечества эта статья?

– Как случайность, генетическую игру, естественный отбор. Это ни на йоту не отличается от официальной дарвинской теории, появившейся уже более столетия назад.

Исидор Каценберг иронически усмехнулся.

– Фрэнк Готье – талантище!..

Оба прыснули.

– Возможно, прав был Люсьен Элюан, говоря, что первейшая задача журналиста – не тревожить стадо, убеждать его, что все обстоит как раньше и что надо продолжать движение в прежнем направлении, не отклоняясь ни на миллиметр, – проворчала Лукреция. – Даже если бы пятипалая конечность не была артефактом, было бы невозможно убедить кого-либо в такой тревожной правде.

Исидор беспечно тянул свой напиток.

– Главное не убедить, а заставить размышлять. Думаю, профессор Аджемьян стремился именно к этому. Он просто хотел, чтобы люди поразмыслили над вопросом: «Откуда мы взялись?»

Лукреция продолжила чтение «Геттёр Модерн». Досье включало, среди прочего, юмористическую статью Максима Вожирара «Одержимые генеалогическим древом», материал Гислена Бержерона о посещении Большой галереи эволюции Музея естественной истории и наконец статью Клотильды Планкаоэ о местах раскопок, где начинающие археологи могли бы попробовать свои силы в школьные каникулы.

– Все хорошо, планета вращается, спите, дорогие, – заключила девушка не без горечи.

Дельфины в бассейне демонстрировали свое умение плавать вертикально и задним ходом. При этом они почти полностью высывались из воды.

Лукреция встала, чтобы налить себе чего-нибудь. Адонис, нуждаясь в ласке, потерялся об нее рылом – это могло сойти за поцелуй. Ее взгляд остановился на двух панно.

– Вы принесли наверх свои таблицы будущего и прошлого!

От количества возможностей рябило в глазах. Исидор добавил еще листочков к кроне будущего, еще корешков к стволу прошлого. Они стали результатом их последнего расследования.

Пока она изучала прошлое и будущее, автоматически включился телевизор.

– А теперь новости настоящего! – прокомментировал Исидор.

После обильных анонсов ведущий сообщил о бельгийском педофиле, организовавшем сеть похищения детей, опутавшую всю Европу; похищенных продавали богатым бизнесменам, предававшимся с ними сексуальным извращениям. Далее сообщалось, что снайпер застрелил на иорданской границе семерых израильских школьников, ехавших в школьном автобусе; он целился им в головы и потом жалел, что не убил больше. Его подвиг вызвал взрыв ликования в нескольких соседних странах.

С каждой новостью голос ведущего звучал все более озабоченно.

В Китае зафиксирована новая куриная эпидемия, вызванная стремлением птицеводов любой ценой повысить доходность хозяйств. Болезнь передается человеку, три миллиона птиц будут сожжены в ближайшие дни во избежание распространения эпидемии за границы страны.

Новые разоблачения на тему торговли органами в Южной Америке. По ночам на улицах хватают бродяг, вырывают им глаза, зашивают веки и отправляют попрошайничать в трущобы. Роговица продается в элитные клиники для пересадки. Ведущий сожалеет о дефиците доноров-добровольцев, порождающем такой промысел.

Исидор Каценберг вскочил, схватил телевизор и швырнул его в таблицу будущего. Телевизор разлетелся вдребезги. Толстяк снова сел и горестно сгорбился. Лукреция и Адонис подошли к нему. Девушка сняла с него очки, готовые упасть, из его левого глаза текла слеза.

– Простите, – сказал журналист, – меня всё трогает, всё волнует, всё разрушает.

Лукреция обвила руками эту живую гору, внутри которой билось чуткое сердце. Она сожалела, что ее друг недостаточно жирен и что его сердце плохо защищено от реальности мира людей, где ему довелось жить.

Исидор посопел и шумно высморкался.

– Ты похож на большого ребенка, когда плачешь, – пошутила Лукреция, желая его утешить.

Исидор Каценберг: первый герой, плачущий при звуке новостей.

Она протянула ему лакричные ириски и что-то прошептала на ухо.

«Слушать, понимать, молчать».

– Молчать у меня не получается, – прогудел он с полным сладостей ртом, утирая слезы. Потом, надев очки, уставился в зеленые глаза Лукреции.

– Ты спрашивала меня, что такое недостающее звено... Кажется, теперь у меня есть ответ. Думаю, все мы – переходная стадия. Настоящий человек еще не появился, а раз так...

– Договаривай!

И он договорил совсем тихо:

– Недостающее звено – это мы.

Благодарность

Хочу обязательно поблагодарить:

Людей, окружавших меня, пока я писал эту книгу. Слушая за завтраком и за ужином их рассказы и обращая внимание на то, что их интересует в моих, я обзаводился необходимым материалом.

В палеонтологии, зоологии и биологии меня просвещали проф. Эрбер Тома, проф. Борис Цирульник, д-р Франс Бурели, проф. Жеоао Амзаллаг, Оливье Буске и Кристоф Сидо.

Насчет боен – ветеринары Мишель Дезераль, Доминик Мармион и Жером Маршан.

В медицине – д-р Фредерик Зальдман и д-р Мюриель Вербер.

Очень признателен за советы и поддержку Рен Зильбер.

Выражаю благодарность моему редактору Ришару Дюкуссе.

Франсуазе Шаффанель-Ферран – за внимание и терпение.

Скульптору Марку Буле, научившему меня наблюдать природу и подолгу гулять в лесу.

Филипу К. Дику (если его призрак читает меня и понимает по-французски), чьи причудливые романы постоянно заставляют кипеть мои нейроны.

Исидору Верберу, отцу моего отца, – он всегда останется для меня примером для подражания.

Фредерику Ленорману, Давиду Бошару, Ивану Сигане и Максу Прие – четверем параллельным путям познания мира.

Парижскому метро, постоянному источнику открытия лиц и судеб.

Эта книга задумана и написана в марте 1995 – августе 1998 г.

За написанием этого романа я слушал музыку: Эрик Сати «Гимнопедии», Роджер Уотерс «Смертельное веселье», Дворжак «Симфония Нового Света», «Айрон Мейден» «Дозволение по имени», Лама Гирум и Жан Филипп Рикель «Пожелание к пробуждению», «Пинк Флойд» «Энималз» (в том числе, естественно, «Свиньи»), «Джентл Джайнт» «Край сумерек», Марийон «Грендель», Лоик Этьен музыка к «Книге пути».

А еще я признателен всем деревьям, пошедшим на целлюлозу для этих страниц. Без них не состоялась бы эта книга.

notes

СНОСКИ

1

Игра слов: замок по-французски – chateau, водокачка – chateau d’eau. –
Здесь и далее примечания переводчика.

Обезьяна (фр.).

Последние слова репликанта Роя Батти, сыгранного Рутгером Хауэром, в фильме Риддли Скотта «Бегущий по лезвию».

Serpent ($\phi p.$).

Simulacre, (ϕp .)

Свинообразные (*фр.*).